

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

112

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

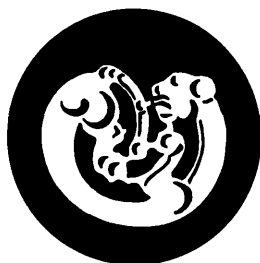
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

112

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Сборник посвящен актуальным проблемам древней истории, содержит новый материал для изучения памятников позднего бронзового века Юго-Запада СССР, Курской и Воронежской областей, Нижнего Подонья и Поволжья.

Раннему железному веку посвящен ряд статей, которые вносят много нового в освещение истории племен, населявших Восточную Европу, их культуры, быта, хозяйства, а также вопроса об их взаимоотношениях.

Издание рассчитано на историков, этнографов, а также на широкие круги читателей, интересующихся древнейшей историей.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — доктор исторических наук *А. П. Раппопорт*

Члены редколлегии:

*Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Х. И. Крис (отв. секретарь), К. Х. Кушнарева,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

АННА ВАСИЛЬЕВНА ЗБРУЕВА

6 сентября 1965 г. в Москве скончалась Анна Васильевна Збруева — старший научный сотрудник Института археологии Академии наук СССР, доктор исторических наук.

Смерть вырвала из наших рядов одного из старейших советских археологов, посвятившего всю свою жизнь изучению истории первобытного общества Восточной Европы.

А. В. Збруева родилась в Москве в семье рабочего 25 июня 1894 г. Очень рано А. В. Збруевой пришлось начать трудовую жизнь. Шестнадцати лет, окончив гимназию, она стала народной учительницей сначала в Московской области, позднее в Москве. Только после Великой Октябрьской социалистической революции ей удалось осуществить свою заветную мечту о продолжении образования. В 1922 г. А. В. Збруева была зачислена в Московский государственный университет на отделение археологии и искусствознания факультета общественных наук.

После окончания Московского университета в 1925 г. в числе первых советских археологов А. В. Збруева начала свою научную деятельность внештатным сотрудником Государственного исторического музея. Позднее она работала научным сотрудником Музея народоведения и Музея антропологии Московского университета. В 1936 г. А. В. Збруева переходит на работу в Московское отделение Государственной Академии истории материальной культуры (позднее Институт археологии АН СССР), в стенах которого проходит вся ее последующая научная работа до ухода на пенсию в 1962 г.

Первоначально научные интересы молодая исследовательница сконцентрировала на почти не изученных первобытных памятниках нашего Севера. Она принимает деятельное участие вместе с А. Я. Брюсовым и А. П. Смирновым в работе экспедиций в Коми АССР, Архангельскую и Костромскую области. В результате этих работ ею были опубликованы статьи о древних памятниках, оставленных северными племенами.

В конце 20 — начале 30-х годов А. В. Збруева под руководством В. С. Жукова ведет плодотворную работу в составе Антропологической комплексной экспедиции Московского университета. Экспедиционные исследования не только обогатили начинающего ученого опытом полевых исследований и познакомили с новым археологическим материалом, но навсегда определили ее научные интересы в области первобытной культуры племен Приуралья позднего бронзового и раннего железного веков. В 1932—1934 гг. А. В. Збруева работала в составе археологической экспедиции ГАИМК в зоне строительства канала им. Москвы и при прокладке первой очереди Московского метрополитена им. В. И. Ленина; в 1936 г. она участвовала в работах Крымской палеоантропологической экспедиции МГУ; в 1931 г. ею проделан 500-километровый разведочный маршрут по р. Вятке. Новые памятники еще теснее связали ее интересы с изучением ананьинской культуры.

Анна Васильевна Збруева

В 1933—1937 гг. под руководством А. В. Збруевой отрядом Камской экспедиции были раскопаны у г. Перми Галкинское городище и Конецгорское селище ананьинской культуры, произведены разведки в устье р. Чусовой и на реках Туе и Гаревой. К числу наиболее интересных и важных исследований А. В. Збруевой следует отнести раскопки в 1938—1940 гг. целого комплекса памятников близ г. Елабуги (в плане работ Куйбышевской экспедиции). Здесь, у поселка Лугового, ею исследованы стоянка и курганы эпохи поздней бронзы и богатый могильник ананьинской культуры.

Нападение фашистской Германии на нашу страну прервало столь плодотворно начатые ею исследования памятников ананьинской культуры. Но и в эвакуации Анна Васильевна продолжала теоретическую работу над избранной темой.

После окончания Великой Отечественной войны А. В. Збруева, руководя 2-м отрядом Куйбышевской экспедиции, проводит широкие полевые работы по раскопкам археологических памятников в зоне затопления Куйбышевской гидроэлектростанции. Хронологический диапазон ее работ значительно расширяется. В это время был исследован Гулькинский могильник ананьинской культуры, ряд памятников эпохи бронзы. Одновременно она пишет свой основной труд «История населения Прикамья в ананьинскую эпоху». Прошло уже почти 15 лет после выхода в свет ее монографии, но все основные положения А. В. Збруевой остаются незыблемыми, несмотря на появление нового большого материала из ананьинских памятников Прикамья. Книга стала настольной для каждого археолога, занимающегося проблемами истории раннего железного века на Урале и в Поволжье.

В «Истории населения Прикамья в ананьинскую эпоху» А. В. Эбруева дала не только полное описание как раскопанных памятников, так и случайных находок, но нарисовала нам увлекательную картину жизни, быта, хозяйства, идеологии и процесса исторического развития населения Прикамья в раннем железном веке. За этот капитальный труд в 1935 г. А. В. Эбруевой была присуждена ученая степень доктора исторических наук.

Занимаясь вопросом происхождения ананьинских племен, Анна Васильевна с величайшей энергией приступила к изучению памятников эпохи поздней бронзы на территории Северо-Западной Башкирии, полагая, что где-то на юго-востоке следует искать истоки ананьинской культуры.

В продолжение ряда лет она руководила крупной экспедицией Института археологии и Башкирского филиала Академии наук СССР. Здесь ею были исследованы стоянка имени М. И. Касьянова культуры курмантау, могильник Метев-Тамак культуры баланбаш, Новобаскаковские курганы и Метевтамакская, Новобаскаковская, Старотукмаклинская стоянки срубной культуры. Но самым большим достижением является открытие памятников совершенно нового для Башкирии типа — стоянок Ахметово I и II в 60 км к северо-западу от Уфы. Памятники ахметовского типа относятся к концу II тысячелетия до н. э., и их происхождение связывается с областями Зауралья.

Болезнь и смерть прервали плодотворную исследовательскую деятельность Анны Васильевны. От нас ушел скромный и отзывчивый человек, всегда готовый прийти на помощь товарищу, неутомимый труженик и энтузиаст археологической науки, ученый, не только много сделавший для изучения первобытной эпохи в Прикамье, но всегда щедро делившийся своими богатыми знаниями и опытом с молодым поколением археологов.

Те, кто знал Анну Васильевну в годы расцвета ее творческой энергии, помнят человека неиссякаемой бодрости и оптимизма, великолепного работника, никогда не пасовавшего перед трудностями, как бы значительны они ни были.

Работая в Музее антропологии, Анна Васильевна своими руками провела работу по учету и упорядочению хранения его огромных коллекций. Она всегда сохраняла живой интерес к теоретическим вопросам истории первобытного общества, что нашло отражение в ряде позднее опубликованных ею работ.

Деятельная натура Анны Васильевны сказывалась в постоянной общественной работе в коллективе, где бы она ни работала, в многочисленных добровольных археологических экскурсиях по Подмосквью.

Незаменима была Анна Васильевна как товарищ и спутник в экспедициях. Всегда спокойная, ровная и рассудительная, упорная в достижении намеченной цели Анна Васильевна подходила с необычайной серьезностью и добросовестностью к любому делу. Опубликованный ею материал тщательно обработан и описан.

Советское правительство высоко оценило труд А. В. Эбруевой, наградив ее орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Светлая память об Анне Васильевне Эбруевой — советском ученом, историке — навсегда сохранится в сердцах археологов.

Б. Г. Тихонов, О. Н. Бадер

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ
А. В. ЗБРУЕВОЙ

- Раскопки на дюнах Белого моря близ селения Красной Горы и у р. Галдарей.— Сборник. К десятилетию Октября. Моск. секция ГАИМК. М., 1928. № 11 (в соавторстве с М. Е. Фосс).
- Стоянка на реке Чукче близ селения Красной Горы.— Сборник. К десятилетию Октября. Моск. секция ГАИМК. М., 1928, № 1.
- Стоянка на реке Юге Чухломского уезда Костромской губернии.— «Труды секции археологии. Ин-т археологии и искусствознания РАНИОН», т. 4. М., 1928.
- Der Wohnplatz von Lipki im Gouv. Wladimir.— Eurasia Septentrionalis. Antiqua, t. 4, Helsinki, 1929.
- Ископаемые люди. Объяснительный текст к серии диапозитивов. М., 1933.
- Пижемское городище.— ИГАИМК, 1935, вып. 106.
- Работы на строительстве канала Москва—Волга. Археологические памятники.— ИГАИМК, вып. 109, 1935 (в соавторстве с О. Н. Бадером, М. В. Талицким, Т. С. Пассек и др.).
- Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции (Средволгострой). Участок по р. Шексне.— ИГАИМК, вып. 109, 1935 (в соавторстве с М. В. Воеводским). Селище Отарка.— СЭ, 1934, № 5.
- Письмо в редакцию. Дополнение к статье «Селище Отарка».— СЭ, 1935, № 2.
- К вопросу о происхождении ананьинской культуры.— Антропологический журнал 1936, № 4.
- Ананьинский могильник.— СА, II, 1937.
- К вопросу о появлении домашних животных в Прикамье.— СА, III, 1937.
- Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла 1938—1939 гг.—ВДИ, 1939, № 4 (9).
- Галкинское городище.— МИА, № 1, 1940.
- К вопросу о климатических изменениях около начала I тысячелетия до н. э.— Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, 1940, № 6—7.
- Коллективное жилище в Прикамье.— ВДИ, 1940, № 2 (11).
- Свиногорское городище.— МИА, № 1, 1940.
- Из работ Куйбышевской экспедиции.— КСИИМК, 1941, № 10.
- Происхождение ананьинской культуры.— КСИИМК, 1941, № 9.
- Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья.— ВДИ, 1946, № 3 (17).
- Рецензия на кн. «Археологические памятники Урала и Прикамья» (МИА, № 1, М.—Л., 1940).— ВДИ, 1946, № 3 (17).
- Ананьинский могильник.— Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. М.—Л., 1947.
- Археологический отряд комплексной экспедиции в Коми АССР.— КСИЭ АН СССР, 1947, № 2.
- Городище Грохань.— КСИИМК, 1947, № 16.
- Идеология населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— Труды Института этнографии АН СССР. Нов. сер. М.—Л., 1947, т. 1.
- Луговской могильник.— Труды Института этнографии АН СССР. Нов. секр. М.—Л., 1947, т. 2.
- Мало-Окуловские курганы.— СА, IX, 1947.
- О датировке акинака из Луговского могильника.— КСИИМК, 1947, № 15.
- О находке мустерского остроконечника близ г. Куйбышева.— Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, 1947, № 9.
- О результатах работ Камской экспедиции.— КСИИМК, 1947, № 21.
- Камская экспедиция в 1946 г.— КСИИМК, 1948, № 20.
- Луговская стоянка и могильник.— Первое уральское археологическое совещание (20—25 апреля 1947 г.). Молотов. 1948.

- Маклашеевские могильники.—КСИИМК, 1948, № 23.
Памятники эпохи бронзы в Западном Приуралье и ананьинская культура.—Первое уральское археологическое совещание (20—25 апреля 1947 г.). Молотов, 1948.
Камская экспедиция.—КСИИМК, 1949, № 26.
Ананьинская культура.—Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М., 1950, т. 2.
Мало-Окуловская неолитическая стоянка.—КСИИМК, 1950, № 31 (в соавторстве с М. В. Воеводским).
Памятники поздней бронзы в Прикамье.—КСИИМК, 1950, № 32.
Пермский всадник.—ВДИ, 1950, № 1 (31).
История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М., 1952. Автореф. диссерт.
История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.—МИА, № 30, 1952.
Катловское городище.—КСИИМК, 1953, № 49.
Николай Афанасьевич Прокошев.—Уч. зап. Молотовского ун-та, 1953, т. 9, вып. 3.
Предисловие редактора. В кн. «Древняя история Нижнего Приобья».—МИА, 35, 1953.
Гулькинский могильник.—МИА, № 42, 1954.
Население берегов Камы в далеком прошлом.—По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954.
Культуры поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры.—Тезисы докладов на Конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья. М., 1956.
Задачи археологического изучения Башкирии и работы Башкирской экспедиции ИИМК и Баш. ФАН СССР.—Тезисы докладов на сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1957.
Культура поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры.—СА, 1957, № 2.
Могильник Метев-Томак.—КСИИМК. М., 1958, № 72.
Стоянка имени М. И. Касьянова.—Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959.
Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье.—МИА, № 80, 1960.
Затонское селище.—Археология и этнография Башкирии, т. I Уфа, 1962.

Составила Г. Е. Грюнберг

І. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

М. Б. ШУКИН

О ТРЕХ ДАТИРОВКАХ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Шестьдесят шесть лет прошло со времени раскопок В. В. Хвойкой могильника в с. Черняхов. В. В. Хвойка определил дату могильника «начиная со II в. н. э. и последующие затем три века»². По мнению многих исследователей, эта дата остается неизменной и сейчас³. Однако сразу же родилась и другая, более «узкая» хронология черняховской культуры. Н. Ф. Беляшевский⁴, а затем П. Рейнеке⁵ высказались за III—IV вв.

До последнего времени обе эти даты — «узкая» (III—IV вв. н. э.) и «широкая» (II—V вв. н. э.) — довольно мирно сосуществовали. Теперь все чаще раздаются вполне определенные высказывания за ту или другую датировку⁶.

Оживленная дискуссия велась вокруг попытки омолодить черняховскую культуру, довести ее до VIII в. и генетически связать с памятниками Киевской Руси⁷.

Развернутая критика этой «сверхширокой» датировки дана Д. Т. Березовцом в 1963 г.⁸ Он достаточно убедительно показал несостоятельность аргументов М. Ю. Браичевского и Е. В. Махно, недостоверность фактов, используемых ими. Предметом настоящей заметки в основном являются расхождения между сторонниками «узкой» и «широкой» датировок. Вначале только сделаем несколько замечаний об амфоре из Ягнятина, вопрос о дате которой Д. Т. Березовец оставил открытым⁹. Эта амфора может

¹ Настоящая статья является кратким изложением доклада, прочитанного автором на заседании Группы славяно-русской археологии ЛОИА 11 января 1966.

² В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 43, 44.

³ В. В. Петров. Черняховский могильник. МИА, № 116, 1964, стр. 117.

⁴ Н. Ф. Беляшевский. Ближайшие задачи археологии юга России. АЛЮР, 1903, № 1, стр. 11.

⁵ P. Reinecke. Aus der russischen archäologischen Literatur. «Mainzer Zeitschrift», I. Mainz, 1906, S. 46

⁶ В. П. Петров. Указ. соч., стр. 117; G. B. Fjodorow. Rezultatele și problemele principale ale cercetarilor arheologice din sudvestul URSS referitoare la primul mileniu al. e. n. SCJU. X. № 2, 1959, стр. 104; Э. А. Рикман, И. А. Рафилович. К вопросу о соотношении черняховской и раннеславянской культур в Днестровско-Дунайском междуречье. КСИА, вып. 105, 1965, стр. 46, 47.

⁷ П. Н. Третьяков. Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. КСИИМК, X, 1941, стр. 124; М. Смишко. Селище доби поховань у Вікнигах Великих, «Археологія», т. I, Київ, 1947, стр. 121; Э. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному правобережжі. АП УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 163, 164; М. Ю. Браичевський. Археологічні матеріали до вивчення культури східнославянських племен VI—VIII ст. «Археологія», т. IV, 1950, стр. 51—55.

⁸ Д. Т. Березовец. О датировке черняховской культуры. СА, 1963, № 3, стр. 97—110.

⁹ Там же, стр. 98, 99.

быть поставлена в типологический ряд развития широкогорлых амфор в Афинах¹⁰ и займет там место между амфорами середины III в. н. э. и конца IV в. н. э.¹¹ Очень близка ягнятинской амфоре и амфора из погребения 46 могильника «Совхоз 10» в Инкерманской долине¹². Их сближают и размеры, и пропорции, и характер оформления венчика, ручек. Этот могильник датируется III—IV вв. Амфора в погребении 46 сочетается с чашечкой, покрытой красным лаком «того же цвета, что и глина», характерным для III в. н. э.¹³ Таким образом, амфора из Ягнятина, по-видимому, относится ко второй половине III—IV вв. н. э.

Для того чтобы быть абсолютно уверенным в существовании черняховской культуры во II в. н. э., мы должны иметь в достоверных черняховских комплексах вещи, твердо датирующиеся II в. и уже вышедшие из употребления в III в., а для V в. должны найти комплексы с вещами, начинающими свое существование только в V в. Во всех других случаях наши датировки будут только предположительными.

Какие же данные могут свидетельствовать о существовании черняховской культуры во II в. н. э.? Таким аргументом обычно служили находки римских монет II в. Но, во-первых, монеты всегда дают только *terminus post quem*, во-вторых, уже давно замечено, что они очень часто сочетаются с более поздними монетами III—IV вв.¹⁴ Это объясняется тем, что в III в. н. э. происходила «порча» римской монеты¹⁵, а «варварский» мир по той или иной причине предпочитал старые полноценные деньги.

Другими аргументами в пользу II в. являлись находки узкогорлых светлоглиняных амфор, датировки которых, однако, не были разработаны и обоснованы. Их относили то к II—III, то I—III, то II—IV вв.

Исследование узкогорлых амфор показывает, что наиболее ранние из них, известные в черняховской культуре (амфоры типа найденной в Беседовке¹⁶, постоянно встречаются в закрытых комплексах середины III в. А о датировке II в. можно говорить только на основании находок их фрагментов в смешанных слоях II—III вв., которые не поддаются расчленению¹⁷.

По мнению В. П. Петрова, об амфорах II в. свидетельствует краснолаковый кувшинчик из черняховского могильника¹⁸. Известно, однако, что коллекция В. В. Хвойки из Черняхова не разделена полностью по комплексам, и комплекс с кувшинчиком не восстанавливается. А в этой коллекции имелись также три лепных сосуда зарубинецкой культуры, и не исключено, что именно с зарубинецкими комплексами был связан краснолаковый кувшин. Время же существования этих кувшинов настолько широко, что делать заключения о хронологии не представляется возможным. Они изве-

¹⁰ Подробнее см.: М. Б. Щукин. К вопросу о датировке ягнятинской амфоры. «Вестник ЛГУ» (в печати).

¹¹ H. Robinson. Pottery of the Roman Period. «The Athenian Agora», vol. V, 1958, Pl. 15, K112; Pl. 29, M273.

¹² С. Ф. Стржелецкий. Отчет о раскопках позднеантичного (III—IV в. н. э.) могильника «Совхоз 10» в Инкерманской долине за 1961 г., стр. 19, 31, рис. 128, 129. Рукописный архив ИА УССР. Фотографии комплекса погребения 46 и подробное описание были любезно присланы мне С. Ф. Стржелецким, за что приношу ему глубокую благодарность.

¹³ Т. П. Книпович. Танаис. 1949, стр. 70, рис. 261; Л. Ф. Силантьева. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата. МИА, № 85, 1958, стр. 296.

¹⁴ Sture Bolin. Die Funde römischer und byzantinischer Münzen im freien Germanien. «Bericht der RGK», № 19, 1930, S. 100, 101.

¹⁵ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 54, 55.

¹⁶ I. Kostrzewski. Pradzieje Polski. Poznan, 1949, str. 191. O. Almgren. Studien über Nordeuropäische Fibelformen. «Mannus-Bibliothek», № 32, 1923, S. 81.

¹⁷ Подробнее о датировках узкогорлых амфор см.: М. Б. Щукин. Некоторые данные об амфорах черняховской культуры. «Сборник докладов IX и X Всесоюзных Археологических студенческих конференций», 1965.

¹⁸ В. П. Петров. Указ. соч., стр. 103, рис. 10, 5, 7, 10.

стны не только в комплексах II в. н. э.¹⁹, как указывал В. П. Петров, но и в комплексах IV—II вв. до н. э.²⁰ и в комплексах III в. н. э. в Тиритаке с монетами Рископориде III (211—226)²¹, и в подвале «Г» в Танаисе, погибшем в середине III в. н. э.²², и в материалах позднеантичного могильника «Совхоз 10» в Инкерманской долине²³ вместе с краснолаковыми чарками и амфорой, находящей аналогии в комплексе ямы № 57 в Ольвии, датированном по совокупности находок серединой III в. н. э.²⁴ Существовали они и в более позднее время в V—VI вв. н. э.²⁵ Учитывая все это, кувшин из Черняхова следует исключить из числа вещей, датирующих черняховскую культуру.

Новые доказательства существования черняховской культуры до второй половины V в. н. э. пытается привести В. Д. Баран²⁶. Он основывается на находках на поселении Рипнев II трех провинциально-римских фибул и фибулы ранневизантийского типа.

Провинциально-римские арбалетовидные фибулы с шишечками, известные в литературе как «Bügelknopffibeln» (рис. 2, 1), широко распространены по всей Европе, имеют довольно много вариантов и существуют на протяжении длительного времени от II в. н. э. до VI в. н. э. Основная же масса их приходится на IV—начало V в. н. э.²⁷

В. Д. Баран усматривает сходство одной из рипневских фибул с фибулой из погребения второй половины V в. н. э. в Блучине на основании сходства орнамента (концентрические кружки) и размеров²⁸ (рис. 2, 2). Действительно, погребение в Блучине хорошо датируется 450—480 гг. н. э., и фибула из него относится к типу «Bügelknopffibeln». Но она имеет мало общего с рипневской. Она серебряная, а в Рипневе — бронзовая. У блучинской фибулы шишечки граненые, у рипневской — круглые, а главное фибула из Блучина имеет длинную ножку (равную по длине лучку), богато орнаментированную «плетенкой»²⁹. Длинная ножка — один из характерных признаков поздних фибул, как и «плетенка»³⁰. В Рипневе же ножка фибулы короткая (в два раза короче лучка) и не орнаментирована. Что же касается циркульного орнамента, то он встречается повсеместно на всех типах фибул, и ранних и поздних, и не может служить хронологическим признаком³¹.

¹⁹ М. М. Кобылина. Раскопки некрополя Тиритак в 1933 г. МИА, № 4, 1941, стр. 78, рис. 113; Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. МИА., № 98, 1961, стр. 21, 62, 73, табл. XX, 6; XIX, 1; XXXVII, 7; М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. «Вопросы скифо-сарматской археологии», 1954, табл. IV, 5, 9, 10; V, 2; VI, 4; стр. 253.

²⁰ С. И. Капошина. Некрополь в районе поселка им. Войкова. МИА, № 69, 1959, рис. 43, стр. 137; Т. Н. Книпович. Керамика местного производства с раскопа «И». «Ольвия» т. I. Киев, 1940, табл. XXXIV, 26, XXXV, 2; И. Т. Кругликова. Ремесленное производство простой керамики Пантиккопея. МИА, № 56, 1957, стр. 123, рис. 6, 11; И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Тиритак в 1933 г. МИА, № 4, 1941, стр. 62, 63, рис. 91.

²¹ В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Тиритак в 1933 г. МИА, № 4, 1941, стр. 62, 63, рис. 91.

²² Д. Б. Шелов. Раскопки северо-восточного участка Танаиса. «Древности Нижнего Дона». МИА, № 127, 1965, стр. 96, рис. 32.

²³ С. Ф. Стржеleckий. Отчет о раскопках позднеантичного могильника (III—IV в. н. э.) в Инкерманской долине за 1956 г., рис. 126, 132, 136. Рук. архив ИА АН УССР.

²⁴ Доклад Г. М. Павда на секторе античной археологии ЛОИА 24 июня 1965 г.

²⁵ D. Tudor. *Sucidava*. III. «Dacia» XI—XII, 1945—1947, p. 171, fil. 22, 3.

²⁶ В. Д. Баран. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга. МИА, № 116, 1964, стр. 248—250, рис. 16, 17—19.

²⁷ E. Meyer. *Die Bügelknopffibeln*. «Arbeits- und Forschungsbericht zur Sächsischen Bodendenkmalpflege», Bd. 8, 1960, S. 239, 241.

²⁸ В. Д. Баран. Указ. соч., стр. 249, рис. 16, 18.

²⁹ K. Thielka. *Knížeci hrob z obdobi stehoueni narodu u Bluciny, okv. Bro—Venkov*. «Památky archeologicke», vol. 54—2, 1963, str. 494, obr. 5 : I.

³⁰ Maria Schmieđlova. *Spony z doby Rimskej na Slovensku* «Studijne zvest AUSAV», s. 5. Nitra, 1961, str. 23.

³¹ E. Meyer. *Op. cit.*, S. 229. Tabelle.

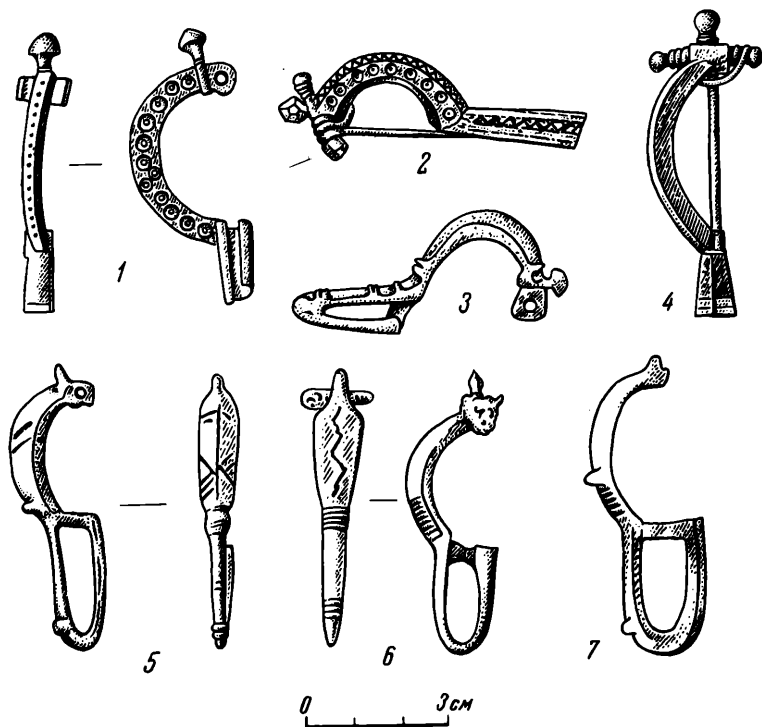

Рис. 2. Фibuлы типа «Bügelknopffibeln»

1 — Рипнев II; 2 — Блучин; 3 — Конникегард; 4 — Шерапен и фibuлы ранневизантийского типа (5—7); 5 — Рипнев II; 6 — Хедмезевашеркей-Кишхонок; 7 — Сучидава

По конструкции к рипневской фibuле ближе всего, пожалуй, фibuла из Шерапена³² (рис. 2, 4). Их различает только отсутствие на последней циркульного орнамента, зато у них одинаковые пропорции и конструктивные особенности, в частности такая характерная деталь, как небольшой щиток в месте присоединения пружины к лучку. Эта аналогия позволяет отнести рипневскую фibuлу скорее к середине III в. н. э., чем ко второй половине V в., так как в Шерапене она сочетается с фibuлами типа Альмгрен 167, 168³³.

Серебряную с позолотой фibuлу «ранневизантийского типа» (рис. 2, 5) В. Д. Баран совершенно справедливо сопоставляет с фibuлами из Сучидавы, Садовско-Кале и Брезигова и датирует V—VI вв.³⁴ Но в Рипневе II эта фibuла найдена вне комплекса в пахотном слое, на глубине 20 см³⁵, и связь ее с черняховским слоем проблематична, так как в Рипневе есть и славянское поселение VI—VII вв. В. Д. Баран пытается решить эту проблему, проследив, «с какими материалами выступают аналогичные фibuлы на других памятниках»³⁶. Для этого он использует погребение 336 в Канникегарде на о. Борнхольм, где фibuла с монолитным приемником, конструктивно близкая рипневской, сочетается с фibuлами с подвязанной ножкой и с высоким держателем иглы³⁷. Последние характерны для черняховских па-

³² E. Meyer. Op. cit., Abb. 82, S. 323.

³³ O. Almgren. Studien über nordeuropäische Fibelformen «Mannus-Bibliothek», № 32, 1923, S. 85, Taf. VII. 167, 168.

³⁴ В. Д. Баран. Указ. соч., стр. 249, рис. 6, 19.

³⁵ Там же, стр. 249.

³⁶ Там же.

³⁷ E. Meyer. Op. cit., S. 285, Abb. 37; O. Almgren. Op. cit., Taf. VII, 162; Taf. VIII, 185; Taf. IX, 196, 197.

Типы вещей \ датировка	II в. н.э.	III в. н.э.	IV в. н.э.	V в. н.э.
1 	[Hatched bar from approx. 250 to 350 AD]			
2 		[Hatched bar from approx. 350 to 450 AD]		
3 	[Hatched bar from approx. 250 to 450 AD]			
4 	[Hatched bar from approx. 200 to 350 AD]			
5 		[Hatched bar from approx. 350 to 450 AD]		
6 		[Hatched bar from approx. 350 to 450 AD]		
7 		[Hatched bar from approx. 250 to 350 AD]		
8 			[Hatched bar from approx. 450 to 550 AD]	
9 		[Hatched bar from approx. 350 to 450 AD]		
10 			[Hatched bar from approx. 400 to 500 AD]	
11 			[Hatched bar from approx. 450 to 500 AD]	

Рис. 3. Хронология характерного инвентаря черняховской культуры, датировки которого разработаны:

3—6 — по О. Альмгрену, Э. Мейеру, Т. Кольнику; 7—8 — по Э. Томаш; 9—11 — по Г. Экхольму

мятников, следовательно, и фибула из Рипнева относится к черняховскому слою. Едва ли подобная аргументация достаточна. Единственно, что доказывает комплекс из Канникегарда, — это то, что фибулы такого типа появились еще в III в. Но существовали они до VII в., выступая на памятниках этого времени уже с материалами, характерными и для славянских памятников (например, привески пастырского типа в Садовско-Кале)³⁸. Так что фибулу из Рипнева можно отнести как к черняховскому, так и к славянскому слою. И скорее всего ко второму, поскольку фибула из Канникегарда — единственная в своем роде и существенно отличается от рипневской, которая типологически гораздо ближе к многочисленным фибулам второй половины VI в. из Сучидавы³⁹ (рис. 2, 7) и к фибуле из могильника Ходмезевашархей-Кишхомок рис. (2, 6), датированного 580—620 гг.⁴⁰ С ними ее сближает и довольно широкий, почти прямоугольный приемник, в отличие от треугольного в Канникегарде, и овальная спинка, в отличие от трехгранной. У фибулы из Рипнева очень маленький деградировавший

³⁸ Iven Velkov. Eine Gotenfestung bei Sadowetz. «Germania», Bd. 19, H. 2, 1935, Taf. 17.

³⁹ D. Tudor. Op. cit., p. 197, fig. 41, 13—15.

⁴⁰ D. Czallány. Der gepidische Grabfund von Szentes — Naguhegy und seine archäologischen Beziehungen. «Archaeologiai Ertesito», III, 1—3, 1941, Taf. XXXXIX, 4, 5.

шип на головке, а фибулу из Кенникегарда Альмгрен и Мейер не случайно относили к типу «Bügelknopffibeln».

Таким образом, до сих пор в достоверных черняховских комплексах не найдено вещей, существование которых ограничивалось бы II или V в. н. э. Хронологические рамки черняховской культуры определяются предметами, имеющими длительный период существования, которые бытовали как во II, так и в III в., как в IV, так и в V в., и если мы учтем весь период их функционирования и возьмем, так сказать, внешние рамки, мы получим «широкую» датировку. А если за начало и конец культуры примем «внутренние» рамки, т. е. время, когда самые ранние и самые поздние ее предметы начинают сочетаться или соответственно еще сочетаются с другим массовым инвентарем, мы получим «узкую» датировку (рис. 3).

Спор между сторонниками «широкой» и «узкой» хронологии по сути дела идет не о фактах, а о методе.

В действительности черняховская культура, вероятно, сложилась и исчезла где-то в промежутках между границами «узкой» и «широкой» хронологии. Но в какой части этого промежутка, мы пока не можем точно установить, тем более, что возникла и исчезла она, очевидно, не вдруг, не мгновенно.

И мы не сможем решить проблему хронологии черняховской культуры и ее происхождения, пока не представим ее в развитии, в движении, не расчленим ее на ряд условных этапов, переходящих друг в друга, не научимся различать ранние и поздние памятники.

На настоящем же уровне наших знаний «узкая» хронология представляется если не более верной, то более строгой, поскольку она учитывает не только время бытования инвентаря, но и частоту его встречаемости, его характерность для культуры. Во всяком случае ни у кого сейчас не возникает сомнения, что во второй половине III—IV в. н. э. существовала уже сложившаяся черняховская культура. А существовала ли она в предшествующее и последующее время, на каких территориях и в каком виде — это еще предстоит выяснить.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА М. Б. ЩУКИНА

Доклад вызвал оживленное обсуждение. Большинство выступавших (Г. Ф. Корзухина, П. А. Раппопорт, Ф. Д. Гуревич, Д. А. Мачинский) отметили актуальность темы и хороший методический уровень исследования. М. А. Тиханова указала на то, что работа М. Б. Щукина является шагом на пути к разрешению важнейших проблем черняховской культуры. П. Н. Третьяков выразил сомнение в возможности уточнения датировок отдельных типов вещей, свойственных черняховской культуре. П. Н. Третьяков полагает, что вопрос хронологии черняховской культуры целесообразнее рассматривать в рамках проблематики черняховской культуры в целом на основе всестороннего анализа ряда черняховских памятников, а также изучения культур предшествующего и последующего времени.

И. И. Ляпушкин подчеркнул безусловную полезность и необходимость источниковедческого анализа материала, подобно тому, который проделан М. Б. Щукиным, и предложил опубликовать результат исследования.

Н. К. КАЧАЛОВА

О ВЫДЕЛЕНИИ ПОЛТАВКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Погребения эпохи бронзы Нижнего Поволжья, получившие в археологии название полтавкинских по месту их первых раскопок, были открыты около сорока лет тому назад. В 1928 г. П. Д. Рау, продолжая исследования П. С. Рыкова, выделил в самостоятельную группу и дал им суммарную характеристику¹. В последующие годы было получено много подобных же материалов, а сами памятники широко вошли в археологическую литературу.

Культуре древних племен, оставивших эти памятники, до настоящего времени не посвящено ни одного специального исследования. Но ни одна обобщающая работа не может обойти их, хотя чаще всего вскользь, в связи с постановкой общих вопросов. Большинство же работ, в которых рассматриваются полтавкинские памятники, носит характер публикаций и содержит лишь краткие высказывания по отдельным вопросам, отражающие взгляды того или иного автора. Причем разные авторы нередко приходят к весьма противоречивым суждениям. Прежде всего это относится к археологическому определению полтавкинских памятников. Часть исследователей (И. В. Сеницын², В. П. Шилов³, Н. Я. Мерперт⁴) считали, что полтавкинские памятники представляют начальный этап срубной культуры. Другие (О. А. Кривцова-Гракова⁵, Т. Б. Попова⁶, К. Ф. Смирнов⁷) рассматривали их как самостоятельную археологическую культуру. И, наконец, Б. А. Латынин определял эти памятники как локальный вариант, относя их первоначально к катакомбной культуре, а позднее — к доандроновскому кругу культур⁸.

В связи с характером указанных изданий — либо посвященных общим проблемам эпохи бронзы, либо публикациям — авторами не приводилась

¹ P. Raу. Hockergräber der Wolgasteppe. Mitteilungen des Zentralmuseums, Jg. 3., H. I. Pokrowsk, 1928; Idem. Neue Funde Wolgadeutsches Gebiet. ESA, IV, Helsinki, 1928, S. 41—57.

² И. В. Сеницын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, № 60, 1959, стр. 185—190; он же. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, № 78, 1960, стр. 148—153.

³ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, № 60, 1959, стр. 411—416.

⁴ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 63.

⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 15—26.

⁶ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. «Тр. ГИМ», вып. 24, 1955, стр. 11.

⁷ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское. МИА, № 60, 1959, стр. 311.

⁸ Б. А. Латынин. О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы. СА, 1958, № 3, стр. 52, 53.

развернутая аргументация и вся система доказательств. Но совершенно очевидно, что объяснить существующие противоречия только терминологическими расхождениями невозможно. Считая полтавкинские памятники самостоятельной археологической культурой или этапом, либо локальным вариантом другой общности, исследователь выходит за пределы терминологических споров и касается вопроса их исторической интерпретации. Очевидно, что она не может быть одинаковой во всех случаях.

Но в любом случае прежде, чем переходить к непосредственной характеристике археологических памятников, выделенных в качестве отдельной группы, и давать им историко-культурное определение, необходимо доказать, что такая группа была реальностью.

Что же касается полтавкинских памятников, то их оценка как самостоятельной группы никогда не анализировалась, а только подразумевалась. Необходимость же такого анализа становится очевидной, если учесть вышеизложенные точки зрения.

Первичной основой выделения полтавкинских памятников послужило своеобразие форм и орнаментации глиняной посуды, что отмечалось еще П. С. Рыковым и П. Д. Рау. Специфика керамики позднее была дополнена и несколько увязана с особенностями погребального ритуала, поскольку полтавкинские памятники в настоящее время представлены главным образом погребальными комплексами (курганными погребениями). Поэтому их краткая характеристика сейчас могла бы быть сформулирована следующим образом: сочетание специфических форм и орнаментации глиняной посуды с особенностями погребального обряда. Казалось бы, что речь может идти только о более полной и конкретной расшифровке этого определения.

Но сложность рассматриваемого вопроса в немалой мере усугубляется тем, что в процессе изучения культур эпохи бронзы Нижнего Поволжья была установлена непрерывная генетическая преемственность между древнейшими, полтавкинскими и срубными памятниками. Полтавкинские памятники, занимая хронологически промежуточное положение между древнейшей и срубной культурами, рядом своих особенностей подтверждают генетическую преемственность. Некоторые свойственные им признаки указывают на близость их с той и другой культурой. Этим частично и объясняется то обстоятельство, что и по сей день нет единства мнений в археологическом определении полтавкинских памятников.

Естественно, возникает вопрос: а существует ли вообще полтавкинская культурная группа как единое целое? Не правильнее ли будет, учитывая отмеченную близость, часть полтавкинских памятников отнести к предшествующей, а другую — к последующей культуре? На каком основании тот или иной археологический комплекс относится именно к полтавкинским? Какие признаки в их взаимосвязи являются определяющими?

Именно поэтому необходимо вооружиться точными критериями для оценки полтавкинских памятников и для проверки правильности их выделения в самостоятельную группу, а также соответственно проанализировать правомерность существования такой. Существенную помощь в решении этих задач может оказать один из простых приемов вариационной статистики — корреляционный метод. Исходным в этом случае является следующая предпосылка. Существование самостоятельной полтавкинской группы, как и любой другой, представленной главным образом погребальными памятниками, можно считать доказанным, если имеется устойчивая корреляция основных характерных для нее признаков: погребального обряда с наиболее массовой категорией инвентаря — глиняной посудой. Учитывая особенность памятников, их необходимо рассматривать в сравнении с комплексами предыдущего и последующего периодов эпохи бронзы той же территории. Только тогда на основании корреляции возможно установить те существенные признаки, которые характеризуют полтавкинские памятники и в то же время отличают их от других.

	•	••		8		
		••	•••••	••		
	•	••	•••••	•		
				••	•	•
				••••••••	••••••••	••••••••
					••	••••
					•••	•••
					•	••••
						•••
						•••
					•	•••
					••••••	•••
					•	

Рис. 4. Соотношение погребального обряда и

С. этой целью было учтено 535 погребений эпохи бронзы Нижнего Поволжья, т. е. все изданные материалы. Рассматриваемая территория намеренно ограничена левобережьем Волги — основной зоной расселения полтавкинских племен. Все погребения были классифицированы следующим образом. По признакам формы и орнамента глиняные сосуды выделены в соответствующие группы. Классификация погребального обряда произведена по сочетанию следующих признаков: форма могильной ямы, положение погребенного, положение рук, ориентировка и количество красной краски. Под последним подразумевается различная степень окрашенности: повсеместная подсыпка по дну могилы и на костях скелета, или локализация краски у черепа, или же у ног погребенного.

Полученные таким образом категории дали основу для построения сводной таблицы. По ее горизонтальной оси разместились группы глиняной посуды, а по вертикальной — варианты погребального обряда (рис. 4). Каждый кружок на таблице обозначает один комплекс (погребение) с соответствующим обрядом, в котором обнаружен сосуд определенного типа. Конечно, в таблицу оказались включенными далеко не все изученные памятники, так как в некоторых погребениях отсутствует керамика или неясны детали их обряда. Корреляция обнаруживает, что все рассмотренные погребения четко делятся на три группы.

Первую группу составляют погребения в материковых прямоугольных могильных ямах (21/57)⁹. Умершие положены на спину в вытянутом положении (3/7) или также на спину, но с ногами, согнутыми в коленях (18/32), головой на восток (в 30 учтенных погребениях), иногда с отклонениями к северу (14) или реже к югу (в 4, 5 погребениях). Руки обычно вытянуты вдоль туловища (13/22). Реже одна рука (обычно правая) согнута в локте и кистью лежит на тазовых костях, а левая вытянута вдоль туловища (9/10). Очень характерна повсеместная посыпка дна могилы и погребенного красной краской. Глиняная посуда яйцевидной формы, круглодонная (21/24).

Вторая группа (77/110). Погребения в материковых прямоугольных могильных ямах (57/84), подбойных могилах (5/5), а также в насыпи, в непрослеженных могильных ямах (15/21). Положение погребенных всегда скорченное: на спине (43/56), на левом (22/25) и правом (12/14) боку. Ориентировка: восток — в 33 учтенных погребениях, северо-восток — в 36, юго-восток — в 15, север — в 14 погребениях. У погребенных, положенных на спину с ногами, согнутыми в коленях, одна рука (чаще правая) согнута в локте, и кисть ее лежит на тазовых костях (35/38). Очень редко вытянуты обе руки (7/12). У погребенных, находящихся в скорченном положении на левом или правом боку, руки протянуты к коленям (33/36). В единичных случаях руки согнуты в локтях, и их кисти находятся перед лицом (1/3). Посыпка красной краской не столь обильная, как в могилах первой группы. Обычно окрашены только череп и ноги. Значительно реже краска имеется на дне могилы, встречаются погребения без краски. Глиняная посуда плоскодонная или с уплощенным дном (77/79) и представлена четырьмя формами.

Третья группа (144/371). Погребения в материковых прямоугольных могильных ямах (93/153) и в насыпи в непрослеженных могильных ямах (51/179). Погребенные положены скорченно на левый бок¹⁰, головой

⁹ В тех случаях, когда цифровые показатели использованных для данной работы признаков обозначены дробью, то в числителе ее указывается число признаков, включенных в корреляционную таблицу, а в знаменателе — общее количество всех учтенных.

¹⁰ В 350 погребениях умершие находились в скорченном положении на левом боку, в 9 — на правом боку, в 12 — на спине с ногами, согнутыми в коленях. Но в корреляционной таблице учитываются только погребения, в которых умершие положены скорченно на левом боку. Это не только потому, что данный признак является основным и массовым, а и потому, что погребения с иным положением умерших нельзя привлекать для учета по следующим соображениям. Из 12 погребений с положением умерших на правом боку в 10 не было керамики, а 2 являлись могилами

на северо-восток — в 167 учтенных погребениях или север — в 125 погребениях. Руки обычно согнуты в локтях, и их кисти находятся перед лицом (135/286). Крайне редко руки протянуты к коленям (9/12). Красная краска, как правило, отсутствует. В очень немногих могилах встречаются отдельные кусочки краски (0/5). Глиняная посуда плоскодонная и представлена разновидностями баночных и острореберных сосудов (144/198).

Первая группа объединяет древнейшие, вторая — полтавкинские, третья — срубные памятники. Каждая группа имеет свои, только ей присущие признаки и очень четко отделяющие ее от двух других. Полтавкинской глиняной посуде соответствует только для нее характерный погребальный обряд. Следовательно, это дает основания рассматривать полтавкинские памятники как единое целое, т. е. как культурную общность.

Полтавкинские погребения, отчетливо выделяющиеся на основе корреляции, являются как бы «чистыми» комплексами, признаки которых имеют решающее значение для атрибуции тех или иных памятников. Определение археологических комплексов, относимых к полтавкинским, может идти по двум линиям: по погребальному обряду или керамике. Использование двух таких своеобразных эталонов дает возможность не только уточнить культурную принадлежность отдельных памятников, но в некоторых случаях и определить безынвентарные погребения.

Таким образом, наглядно подтверждается существование самостоятельной полтавкинской группы памятников. Далее попытаемся дать ей археологическое определение и характеристику. Прежде всего необходимо вернуться к вопросу, является ли полтавкинская общность локальным вариантом или этапом какой-то археологической культуры или же она представляет собой самостоятельную культуру. Сами материалы полтавкинских памятников (погребальный обряд, керамика и др.) в достаточной степени убедительно показывают, что их нельзя рассматривать в качестве локального, восточного варианта катакомбной культуры. Это не отрицает существовавшую близость между полтавкинскими и катакомбными племенами. Лишним свидетельством в ее пользу является устройство подбойных могил, наличие деформации черепов у погребенных и некоторое сходство в керамике. Но это отражает совершенно другое историческое явление. Катакомбные племена играют весьма существенную роль в формировании полтавкинской материальной культуры, являясь одним из компонентов в ее сложении.

Еще менее оправданно определение полтавкинских памятников как принадлежавших к доандроновскому кругу культур по двум причинам. Во-первых, потому, что сами эти культуры в настоящее время являются еще понятным искомым, требующим широких археологических исследований; во-вторых, потому что в полтавкинских материалах отсутствуют какие-либо данные для такого предположения. Территория между реками Волгой, Уралом и далее на юго-восток между Уралом и Эмбой в археологическом отношении еще очень слабо изучена. Из б. Гурьевской области (пос. Кулагино¹¹, пески Сам)¹² происходит несколько обломков сосудов, которые по орнаменту близки полтавкинским. То же можно сказать и в отношении сборов А. А. Формозова в Западном Казахстане¹³. Учитывая слабую изученность территории, к этим материалам следует подходить крайне осторожно. И самое большое, что можно предполагать, хотя и весьма гипотетически, это то,

детей в возрасте 1—2 лет. Из 9 погребений с положением умерших на спине в 5 отсутствовала керамика, а в 4 — умершие первоначально были положены на левый бок и впоследствии завалились на спину.

¹¹ Н. Ф. Федин, Н. М. Владимиров. Археологические находки междуречья Волги и Урала. «Вестник АН Каз. ССР», 1954, № 2 стр. 75—81, рис. 2, 7.

¹² Сборы Б. А. Борисмана. Материал не опубликован. Хранится в Государственном Эрмитаже (ОИПКГЭ, колл. 5593).

¹³ А. А. Формозов. Кельтеминадская культура в Западном Казахстане. КСИМК, вып. XXV, 1949, стр. 49—58.

Г		•	•									
У				•	•		••					
У					•••	•	••		•			
У						•	••	•				
У							•	••	••••			••
У									••	•		•••
У												
У												
У												
У												
У												

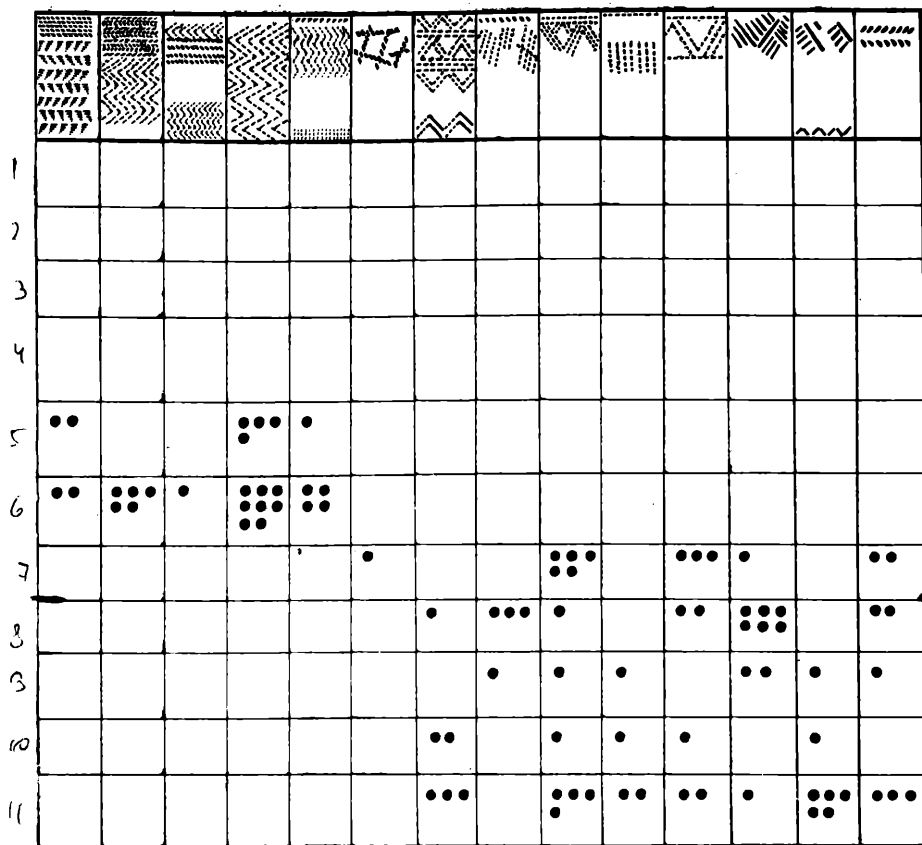
Рис. 5. Соотношение орнамента и формы

что территория расселения полтавкинских племен была значительно шире, чем представляется в настоящее время. Говорить же о какой-либо связи полтавкинских памятников с культурами доандроновского времени, имея в виду позднекельтеминарские, южноуральские памятники, пока не представляется возможным.

Сложнее обстоит дело с включением полтавкинских памятников в срубную культуру, в качестве наиболее раннего ее этапа. В основе такого определения лежит признание генетической преемственности между ними. Такая преемственность действительно существует, но необходимо установить ее характер.

Корреляционная таблица (рис. 4) показывает, как уже упоминалось, что эпоха бронзы заволжских степей представлена тремя четко обособленными группами памятников. Вне пределов групп на корреляционном поле имеются точки, фиксирующие погребения, в которых керамика одной группы встречена в погребениях с обрядом другой группы. Таких случаев немного, но они являются прямым отражением существующей генетической связи. Если проводить анализ полтавкинских материалов на фоне предшествующих и последующих, то можно получить расшифровку и дополнительную характеристику этой связи. Оказывается, что в погребальном обряде гораздо больше общего у полтавкинских древнеямыных племен, чем у полтавкинских и срубных. Это же показывает и корреляционная таблица.

Такая же картина наблюдается и при анализе керамики. На рис. 5 представлено соотношение формы и орнамента глиняных сосудов всех трех групп погребений эпохи бронзы Заволжья. При сравнении древнеямыной и полтав-

сосудов в погребениях эпохи бронзы Заволжья

кинской глиняной посуды наблюдается продолжение единой традиции. Изменение формы сосудов в начале существования полтавкинских племен по сравнению с древнеямными весьма незначительно, главным образом оно проявляется в уплощении дна. В орнаменте же прослеживается очень тесная преемственность. Иногда встречаются одни и те же композиции у сосудов той и другой группы.

При сопоставлении полтавкинской и срубной глиняной посуды обнаруживается несколько иное явление. Если имеется некоторая преемственность в формах сосудов, то орнаментика резко отлична. В срубный период полностью исчезают предшествующие сюжеты орнамента, меняется техника его нанесения и штампы.

Такая же картина выявляется при сопоставлении металлических изделий и других категорий инвентаря. Но в данной работе мы намеренно ограничиваемся рассмотрением только погребального обряда и керамики как основных признаков, характеризующих эти памятники.

Все изложенное свидетельствует о том, что полтавкинские и срубные памятники нельзя включать в одну археологическую культуру как представляющие два этапа ее развития. Генетическая близость между ними существует, но она имеет ограниченный характер. Генетическая близость существует между полтавкинскими и древнеямными памятниками, как обнаруживается при сопоставлении их, более выпуклая и отчетливая. Поэтому, если опираться только на существующую генетическую преемственность, то значительно больше оснований объединить в одну археологическую культуру полтавкинские и древнеямные памятники. Но на основе древнеямной

культуры складывается не только полтавкинская общность, но и другие, резко от нее отличные. Полтавкинские памятники не представляют собой простой трансформации и дальнейшего развития древнеямыных. Процесс их образования значительно сложнее.

Сопоставление материалов полтавкинских и срубных комплексов еще показательнее в этом плане. Из такого сопоставления вытекает, что срубная культура складывается, очевидно, на более широкой, чем полтавкинские памятники, основе. И последние входят в нее лишь в качестве одного из компонентов.

Наглядный пример тому, что полтавкинские памятники нельзя объединить ни с древнеямыными, ни со срубными в одну археологическую культуру, дает корреляционная таблица (рис. 4). Если бы все три группы или две из них представляли одну культуру, то корреляция не обнаруживала бы такого разрыва, не выделяла бы с такой отчетливостью три обособленные группы, а передавала бы медленный и постепенный процесс эволюции.

Анализ полтавкинских материалов приводит к единственному возможному их определению как самостоятельной археологической культуры. Теоретическое обоснование термина «археологическая культура» является и по сей день предметом самых оживленных дискуссий в нашей и в зарубежной литературе. Но споры касаются в основном социального и этнического содержания этого понятия, поскольку в любом случае под археологической культурой понимается комплекс памятников материальной культуры, характеризующийся рядом устойчивых признаков, существующий на определенной территории, в определенный хронологический период и отличающийся от смежных и синхронных рядом специфических черт. Таким образом, неизменно присутствует наличие трех основных признаков: единая материальная культура, общность территории и единство времени. Далеко не всегда данный комплекс дает возможность представить в полном объеме формы хозяйства, социальные отношения и этническую сущность групп, оставивших те или иные памятники материальной культуры. Это обуславливается степенью изученности, количеством и типом археологических памятников. И лишь дальнейшие исследования позволяют перейти к большим историческим обобщениям. Именно поэтому для выделения той или иной археологической культуры необходимо очень четко определить все слагающие ее компоненты.

Полтавкинские памятники имеют свои четко выраженные признаки. Специфические, только им присущие черты материальной культуры отличают их как от предшествующих и последующих в Нижнем Поволжье, так и от смежных и синхронных. Они существуют на строго ограниченной территории в определенный хронологический отрезок времени. Поэтому полтавкинские памятники могут быть с таким же правом выделены в самостоятельную археологическую культуру, как древнеямыные и срубные в том же Нижнем Поволжье.

Какие исторические племена оставили полтавкинскую культуру, каков был их общественный строй и тип хозяйства, окончательно определить смогут дальнейшие широкие исследования.

Х. И. КРИС

КЛАССИФИКАЦИЯ ТАВРСКИХ КАМЕННЫХ ЯЩИКОВ

В изучении истории тавров при крайней скудости письменных источников особое значение приобретает систематизация накопленного археологического материала, полученного в результате раскопок поселений, могильников, святилищ. Изучение поселений кизил-кобинской культуры позволило выделить два основных этапа в истории населения горного Крыма в период поздней бронзы и раннего железа и определить хронологическую границу между этими этапами рубежом VII—VI вв. до н. э.¹ Расположение поселений кизил-кобинской культуры в предгорном Крыму позволяет ставить вопрос об ее этнической принадлежности, так как к V в. до н. э. относится первое упоминание о таврах².

С таврами, а подчас и киммерийцами связывают крымские дольмены, или каменные ящики, известные в большом количестве в горном Крыму. Плохая сохранность этих памятников из-за неоднократного их использования и ограбления в древности, а также кладоискательских раскопок заставляет с особой тщательностью подойти к их классификации и датировке. Систематическое исследование каменных ящиков горного Крыма было начато Н. И. Репниковым раскопками в Байдарской долине. В отличие от многих своих предшественников он не связывал их с киммерийцами, а относил к таврам и высказал предположение, что источником их происхождения является гальштатская культура. Время их бытования он относил к VII—V вв. до н. э., до греческой колонизации³. О принадлежности каменных ящиков таврам говорил и С. А. Семенов-Зусер, оспаривая мнение Эберта и других о том, что тавры — остатки вытесненных скифами в VII—VI вв. до н. э. киммерийцев⁴.

В статье «О некоторых вопросах истории тавров» П. Н. Шульц попытался выделить локальные группы, отличающиеся по характеру хозяйства и уровню развития⁵. Основная масса таврских могильников с полудольменами и каменными ящиками на южном берегу Крыма и в Байдарской долине относится, по мнению П. Н. Шульца, к VI—II вв. до н. э.⁶

А. М. Лесков определил хронологические рамки таврских могильников IX—II вв. до н. э.⁷, разделив их на три хронологических этапа: 1) IX—

¹ Х. И. Крис. К вопросу о периодизации кизил-кобинской культуры. СА, 1961, № 4.

² Геродот, IV, 99.

³ Н. И. Репников. О так называемых дольменах Крыма. ИТУАК, № 44. Симферополь, 1910, стр. 19.

⁴ С. А. Семенов-Зусер. Таврские мегалиты. «Наукові записки Харківського Державного педагогічного інституту», т. V. Харків, 1940, стр. 157.

⁵ П. Н. Шульц. О некоторых вопросах истории тавров. Проблемы истории Северного Причерноморья. М., 1959, стр. 236, 237.

⁶ Там же, стр. 248.

⁷ А. М. Лесков. Горный Крым в первом тысячелетии до н. э. Киев, 1965, стр. 50.

начало VI в. до н. э.; 2) VI—V вв. до н. э.; 3) IV—III вв. до н. э.⁸ Однако предложенная периодизация требует, на наш взгляд, ряда уточнений.

Исследование крымских дольменов представляет большой интерес для изучения истории тавров, вопроса об их происхождении, этнической характеристики. Отсутствие хорошо сохранившихся могильников и погребений почти не оставляет надежды получить сколько-нибудь значительный новый археологический материал, поэтому следует со всей тщательностью вновь обратиться к материалам старых раскопок, попытаться систематизировать могильники и погребения по морфологическим признакам, конструктивным особенностям, погребальному обряду, топографии. Наряду с этим необходимо также пересмотр датировки комплексов на основе единого методического принципа. Инвентарь каменных ящиков состоит в основном из предметов украшений, бытование которых подчас имеет широкие хронологические рамки (браслеты, булавки и др.).

Однако, как мы увидим, большинство могильников содержит также предметы вооружения — кинжалы и наконечники стрел, а иногда — детали конского убора, которые позволяют говорить об абсолютных датах. Поэтому в дальнейшем при рассмотрении вопросов хронологии мы будем опираться в основном на предметы вооружения и конского убора, не останавливаясь на других предметах инвентаря, если они не противоречат установленным датам.

В горной части Крыма зафиксировано более 60 могильников из каменных ящиков. Различная степень их сохранности и изученности, отрывочные сведения о них, а подчас и отсутствие полноценной документации безусловно являются большим препятствием в их исследовании. Н. И. Репников выделил три типа каменных ящиков: 1) без оград вокруг, 2) в ограждении из камней, 3) под курганной насыпью⁹. Территориальные группы могильников намечаются не только по конструктивным особенностям, но и по обряду, ориентировке и сопровождающему инвентарю (см. табл. 1).

Южнобережная группа. Состоит более чем из 20 могильников, основная часть их расположена между Алуштой и Балаклавой вдоль южного побережья выше береговой линии на 1,5—2 км. Несмотря на то, что в районе современных городов они сохраняются хуже, вокруг Ялты известно значительное число могильников. Видимо, их расположение связано с источниками воды. О количестве каменных ящиков в одном могильнике можно составить представление по относительно хорошо сохранившемуся могильнику у Гаспры, где известно более 50 гробниц без ограждений вокруг; последнее характерно для всех могильников южнобережной группы. В значительном большинстве случаев ящики ориентированы в направлении запад — восток и опущены почти целиком или целиком в грунт. Все могильники этой группы подверглись не только разграблению в древности (о чем можно судить по изредка встречающимся в ящиках мелким амфорным обломкам), но и кладоискательским раскопкам. По сохранившимся предметам украшения — гривнам, браслетам, бляшкам, пронизям и другим бронзовым предметам — можно предположить, что они были частью богатого погребального головного и шейного убора. Кроме украшений, здесь найдены предметы вооружения и конского убора: железные кинжалы, железные и бронзовые наконечники стрел, железные псаля и удила. Эти находки позволяют датировать южнобережную группу могильников VI — первой половиной V в. до н. э.¹⁰

Обломки обожженных человеческих костей в некоторых ящиках указывают на обряд трупосожжения¹¹. Состав погребенных говорит о семейном

⁸ А. М. Лесков. Годный Крым в первом тысячелетии до н. э. Киев, 1965, стр. 51, 56, 85.

⁹ Н. И. Репников. Указ. соч., стр. 17.

¹⁰ Х. И. Крис. Таврские каменные ящики Гаспры. КСИА, вып. 107, 1966, стр. 78, рис. 25.

¹¹ Там же, стр. 77.

характере гробниц, строители которых принадлежали к европеоидной расе с южносредиземноморским уклоном¹².

Основные особенности могильников южнобережной группы — ориентировка гробниц в направлении запад — восток, отсутствие оград, наличие обряда трупосожжения, дата — VI — первая половина V в. до н. э.

Южнобережная группа, видимо, замыкается могильником на горе Кошка, который состоит из трех отличающихся друг от друга частей по ориентировке каменных ящиков. Из зафиксированных 42 каменных ящиков только восемь имеют следы прямоугольной ограды и один — курганную насыпь, в южной части могильника ящики ориентированы в направлении запад — восток, как и в южнобережной группе, в северной части — в основном север — юг¹³. Это сочетание различной ориентировки ящиков, возможно, объясняется промежуточным, пограничным положением могильника на Кошке между южнобережной группой и группой могильников Байдарской долины, для которой, как мы увидим, характерна ориентировка гробниц север — юг.

Южнобайдарская группа. С севера ограничена притоками Черной реки, отличается от южнобережной ориентировкой гробниц в направлении север — юг и отсутствием обряда трупосожжения. Расположение гробниц в могильниках и отсутствие ограждений (за исключением четырех ящиков у д. Скеля)¹⁴ и курганных насыпей объединяет эту группу с южнобережной так же, как и углубленные в грунт каменные ящики.

Группа каменных ящиков в урочище Мал-Муз, ориентированные в направлении север — юг, отличается от других южнобайдарских могильников тем, что семь гробниц перекрыты единой насыпью. Непотревоженные комплексы Мал-Муза уточняют положение погребенных — сильно скорченное, головой на север и указывают на длительное и многократное использование гробниц (до 68 костяков в ящике 6). Инвентарь этих неграбленных погребений даже при учете многократного использования гробниц относительно богат, он представлен большим количеством шейных украшений (гривны, пронизи, браслеты, височные кольца, бусы), браслетов, перстней и др. Как и в южнобережной группе, здесь найдены предметы вооружения (кинжалы и наконечники стрел) и предметы конского убора (железные удила)¹⁵. Во всей группе отсутствуют керамические находки, за исключением одного обломка с прочерченным орнаментом в могильнике Мал-Муз (ящик 1) и трех сосудов нехарактерных форм для керамики кизил-кобинских поселений (ящик 6)¹⁶. Комплексы погребений Мал-Муза по инвентарю и особенно по предметам вооружения — железным кинжалам с антенным навершием и почковидным перекрестием¹⁷ и наконечником стрел, а также предметам конского убора — железным двуколычатым удилам — могут быть датированы VI — первой половиной V в. до н. э., т. е. синхронны южнобережной группе могильников.

Севернобайдарская группа. Расположена к северу от притоков Черной реки, отличается от южнобайдарской группы конструктивными деталями и ориентировкой каменных ящиков. Могильники этой группы состоят из расположенных параллельными рядами каменных ящиков в оградках, основание вертикальных стенок ящиков углублено в материк, и ящики, образующие ряды, перекрыты единой насыпью — грядой, ориентированной

¹² Х. И. Крис. Указ. соч., стр. 79.

¹³ План могильника с каменными ящиками на горе Кошка. Составил Себекин. Архив Крымского отдела античной и средневековой археологии ИА АН УССР.

¹⁴ Н. И. Репников. Каменные ящики Байдарской долины. ИАК, вып. 30, 1909, стр. 127—155.

¹⁵ Там же, стр. 138—144.

¹⁶ Там же, стр. 144, рис. 20, 21, 25.

¹⁷ Там же, стр. 141, рис. 17; стр. 144, рис. 22; А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, вып. Д1-4, 1964, стр. 54.

в направлении северо-запад — юго-восток. Ящики ориентированы в направлении северо-восток — юго-запад. Н. И. Репников отличает положение погребенных головой на северо-восток¹⁸. В этой группе могильников неоднократно отмечались следы трупосожжения¹⁹. Таким образом, отличаясь от южнобережной и южнобайдарской групп могильников конструктивными особенностями в сооружении гробниц и их ориентировкой, описанная группа обнаруживает сходство с южнобережной в обряде трупосожжения.

В погребальном инвентаре северной группы могильников Байдарской долины встречены те же типы украшений, что и в прежде описанных группах, — булавки, пронизи, браслеты, перстни, много бус. Из предметов вооружения — обломки уже встреченных форм железных кинжалов²⁰, бронзовые трехлопастные наконечники стрел, а также бронзовые и железные плоские наконечники стрел; из предметов конского убора — обломки железных удиц. В отличие от прежде описанных групп здесь найдены железные конические обоймы²¹. В двух ящиках, раскопанных Н. И. Репниковым, и почти во всех ящиках, раскопанных А. М. Лесковым, и вблизи них найдены мелкие обломки лепных сосудов иногда с прочерченным орнаментом в виде параллельных линий и заштрихованных треугольников. Фрагментарность керамического материала, отсутствие целых сосудов не позволяют определенно решать, в какой мере характерна для обряда этой группы керамика, тем более что, кроме обломков лепных сосудов, здесь же найдены обломки амфор эллинистического времени.

Рассмотренные группы могильников — южнобережная и южнобайдарская — по предметам вооружения (обломкам кинжалов и наконечникам стрел) датируются VI — первой половиной V в. до н. э. Идентичные находки в севернобайдарской группе могильников позволяют датировать эту группу тем же временем. Однако А. М. Лесков предложил иную датировку раскопанного им могильника Уркуста I и II: «Античная керамика, сохранившаяся *in situ* под забутовкой, позволяет датировать могильники Уркуста IV—III вв. до н. э. Это наиболее поздние каменные ящики из всех известных до сих пор в Крыму»²². В качестве дополнительного доказательства даты приводятся «три миниатюрных железных втульчатых наконечника стрел, близкие аналогии которым нам неизвестны. Лишь железные стрелы из Частых курганов IV—III вв. до н. э. напоминают по форме наши, однако они более крупные... Два бронзовых наконечника стрел обычны для V в. до н. э., хотя наличие шипа на одном из них позволяет относить его к несколько более раннему времени»²³. Едва ли можно считать, что железные наконечники стрел из могильника Уркуста I хотя бы отдаленно напоминают мастюгинские²⁴. Ромбовидная форма пера у мастюгинских и удлиненная втулка²⁵ отличают их от наконечников Уркуста I, которые по листовидной форме пера и соотношению длины пера и втулки значительно ближе железным наконечникам из скифских комплексов VII—VI вв.²⁶ Железные наконечники Уркусты I синхронны бронзовым из раскопок А. М. Лескова и Н. И. Репникова и датируются VI—V вв. до н. э.²⁷

Следует также разобрать вопрос о так называемой забутовке вокруг каменных ящиков. Судя по опубликованным чертежам²⁸, камни не образо-

¹⁸ Отчет Н. И. Репникова за 1926 г. Архив ЛОИА, д. 157, 1926.

¹⁹ М. Сосногорова. Мегалитические памятники в Крыму. «Русский вестник» т. VII, 1875, стр. 275, 276; А. М. Лесков. Раскопки каменных ящиков в Байдарской долине. КСИА, вып. 10, Киев, 1960, стр. 77.

²⁰ Фонды Симферопольского областного музея, инв. № 4319.

²¹ Там же, инв. № 4343.

²² А. М. Лесков. Раскопки каменных ящиков..., стр. 77.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 73, рис. 3, 14—16.

²⁵ А. И. Мелюкова. Указ. соч., табл. 8, Р—3; табл. 9, С—7, Т—1, У—1

²⁶ Там же, табл. 6, М—1, 2.

²⁷ Фонды Симферопольского областного музея, инв. № 4339, 4342; А. И. Мелюкова. Указ. соч., табл. 7.

²⁸ А. М. Лесков. Раскопки каменных ящиков..., стр. 70—77.

ывали сплошной вымостки-забутовки, а лишь местами примыкали к стенкам ящиков. Из разреза гряды «А» могильника Уркуста I нельзя заключить, что они лежат на уровне древнего горизонта; к сожалению, чертеж не дает представления о том, в каком слое находились камни, можно лишь предположить, что они либо играли конструктивную роль, либо являются остатками разрушенных плит покрытия ящиков; может быть, поэтому и находят под ними остатки костяков и предметы могильного инвентаря.

Следует также остановиться на керамике, найденной в ящиках и вокруг них, решить, в какой мере она соответствует комплексу находок в ящике, может ли рассматриваться как остатки тризны и служить основанием для датировки комплекса, ибо «большое число находок античной керамики позволило датировать гряду близ с. Передовое (Уркуста) IV—III вв. до н. э.»²⁹

Как показало ознакомление с коллекцией, количество керамики совсем незначительно (в отличие от тех данных, которые имеются в публикации), определяемого керамического материала крайне мало. В основном это мелкие обломки лепных и гончарных сосудов, многие из них ничего общего не имеют с так называемой кизил-кобинской керамикой, отличаясь примесями, плотностью черепка, цветом. Здесь же найден обломок светлоглиняного сосуда с ручкой, который А. М. Лесков рассматривает как новый, прежде неизвестный у тавров тип керамики в форме кувшина³⁰. По мнению М. И. Вязьмитиной, это обломок кувшина римского времени, возможно, местного производства. Обломок светлоглиняной амфоры римского времени найден был и в соседнем каменном ящике 2. Обломки херсонесских амфор также единичны, поэтому весь этот маловыразительный керамический материал едва ли может служить основой для датировки комплексов погребений и выделения более позднего периода в существовании каменных ящиков. Кстати, в засыпи ящика 3 могильника Уркуста, раскопанного Н. И. Репниковым, также найден был обломок гераклеской амфоры с клеймом IV—III вв. до н. э., однако А. М. Лесков считает его случайной находкой, не позволяющей менять представление о дате могильника³¹.

В засыпи ящика 9 могильника у дер. Склея Н. И. Репниковым найдена бронзовая фибула середины II в. н. э.; в засыпи ящиков, не сохранивших плит покрытия, находились обломки сосудов средневекового времени, а иногда и современный мусор. Учитывая сильную потревоженность комплексов, следует с особой осторожностью при уточнении дат относиться к находкам, обнаруженным вне ящиков и в засыпи погребений, у которых отсутствуют плиты покрытия.

Севернобайдарская группа могильников, как и прежде рассмотренные группы (южнобережная и южнобайдарская), по всему составу находок и особенно на основании предметов вооружения может быть датирована VI — серединой V в. до н. э.

По конструктивным деталям и ориентировке каменных ящиков в севернобайдарскую группу входит основная часть могильника у Черкес-Кермена³², состоящего из нескольких гряд каменных ящиков в огородах, ориентированных в направлении северо-запад — юго-восток, каждая гряда перекрыта единой насыпью³³.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Н. И. Репников. О новейших раскопках крымских «дольменов». ИГАИМК, вып. 117. М.—Л., 1935, стр. 128, рис. 84, гряды А, В, С, Д.

³³ Противоречивые данные о конструкции каменных ящиков Черкес-Кермена сообщают Н. И. Репников и С. А. Семенов-Зусер. Н. И. Репников считает, что ящики сооружались на искусственной насыпи и перекрывались второй насыпью; С. А. Семенов-Зусер — что ящики опускались на две трети глубины непосредственно в материк. Так как оба исследователя раскапывали одну и ту же груду, можно думать, что конструкция ящиков идентична. Видимо, каждый из них допустил ошибку: Н. И. Репников, приняв естественное всхолмление (материк) за искусственную насыпь (едва ли

Инвентарь погребений из гряд А, В, С, D по составу и датирующим находкам мало отличается от описанных могильников. Те же предметы украшений (бронзовые привески, пронози, бусы) тех же типов, но в значительно большем количестве бронзовые наконечники VI — первой половины V в. до н. э.; из конского убора — железные удила. В отличие от прежде описанных могильников здесь в значительно большем числе, правда, в потревоженных комплексах найдено обломков лепных сосудов крупных, средних и малых размеров без лощения и со слабо подлощенной поверхностью. Орнамент состоит из вертикальных прочерченных линий заштрихованных треугольников, иногда в сочетании с ямками, и находит аналогии в керамике поселений второго этапа кизил-кобинской культуры (Инкерманском и др.). Эта керамика может быть и синхронна остальным находкам из комплексов, однако ее фрагментарность и отсутствие целых сосудов не позволяют решать вопрос об органической ее связи с комплексом. Может быть, как и античная керамика, она попала в потревоженные комплексы случайно.

Среди раскопанных в могильнике Черкес-Кермена гряд одна из них — гряда Е — отличается от остальных ориентировкой гробниц север — юг. По мнению С. А. Семенова-Зусера, находки из ящиков гряды Е указывают на их более позднее происхождение³⁴. Противоположное мнение высказал А. М. Лесков, который на основании керамики и бронзовых мелких украшений отнес их ко времени, предшествующему основной части могильника Черкес-Кермен, т. е. к концу VII — началу VI в. до н. э.³⁵ О чем же говорит инвентарь ящиков гряды Е? По своему характеру он очень близок остальным комплексам этого могильника. Здесь найдены бронзовый проволочный браслет и бусы, восьмеркообразные бляшки и бронзовые булавки. Последние в отличие от булавок из разобранных нами комплексов имеют головку, свернутую в спираль; они известны не только в кобинской культуре, но и на огромной территории в памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа и поэтому не могут быть положены в основу датировки. В ящике 4 гряды Е найден миниатюрный горшочек без лощения, который входит в состав погребального инвентаря. Так как весь остальной инвентарь идентичен комплексам VI — начала V в. до н. э., можно думать, что архаическая форма сосудов бытует в погребальном инвентаре этого времени.

Различие в ориентировке гробниц в пределах одного могильника, как это наблюдалось и на горе Кошка, требует особого объяснения.

В группу могильников, для которых характерно расположение каменных ящиков грядами и ориентировка гробниц в направлении северо-запад — юго-восток, входит могильник на Церковном бугре (западный склон Чатырдага). В отличие от остальных могильников этой группы здесь не прослежены ограждения. Вокруг некоторых ящиков наблюдался слой щебенки, однако очень плохая сохранность гробниц, в которых уцелели только одна или две боковые стенки и зачастую лишь яма от ящика, не позволяют более детально говорить об их конструктивных деталях. Ни один из зачищенных ящиков не дал никаких находок, даже остатков костяка, что лишает нас возможности датировать этот могильник. Можно лишь в порядке предположения на основании указанного сходства с могильниками северно-байдарскими и черкес-керменским отнести его к той же группе памятников³⁶.

в рушеном грунте конструкция могла быть прочной), а С. А. Семенов-Зусер — искусственную насыпь над слегка углубленными в ровики ящиками за материк.

³⁴ С. А. Семенов-Зусер. Таврские мегалиты, стр. 156.

³⁵ А. М. Лесков. Горный Крым в первом тысячелетии до н. э., стр. 51, 53.

³⁶ Могильник, расположенный вблизи поселения Уч-Баш, как и описанный могильник Черкес-Кермена, состоит из гряд, образованных каменными ящиками. Отсутствие датирующих находок затрудняет отнесение его к какому-либо определенному периоду. Долго бытующие кубки, характерные и для поселения кизил-кобинской культуры, не могут уточнить дату этого могильника, а близкое расположение могильника

Предгорная группа. Обычай располагать гробницы цепью (или грядой), отмеченный в севернобайдарской группе могильников, нашел свое отражение и в группе могильников, расположенных в предгорьях Таш-Джарган, Джапалах, Карлы-Кая, Чуюнча.

Могильники предгорий иногда образуют ряды из каменных ящиков в оградках, расположены цепью, ориентированной в направлении север — юг, и окружены каменной обкладкой прямоугольной или округлой формы. Г. А. Бонч-Осмоловский, описывая могильник Карлы-Кая, отметил вокруг погребений неясно выраженные оградки и «невысокие, по-видимому, раздутые курганы, высотой в 20—40 см»³⁷. В более определенной форме о курганах говорит А. М. Лесков, хотя на планах и разрезах погребений могильников и Карлы-Кая и Джапалах курганов нет³⁸. Судя по плану могильника Карлы-Кая, больше оснований говорить о наличии гряд из расположенных в ряд каменных ящиков, возможно, в оградках.

В могильниках, расположенных в предгорьях, в отличие от описанных групп мы не находим монументальных каменных гробниц, состоящих из пяти массивных плит (четыре вертикальных и одной плиты покрытия), которые иногда называют дольменами. В могильниках предгорий есть каменные ящики, но иного типа, иногда вертикальные стенки состоят из нескольких плиток, а во многих случаях — это неглубокие прямоугольные могилы с обкладкой из грубых обломков камней, перекрытые плитой из песчаника. Ориентированы в большинстве случаев в направлении запад — восток. В некоторых погребениях, например в могильнике Таш-Джарган и Джапалах, кости погребенных найдены под слоем камня на уровне древней дневной поверхности. Можно думать, что это результат разрушения могил.

Могильники предгорий отличаются от других групп также и обрядом. В них, особенно в могильниках Чуюнча и Карлы-Кая, значительное место в погребальном инвентаре занимает керамика, чаще всего это малых размеров горшочки и миски архаической формы с рельефным и прочерченным орнаментом. Они отличаются от сосудов первого этапа кизил-кобинской культуры отсутствием лощения или очень слабоподлощенной поверхностью. Что же касается мелких обломков лепной орнаментированной керамики, которую мы не можем с полной уверенностью относить к комплексам погребений, то она совершенно идентична обломкам керамики из Черкес-Керменского могильника. В рассматриваемых могильниках в значительно меньшей мере найдены бронзовые украшения; они представлены единичными находками браслетов, пронизей, перстней, бусами, бронзовыми булавками со свернутой в спираль головкой, в одном из погребений найдены бронзовая пуговица, и бронзовые булавки, на основании которых А. М. Лесков относит часть из описываемых могильников (Таш-Джарган, Карлы-Кая и Чуюнча) к более раннему этапу, чем основная масса крымских дольменов, к концу VII — началу VI в. до н. э.³⁹, а могильник Джапалах — к IV—III и даже II в. до н. э.⁴⁰ В одном из нарушенных погребений могильника Джапалах, как и в могильнике Карлы-Кая, найдены бронзовые трехлопастные наконечники стрел, позволяющие эту группу могильников считать синхронной остальным рассмотренным группам.

В кратком обзоре о каменных ящиках Крыма следует упомянуть еще об одном могильнике на отрогах горы Малаба. В этом могильнике имеется несколько групп погребений с различной ориентировкой: запад—восток, се-

к поселению Уч-Баш, видимо, тоже недостаточное обоснование для синхронизации его с поселением (А. М. Лесков. Раскопки каменных ящиков..., стр. 51).

³⁷ Г. А. Бонч-Осмоловский. Отчет о палеоэтнографических исследованиях в Крыму в 1926 г. Архив ЛОИА, 1926, архив 148, д. 56.

³⁸ А. М. Лесков. Раскопки каменных ящиков..., рис. 17, 33.

³⁹ Эти предметы, имея широкое распространение в памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа, не дают оснований для уточнения даты в таких пределах, но не противоречат датировке этих могильников по бронзовым наконечникам стрел.

⁴⁰ А. М. Лесков. Раскопки каменных ящиков..., стр. 50, 86.

Группы каменных ящиков

Группа	Ориентировка ящиков	Ориентировка гряд	Конструкция		
			без ограждения	в ограде	под насыпью
Южнобережная	З—В	—	+	—	—
Южнобайдарская	С—Ю	З—В	+(16)	+(4) (Скеля)	+(7) (Мал-Муз)
Севернобайдарская	СВ—ЮЗ	СЗ—ЮВ	—	+	+
Предгорная	З—В с незнач. отклонен.	С—Ю	—	+	?

веро-запад — юго-восток, северо-восток — юго-запад, некоторые погребения окружены прямоугольной оградкой, другие — с насыпью из щебня. Как и на Церковном бугре, он очень сильно разрушен. Видимо, оба эти могильника подверглись особенно сильному разрушению, а не только обычному ограблению. Может быть, это осквернение могил враждебного соседнего племени.

Материалы раскопок таврских каменных ящиков и поселений кизил-кобинской культуры пока не позволяют с достаточной полнотой осветить этническую карту Крыма VI — первой половины V в. до н. э. и тем более политические события и взаимоотношения населявших Крым племен. Историческое свидетельство Геродота, относящееся к V в. до н. э., о населении Горного Крыма — таврах — позволяет прежде всего с ними отождествлять племена, оставившие южнобережную группу могильников, и группы, расположенные во второй гряде Крымских гор (могильники Байдарской долины, Черкес-Кермена и, может быть, Церковного бугра). Могильники предгорий — Таш-Джарган, Джапалах, Карлы-Кая и Чуюнча отличаются от первых и конструктивными особенностями и инвентарем. Они близки по керамике поселениям кизил-кобинской культуры, которые в большом количестве известны в предгорных районах Крыма (см. табл.).

Ю. А. КРАСНОВ

ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИВОТНОВОДСТВА В ЛЕСНОЙ ПОЛОСЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Остеологический материал из раскопок археологических памятников общепризнан в качестве полноценного исторического источника. Одним из аспектов его изучения является исследование локальных особенностей животноводства древних племен. Они могут проявляться в особенностях состава стада, которые находят отражение в составе остеологического материала памятников того или иного района. На значительные различия в составе костных остатков важнейших сельскохозяйственных животных (крупный и мелкий рогатый скот, свинья, лошадь) из поселений некоторых археологических культур раннего железного века Восточной Европы уже указывал В. И. Цалкин¹.

Целью настоящей статьи является выявление локальных особенностей животноводства в эпоху раннего железа для лесной полосы в целом и попытка объяснения этого явления.

Нами использованы данные о составе остеологического материала 80 памятников лесной полосы Восточной Европы середины и второй половины I тысячелетия до н. э.—первой половины I тысячелетия н. э.² Этот материал, однако, далеко не равноценен как по методике сбора и обработки, так и в количественном отношении. В большинстве случаев остеологический материал определялся из культурного слоя поселения в целом без разделения по горизонтам даже в тех случаях, когда он достигает большей мощности. Это затрудняет возможность проследить хронологические изменения в составе стада и отличать хронологические изменения от локальных различий. Далее известно, что для оценки значения того или иного вида домашних животных в хозяйстве по остеологическому материалу следует руководствоваться не относительным количеством костей данного вида, а количеством особей³. Для ряда же рассмотренных нами памятников имеются данные лишь о количестве найденных костей. Этот недостаток в известной мере компенсируется тем, что при сравнении остеологического материала из раскопок различных по времени и территории памятников выявляется определенная закономерность, а именно: крупный рогатый скот и лошадь всегда представ-

¹ В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. МИА, № 107, 1961, стр. 65 и сл.

² Перечень памятников, остеологический материал которых положен в основу статьи, и процентное соотношение остатков видов важнейших сельскохозяйственных животных в ней см.: Ю. А. Краснов. Земледелие и животноводство в лесной полосе Европейской части СССР во II тысячелетии до н. э.—первой половине I тысячелетия н. э. Архив ИА АН СССР, Р—2, № 1969.

³ В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси. МИА, № 51, 1956, стр. 124.

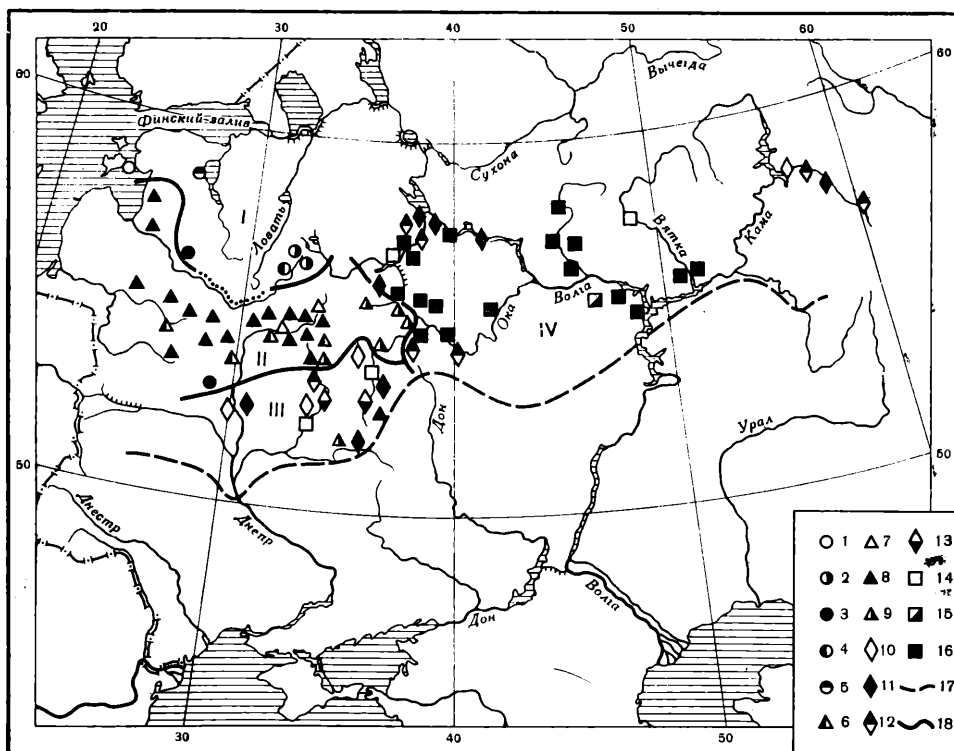

Рис. 6. Различия в составе остеологического материала на памятниках лесной полосы Восточной Европы эпохи раннего железа

Археологические памятники, давшие остеологический материал следующего состава (А — крупный рогатый скот, В — мелкий рогатый скот, С — свинья, D — лошадь):

1 — BACD, 2 — BADC, 3 — ABCD, 4 — ABDC, 5 — CBAD, 6 — ACDB, 7 — ACBD, 8 — CABD, 9 — CADB, 10 — ADVC, 11 — ADCV, 12 — DACB, 13 — DABC, 14 — DCAB, 15 — DCBA, 16 — CDAB; 17 — современная южная граница лесной полосы, 18 — примерные границы районов по составу остеологического материала

лены бóльшим количеством костей на одну особь, чем мелкий рогатый скот и свинья⁴. Следовательно, процент особей крупного рогатого скота и в меньшей степени лошади всегда будет меньшим, чем процент их костей. Для мелкого рогатого скота и свиньи такое соотношение будет обратным⁵. Географическое размещение изучаемых памятников также далеко не равномерно. Все это в известной мере снижает достоверность полученных выводов, которые будут уточняться в результате дальнейших исследований.

Количественные соотношения между остатками важнейших сельскохозяйственных животных на рассматриваемых памятниках изменяются в значительных пределах. Иногда это вызвано их разновременностью, иногда чисто случайными причинами. Однако в этих соотношениях прослеживаются и определенные закономерности, позволяющие говорить о некоторых существенных особенностях животноводства на отдельных территориях. Для выявления таких особенностей нами применен метод картографирования. Если остатки крупного рогатого скота обозначить индексом А, мелкого рогатого скота — В, свиньи — С, лошади D, то остеологический материал того или иного памятника может быть выражен различными сочетаниями: ABCD, BADC, CADB и т. д., в зависимости от того, какое место по числу остатков

⁴ В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе, стр. 120 и сл.

⁵ Это обстоятельство важно учитывать при анализе табл. 1, и карт.

занимает крупный и мелкий рогатый скот, свинья или лошадь. Различные варианты таких сочетаний и картографировались. При этом мы отвлекаемся от величины процента остатков данного вида, ибо эта величина в наибольшей степени подвергается колебаниям под влиянием чисто случайных факторов, и сосредоточиваем внимание именно на месте, занимаемом остатками того или иного вида в остеологическом материале. Отправным пунктом исследования при таком методе является сам остеологический материал, а не различия в составе его на территориях отдельных археологических культур, от границ которых на первом этапе исследования мы сознательно отвлекались. Картографирование показало, что памятники с близким соотношением видов располагаются не беспорядочно, а образуют определенные территориально ограниченные районы (см. карту, рис. 6), которых по имеющемуся материалу и принятому основному признаку можно выделить четыре.

Первый район. Он включает территорию Эстонии, северо-восточной Латвии, часть северо-запада РСФСР. Выделен по материалу шести памятников. На всех памятниках, кроме одного, в остеологическом материале преобладают остатки крупного и мелкого рогатого скота. На одном памятнике (нижний слой Тарту) преобладали останки свиньи и мелкого рогатого скота. Здесь определен незначительный материал: всего 40 костей, так что данное соотношение видов вряд ли типично. Этот район характеризуется самым высоким в лесной полосе процентом остатков мелкого рогатого скота в остеологическом материале.

Второй район. Включает большую часть Латвии, Литву, Среднюю и Северную Белоруссию, Смоленщину, западную часть Волго-Окского междуречья, часть верховьев Десны. Выделен по материалам 29 памятников. В остеологическом материале почти всех памятников преобладают остатки свиньи и крупного рогатого скота. За ними следуют в довольно близких соотношениях лошадь и мелкий рогатый скот. На большинстве памятников костные остатки мелкого рогатого скота преобладают над лошадей. Значительно более высокий процент остатков свиньи и меньший — мелкого рогатого скота достаточно четко отличают памятники II района от памятников I района.

Третий район. Включает территорию Южной Белоруссии, Подесенья, лесной части Посеймья и верхнего течения Оки. Выделен по материалу 13 памятников. На большинстве памятников района (9 из 13) преобладают остатки лошади и крупного рогатого скота, на двух — лошади и свиньи, на двух — крупного рогатого скота и свиньи. В целом по району в остеологическом материале на первом месте остатки крупного рогатого скота, далее — остатки лошади, свиньи и мелкого рогатого скота. Большим процентом остатков лошади и меньшим — свиньи памятники III района достаточно четко отличаются от памятников сопредельного II района.

Четвертый район. Включает территорию Прикамья, Поволжья, Верхнее и Среднее лесное Поволжье, восточную часть Волго-Окского междуречья. Выделен на материале 32 памятников. Здесь встречаются два типа памятников, различающихся весьма устойчивым составом остеологического материала. На 12 поселениях преобладают остатки лошади (в большинстве случаев занимают первое место) и крупного рогатого скота при небольшом количестве остатков свиньи и мелкого рогатого скота. На 19 поселениях ведущее место занимают остатки свиньи и лошади. Крупный рогатый скот занимает третье место, мелкий рогатый скот — четвертое. При этом количество остатков мелкого рогатого скота на памятниках обоих типов наименьшее в лесной полосе. Территориально эти группы памятников четко не разграничиваются; но большинство памятников I типа размещаются в Верхнем Поволжье и Верхнем Прикамье. Последнее обстоятельство, а также то, что общей чертой, объединяющей эти две группы памятников, является высокий процент остатков лошади (самый высокий в лес-

ной полосе), позволяет объединить эти памятники в один район. В целом по району в остеологическом материале преобладают остатки лошади и свиньи, за ними следуют крупный и мелкий рогатый скот. Значительно меньшим количеством остатков крупного и мелкого рогатого скота и большим — лошади памятники IV района отличаются от памятников II района. Небольшой процент остатков крупного рогатого скота, значительно больший — остатков свиньи и несколько больший — лошади отличают эти памятники от памятников III района.

Имеют некоторые внутрирайонные различия в остеологическом материале. О них в пределах IV района уже говорилось. Памятники западной части Волго-Окского междуречья и части Смоленщины, входящие в пределы II района, характеризуются несколько более высоким процентом остатков лошади и меньшим — мелкого рогатого скота, чем памятники более западной части района. На территории III района следует отметить более высокий процент остатков крупного рогатого скота в его западной части по сравнению с восточной.

Как видно из результатов картографирования и данных таблицы 1⁶, различия в составе остеологического материала на различных территориях лесной полосы в раннем железном веке были вполне реальными и весьма значительными. Едва ли можно считать эти различия случайными, так как положенный в основу исследования материал довольно велик. Кроме того, само географическое размещение сходных по остеологическому материалу памятников территориально обособленными группами исключает также их истолкование. По-видимому, мы имеем здесь дело с вполне объективным явлением, обусловленным рядом конкретных природных и исторических условий, по крайней мере часть из которых может быть выделена.

Не могут ли отмеченные различия в животноводстве целиком определяться физико-географическим фактором, вообще оказывающим значительное влияние на экономику древних племен, в частности на их животноводство? В данном случае на этот вопрос следует ответить отрицательно. Во-пер-

Таблица 1

Сводная таблица среднего соотношения видов важнейших сельскохозяйственных животных в остеологическом материале памятников эпохи раннего железа в лесной полосе Восточной Европы (по районам)

Район	Территория	Число памятников	Средний процент			
			крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	свиньи	лошадь
I	Эстония, Северо-Восточная Латвия, верховья Западной Двины	6	34,3 36,6	28 43,3	21,6 1,7	16,1* 18,4**
II	Латвия, Литва, Северная и Средняя Белоруссия, Смоленщина, западная часть Волго-Окского междуречья	29	37,8 27,2	15,7 17,6	29,4 38,2	17,1*** 17**
III	Южная Белоруссия, Подесенье, Посеймье, верхнее течение Оки	13	31,5	17,5	23,5	27,5**
IV	Верхнее и Среднее Поволжье, Прикамье, Поволжье, восточная часть Волго-Окского междуречья	32	22	9,7	36,7	31,6**

* Средний процент костей по трем памятникам Эстонии и северо-восточной Латвии.

** Средний процент особей.

*** Средний процент костей по 17 памятникам Латвии, Литвы, Белоруссии и Смоленщины.

⁶ В таблице 1 в качестве математического выражения среднего соотношения между видами на памятниках того или иного района принят средний процент количества особей данного вида на памятниках района. На наш взгляд, эта величина более правильно отражает соотношение между видами в остеологическом материале группы памятников, чем обычно вычисляемый процент от суммы особей домашних животных на этих памятниках.

вых, мы рассматриваем животноводство в пределах одной ландшафтной зоны, точнее — даже в пределах весьма однородной в отношении климата и растительности ее части, включающей подзоны смешанных и широколиственных лесов и лишь в незначительной степени затрагивающей южные окраины собственно хвойных лесов. Во-вторых, ни границы выделенных районов, ни границы районов наиболее интенсивного разведения тех или иных видов важнейших сельскохозяйственных животных не совпадают с какими-либо естественногеографическими рубежами. Только район наиболее интенсивного разведения свиньи примерно совпадает с полосой широколиственных и южных окраин смешанных лесов, где, вероятно, для этого вида имелись наиболее благоприятные условия для самостоятельного добывания корма. Очевидно, местные естественногеографические условия, точнее условия микроландшафта, оказывали значительное влияние на численность поголовья свиней в стаде. Этим обстоятельством надо объяснять наличие двух типов стада на территории IV района. Но сопоставление количества костных остатков домашних животных без учета остатков свиньи дает ту же картину значительного различия в животноводстве по тем же районам (табл. 2).

Ни этнографический материал, ни археологический и остеологический материал с других территорий не позволяют определенно связать подобные местные особенности животноводства с уровнем хозяйственного развития племен.

В то же время примечательно, что в тех районах лесной полосы, в которых мы не можем предполагать изменения состава стада в результате расселения новой этнической группировки, наблюдается большое сходство остеологического материала второй половины I и начала II тысячелетия н. э. с остеологическим материалом эпохи раннего железа. Так, высокий процент остатков крупного и мелкого, рогатого скота при относительно небольшом количестве остатков свиньи, характерный для I района, отличает и памятники раннего средневековья на территории Эстонии⁷. Очень близок по составу остеологический материал Латвии и Литвы эпохи раннего железа и раннего средневековья⁸. Такие памятники второй половины I тысячелетия н. э., как Попадьянское селище⁹ у дер. Килино¹⁰, городище Сакены II¹¹, Тумовское селище IX—XIII вв.¹² и ряд других, расположенных на территории IV района, дали остеологический материал, идентичный по составу памятникам раннего железа. Для раннесредневековых памятников верхнего Прикамья, как и для памятников раннего железа, характерно преобладание в остеологическом материале остатков крупного рогатого скота и лошади¹³. При этом остеологический материал памятников славянских племен, расселившихся на территории лесной полосы, весьма сильно отличается от известного на этих же территориях в раннем железном веке¹⁴. Таким образом, отмеченные для раннего железного века порайонные различия в животноводстве оказываются весьма стойкими и прослеживаются вплоть до раннего средневековья там, где не происходило резкой смены населения. Это

⁷ В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе, стр. 129.

⁸ L. Sagan. Materiały osteologiczne z pilkalin Zmudzkiek. «Wjadmocy archeologiczne», XIV. Warszawa, 1936 В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе, стр. 127.

⁹ В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе, стр. 72.

¹⁰ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, стр. 76.

¹¹ В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе, стр. 72.

¹² Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 168, 169.

¹³ М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951, стр. 45.

¹⁴ В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси.

Сводная таблица среднего соотношения видов важнейших сельскохозяйственных животных в остеологическом материале памятников раннего железного века в лесной полосе Восточной Европы по районам (без учета остатков свиньи)

Район	Территория	Число памятников	Средний процент		
			крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	лошадь
I	Эстония, северо-восточная Латвия, верховья Западной Двины	6	43,3 37	35,6 44	21,1* 19**
II	Латвия, Литва, Северная и Средняя Белоруссия, Смоленщина, западная часть Волго-Окского междуречья	29	53,4 43,5	22,2	24,4***
III	Южная Белоруссия, Подесенье, Посеймье, верхнее течение Оки	13	43	23,3	33,7**
IV	Верхнее и Среднее Поволжье, Прикамье, Повеглужье, восточная часть Волго-Окского междуречья	32	35,1	15,4	49,5**

* Средний процент костей по трем памятникам Эстонии и северо-восточной Латвии.

** Средний процент особей.

*** Средний процент костей по 17 памятникам Латвии, Литвы, Белоруссии и Смоленщины.

наводит на мысль о связи определенных типов стада, известных по остеологическому материалу, с теми или иными этническими общностями.

Действительно, территория I района может быть сопоставлена с территорией расселения западнофинских племен, которая, кроме Эстонии и Северной Латвии, простиралась далеко на восток от Чудского озера, достигая верхневолжских притоков. Территория II района довольно точно совпадает с основным районом распространения балтийской гидронимии¹⁵, схватывает территорию, на которой встречаются погребальные памятники западнобалтийских племен¹⁶, городищ штрихованной керамики и верхнеднепровских городищ с гладкостенной керамикой, балтская принадлежность которых в настоящее время не вызывает сомнений¹⁷. В этот район входит территория москворецких дьяковских городищ, отличающихся рядом особенностей от дьяковских городищ более восточных районов¹⁸, позволяющих говорить о сильном балтском влиянии, возможно, о смешанности их населения¹⁹. Характерно, что остеологический материал этих памятников отличается сочетанием черт, присущих остеологическому материалу II и IV районов.

¹⁵ K. Buga. Die Vorgeschichte der Aistischen (Baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung. Leipzig, 1924, S. 22—35; M. Fasmer. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. I. Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Berlin, 1932, S. 637—666; II. Sitzungsberichte..., 1934, S. 351—410, карта; I. Leht-Splavinski. O pochodzeniu i praoczyźnie Słowian. Poznań, 1946, 3 tз. 65 и сл. карта; V. Polak. Slovanske pravlast s hlediska jazykoveho. Vznik a rozatku slovanu, I. Praha, 1956, str. 21, 22.

¹⁶ X. A. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. ВЭИЭН. Таллин, 1955, карты, рис. 7 и 10.

¹⁷ X. A. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, № 2, стр. 24—26. П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, 1960, № 1; В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. СА, 1961, № 2, стр. 115 и сл. и др.

¹⁸ П. Н. Третьяков. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. СА, 1957, № 2.

¹⁹ В. В. Седов. Гидронимия и археология средней полосы Восточной Европы. «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 г.». М., 1963.

Территория IV района может быть сопоставлена с территорией обитания восточных финно-угров²⁰.

Этническая принадлежность племен эпохи раннего железа Южной Белоруссии, Подесенья, лесной части Пусеймья и, вероятно, верховьев Оки в настоящее время должна быть признана дискуссионной. Резкие отличия в составе остеологического материала этой территории от памятников II района, связываемого нами с балтами, вряд ли говорит в пользу мнения о их балтской принадлежности. Интересно отметить близость состава остеологического материала памятников этого района и соседних памятников лесостепи. И там, и здесь наблюдается преобладание остатков крупного рогатого скота и лошади.

Таким образом, выделенные нами по особенностям состава остеологического материала районы лесной полосы Восточной Европы довольно точно совпадают с ареалами распространения основных этнических групп. Эти районы характеризуются не только определенным своеобразием в области животноводства, но и некоторыми различиями в земледелии, которые проявляются в характерных типах жатвенных орудий, орудий для обработки почвы, составе возделывавшихся культурных растений и др. Это еще раз подчеркивает реальность выделенных районов.

Сопоставление определенных типов стада, восстанавливаемых по остеологическому материалу, с теми или иными этническими группами еще не решает полностью вопроса о причинах отмеченных различий в животноводстве. И если ни природными условиями, ни различиями в уровне хозяйственного развития они не могут быть объяснены в полной мере, то представляется вероятным искать их корни в различном происхождении животноводства (и, вероятно, земледелия) у этих этнических групп, в выработавшихся еще при переходе к занятию животноводством и земледелием определенных традициях, которые, несколько изменяясь во времени, сохранялись на протяжении многих столетий и даже тысячелетий.

Проверка этого предположения должна являться темой особого исследования.

²⁰ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952; П. Н. Третьяков. У истоков этнической истории финно-угрских народов. СЭ, 1961, № 2.

А. Н. МЕЛЕНТЬЕВ

НЕКОТОРЫЕ ДЕТАЛИ КОНСКОЙ УПРЯЖИ
КИММЕРИЙСКОГО ВРЕМЕНИ¹

Весь облик культуры племен, обитавших в причерноморских степях в предскифское время, — кочевников, скотоводов, конных воинов — неразрывно связан с широким использованием коня. Применение лошади как транспортного средства, высокое развитие всадничества в этот период засвидетельствовано как историческими, так и многочисленными археологическими фактами. В настоящей статье мы делаем попытку поставить вопрос о применении в киммерийское время упряжной лошади — еще одного определяющего элемента культуры степных племен VIII—VII вв. до н. э. Поводом к этому послужила находка предметов конского снаряжения при раскопке курганов на Нижнем Дону.

В 1959 г. при исследовании большого кургана около г. Аксая (бывшая ст. Аксайская), известного под названием «Гиреева могила», были обнаружены два набора бронзовых предметов снаряжения коня². Каждый из наборов состоит из удила двукольчатого типа, двух крупных выпуклых блях с петлей на вогнутой стороне и пары массивных двойных пуговиц, укрепленных на пластине, свободно сочлененной при помощи муфты с крупным кольцом (рис. 7). Все предметы лежали одной компактной группой, под ними и рядом находились отдельные фрагменты железного втульчатого листовидного наконечника копья, полностью реставрировать который не удалось. Предметы найдены в юго-западной поле кургана и стратиграфически связаны с четвертым, верхним, слоем насыпи. Никаких следов погребения на этом участке не обнаружено. Все открытые нами могилы принадлежат к эпохе бронзы и относятся к первоначальному кургану и его повторной досыпке. В 1865—1866 гг. курган раскапывал В. Г. Тизенгаузен³. Определение культурной принадлежности открытых при раскопках могил затруднено краткостью дневниковых записей и отсутствием графической документации. Три могилы, возможно, синхронны или близки по времени нашей находке. Две из них, по-видимому, содержали погребения с конем, третья — впускное погребение в глубокой яме в центре кургана — полностью ограблена⁴. Связь их со стратиграфией кургана, в частности с верхним слоем насыпи, содержавшим наборы, не может быть установлена. Поэтому наиболее целесообразно приравнять находку к кладу⁵.

¹ Доклад, прочитанный на заседании сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА 7/V 1965 г.

² Кобяковская экспедиция ЛОИА под руководством С. И. Капошиной. Раскопки курганного отряда (нач. А. Н. Мелентьев).

³ ОАК, 1865; архив ЛОИА, ф. 1, д. 1865—66/7.

⁴ Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1865—66/7, лл. 18, 24—26, 29.

⁵ Для удобства пользования в дальнейшем предлагаем условное название «Аксайский клад».

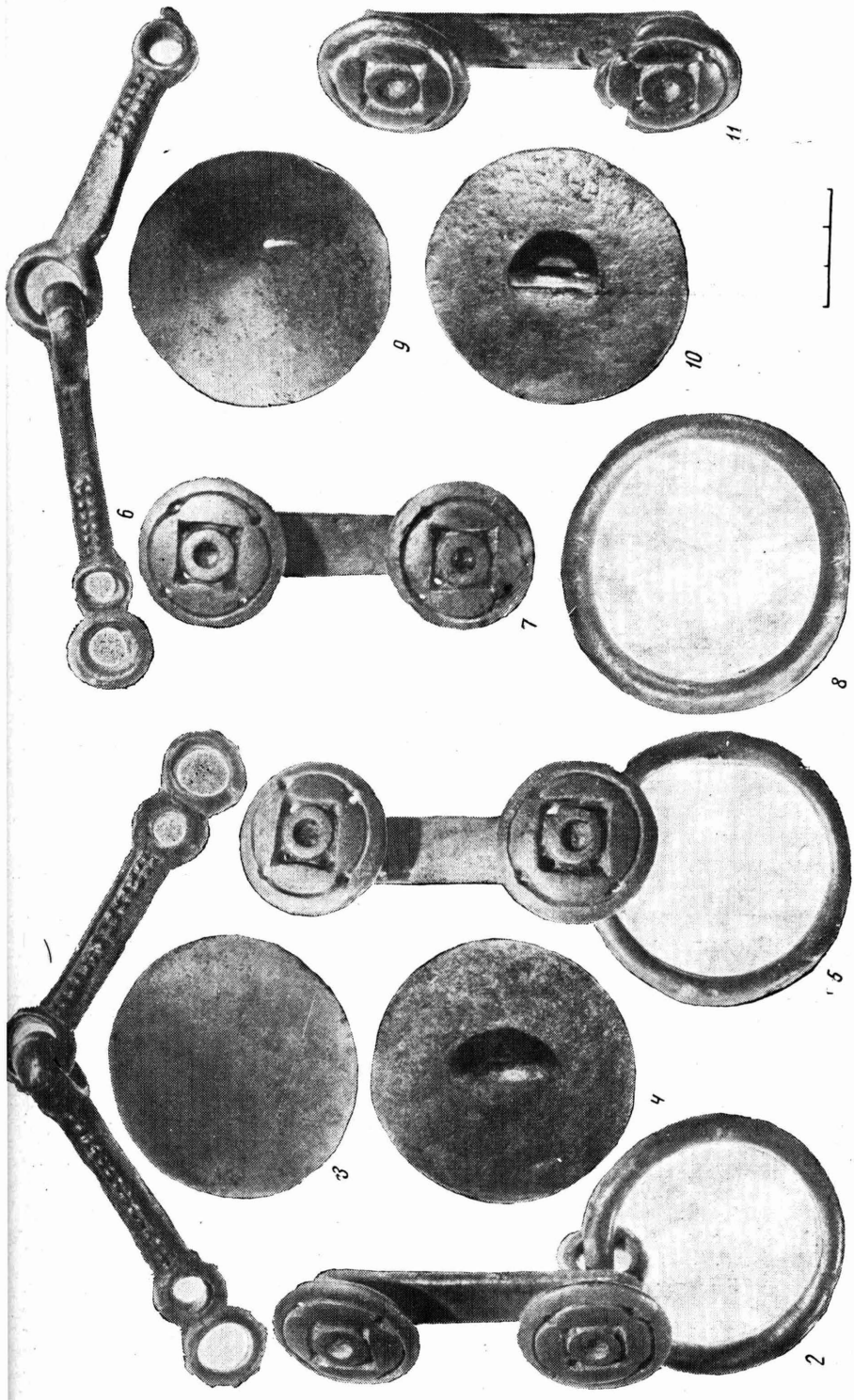

Рис. 7. Аксайский клад

Все бронзовые предметы хорошо сохранились и были покрыты тонким ровным слоем патины без заметных следов разрушения от коррозии. Один из наборов применялся недолго: на удилах сохранились даже остатки тонких пленок, образовавшихся при литье в местах неплотного прилегания половинок формы. Второй комплект носит следы длительного употребления. На удилах и двойных пуговицах заметна значительная изношенность в трущихся местах и имеется ряд дефектов: у удила отломлено одно внешнее кольцо, на двойных пуговицах — муфты с кольцами. Одно из колец отсутствует. При детальном сопоставлении и взвешивании одинаковых предметов из разных комплектов становится очевидным, что они отливались в сходных, но разных формах. Состав металла изделий неоднороден: сходным по назначению предметам соответствует определенный сплав, наиболее отвечающий, по-видимому, функциональному назначению вещи. При этом рецептура сплавов одинаковых по назначению изделий соблюдена при отливке обоих наборов (рис. 7, табл. 1)⁶.

Вопрос о датировке Аксайского клада после работ А. А. Иессена не вызывает затруднения. Время бытования двукольчатых удил так называемого кобанского типа достаточно точно определено в пределах второй половины VIII — начала VII в. до н. э.⁷ Находки новых археологических комплексов с удилами этого типа подтверждают правильность такой датировки⁸.

Обращает на себя внимание литой орнамент, украшающий двойные пуговицы. На наружной поверхности пуговиц отлит узор в виде углубленного квадрата со слегка вогнутыми сторонами, в центр которого вписано выпуклое кольцо. Квадрат окружен неглубокой бороздкой, отделяющей орнаментальный рисунок от плоскости пуговиц. В углах квадрата и напротив них в кольцевой бороздке — сквозные небольшие отверстия. В бороздке они немного смещены внутрь. Этим несложным приемом в сочетании с легкой вогнутостью сторон квадрата достигается восприятие правильного круга, очерченного кольцевой бороздкой, как четырехлепестковой розетки, выпукло моделированной на плоскости пуговицы. Ареал находок пуговиц и бляшек со сходным орнаментом охватывает степную территорию Юго-Восточной Европы от Северного Кавказа до Венгрии. Из серии находок в ареале удил двукольчатого типа⁹ наиболее близки пуговицам Аксайского клада по четкости и простоте орнаментального рисунка прорезные пуговицы Ессентукского клада и бляшки Каменноостского могильника в Кабарде и кургана 10 близ Симферополя. Все эти комплексы датируются концом VIII — началом VII в. до н. э.¹⁰

⁶ Полуколичественный спектральный анализ произведен в лаборатории ЛОИА В. Н. Сидоровым.

⁷ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953; Он же. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. ВССА, 1954.

⁸ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1962, стр. 76, 77; А. А. Щепинский. Погребение начала железного века у Симферополя. КСИА УССР, вып. 12, 1962, стр. 57; Г. П. Ковпаненко. Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне Ворсклы. КСИА УССР, вып. 12, 1962, стр. 66; А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, № 1, стр. 78, 79.

⁹ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э., стр. 6, рис. 6. ВССА, стр. 122, рис. 11; А. А. Щепинский. Указ. соч., стр. 63, рис. 7, 8; Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. «Уч. зап. Кабардинского научно-исследовательского ин-та», V. Нальчик, 1950, стр. 252, рис. 51, стр. 268, рис. 58; ИАК, вып. 60, стр. 2; Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок. СПб., 1908, стр. 94; Д. А. Самоковасов. Могила русской земли. СПб., 1908, стр. 11. Изображения бляшек из 2 Келермесского кургана и курганов у сел Емчиха и Герасимовка даны в работе Б. Рабиновича (Б. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья. СА, I, 1936, стр. 92, 94, 96, рис. 6, а—б, 8, 9).

¹⁰ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э., стр. 1; Он же. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э., стр. 127; А. А. Щепинский. Указ. соч., стр. 64; Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 272.

Наиболее трудно определить место и назначение двойных пуговиц с кольцом в снаряжении коня. Двойные пуговицы Аксайского клада являются пока уникальными и не имеют точной аналогии в комплексах предметов конского снаряжения, содержавших удила кобанского типа. Наиболее близки им две двойные пуговицы с кольцами из клада Комлод, найденного недалеко от Будапешта¹¹. Четыре двойных пуговицы из инвентаря погребения у хут. Кубанского¹² значительно меньших размеров и не имеют муфты с кольцом — детали, несомненно, определяющей назначение изделия. По этому конструктивному признаку наиболее сопоставимы с предметами Аксайского и Комлодского кладов большие кольца с подвижной муфтой, известные по находкам на Северном Кавказе и в Приднепровье. Три северокавказских комплекса (у хуторов Кубанского, Алексеевского и у Лермонтовского разъезда) опубликованы А. А. Иессеном¹³, четвертый комплекс предметов конского снаряжения, содержавший большие кольца с подвижной муфтой, найден у с. Бутенки в Кременчугской области¹⁴.

Таким образом, мы имеем с учетом нашей находки шесть комплексов, в которых наряду с известными предметами от конской узды встречены пуговицы, свободно соединенные через муфту с крупным кольцом. В археологической литературе нам известны лишь две работы, авторы которых, правда косвенно, относят эти предметы к принадлежностям узды¹⁵. А. И. Тереножкин упоминает их как «большие кольца с подвесками от узды». Такое определение сделано, по-видимому, лишь на основании находки их в комплексе с другими предметами уздечного набора. Мирча Русу при классификации разновидностей псалиев «докиммерийского» времени включает в группу типа С двойные пуговицы с кольцом из клада Комлод. К типу С относятся, по определению автора, наборные пряжки, заменяющие собственно псалии¹⁶. На указанной таблице изображено четыре экземпляра бляшек, применение которых наиболее вероятно, на наш взгляд, для скрепления перекрестьев ремней или в декоре сбруй. Правда, и сам автор огоривает, что в качестве псалиев «наборные пряжки применялись лишь тогда, когда их соединяли с металлической частью, вкладывавшейся в рот коню», и при этом ссылается на изображение удил с дополнительными звеньями, приведенными в работе Галлуша и Хорвата, в том числе и на двойные пуговицы с кольцом из клада Комлод¹⁷. Применение дополнительных звеньев практиковалось с удилами различных типов и служило лишь для облегчения скрепления удил с поводом. Появление их не внесло никаких принципиальных изменений в конструкцию узды, и закрепление удил с добавочными звеньями производилось также с применением псалиев.

Таким образом, налицо явное недоразумение с отнесением этих предметов к псалиям, тем более, что и сам автор через страницу рассматривает ту же самую серию предметов как крепившихся на подпруге упряжной лошади деталей «с целью облегчения управления при поворотах»¹⁸. Вообще устройство узды с удилами жесткого типа хорошо изучено и определены ее

¹¹ S. Callus, T. Horvath. Un peuple cavalier prescytigue en Hongrie. Dissertationes pannonicae, ser. II. Budapest, 1939.

¹² А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э., стр. 121, рис. 10.

¹³ Там же. рис. 10, стр. 118, рис. 7, стр. 123, рис. 12.

¹⁴ Т. П. Ковпаненко. Указ. соч., стр. 68, 69, рис. 2; А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, № 1, стр. 77, рис. 6.

¹⁵ А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 76, 78; М. Русу. Докиммерийские детали конской сбруи. «Dacia», п. s., t. IV, 1960.

¹⁶ М. Русу. Указ. соч., стр. 170, рис. 1/15—19.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

различные территориальные и хронологические варианты¹⁹. Тот факт, что ни в одном из известных вариантов узды нет места аналогичным или сходным предметам, является достаточным аргументом, отрицающим их связь с системой управления верховым конем. Правда, в гальштатское время, если соответствует действительности реконструкция Г. Коссака, крупные кольца применялись как промежуточное звено, соединяющее удила с отростком нащечного ремня и поводом²⁰. Возможное применение с этой целью рассматриваемых нами предметов маловероятно, поскольку муфты, сильно выступающие с тыльной стороны изделия, неизбежно травмировали бы щеку лошади.

Подобных предметов нет и в системе закрепления седла. Мы не располагаем сведениями о седлах киммерийского времени. У скифов и савроматов, по мнению К. Ф. Смирнова, были распространены мягкие седла подушечного типа. Но савроматские подпружные пряжки, применяемые при седловке, — крупные желобчатые кольца с кнопкой и выступами, конструктивно отличаются от рассматриваемых нами находок²¹. Седельная сбруя алтайских племен скифского времени, хорошо известная по пазырыкским находкам, также не содержит сходных или конструктивно близких предметов²².

Наиболее трудно разрешимым вопросом является реконструкция упряжи ездовой лошади древности. Обстоятельно изучено устройство повозок, главным образом колесниц, и прослежено развитие их различных типов в разных странах. Материалом для классификации послужили в основном многочисленные изображения на каменных рельефах, сосудах и других предметах, а также глиняные модели и в меньшей степени непосредственные археологические находки. Изучение же способов запряжки и особенно конструкции элементов упряжи значительно затруднено, поскольку изображения, как правило, передают лишь основные детали. Насколько можно судить, в древности применялась легкая шорковая упряжь без шлей, но с подпружным ремнем. Холодный ремень при этом соединялся иногда с помощью колец, с крыльями легкого ярма, закрепленного на конце изогнутого дышла. На перекрестье грудного и холодного ремней располагалась петля или кольцо для закрепления постромки, идущей от верхней части переда повозки²³. Такое расположение постромки служило, по-видимому, помимо передачи тяги и для удержания лошади от уноса в сторону. При этом угол наклона постромки был близок оптимальному, позволяющему

¹⁹ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э.; S. Galus et T. Horvath. Op. cit.; I. Harmatta. Le probleme simmerien. «Archaeologiai Ertesito», ser. III, t. VIII/IX. Budapest, 1948; I. Nestor. Zu den Pferdegeschirrbronzen aus Stullgried a. d. March». Winer Prähistorische Zeitschrift, XXI; G. Bawlinson. The Five Great Monarchies of the Ancient Eastern World; П. М. Грязнов. Памятники майэмиского этапа эпохи ранних кочевников Алтая. КСИИМК, вып. XVIII, 1947; Он же. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950; Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 209, 210; Он же. Ванское царство. М., 1959, стр. 153—156; С. И. Руденко. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.—Л., 1962; Он же. Культура населения центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, гл. XI; Б. А. Куфтин. Триалети I. Тбилиси, 1941, стр. 61; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов.

²⁰ Реконструкцию узды см.: Я. Филип. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961, стр. 19, рис. 2.

²¹ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 97, рис. 49, 1—3.

²² С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, стр. 90, рис. 33; М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган, стр. 58, рис. 22; С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, стр. 146 и сл.

²³ I. Filip. Vor praveku a vznik Vozu moderniko. «Vestnik Ceskoslovenskenho zemedelskeho musea», IX. № 3. Praha; Б. Б. Пиотровский, Н. Д. Флитнер. История техники древнего Двуречья. Сб. «Очерки по истории техники Древнего Востока». М.—Л., 1940, стр. 152, рис. 74.

Т а б л и ц а 1

Результаты полуколичественного спектрального анализа предметов Аксайского клада, %

№ рисунка	Наименование предмета	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As	Ag	Au	Ni	Co	Fe	Mn	Si	Ca	Mg	Al
7,1	Удила	97	0,5	0,2	+	+	0,7	1	+	+	+	—	—	—	+	+	+	+
7,6	»	97	0,5	0,2	+	+	0,5	0,5	+	+	0,01	—	0,05	—	+	+	+	+
7,2	Пуговицы с кольцом	90	7	0,2	+	+	0,7	1,5	+	+	0,06— 0,08	+	—	—	+	+	+	+
7,5	То же	90	7	0,2	+	+	0,7	1,0	+	+	0,01	+	—	—	+	+	+	+
7,7	» »	90	7	0,2	+	+	0,7	2,0	+	+	0,06— 0,08	+	—	—	+	+	+	+
7,11	» »	87	7	0,2	+	+	3—4	1,5	+	+	0,01	+	—	—	+	+	+	+
7,3	Бляха с петлей	92	7	0,5	+	+	—	—	+	—	—	—	—	—	+	+	+	+
7,4	То же	92	7	0,5	+	+	+	—	+	—	—	—	—	—	+	+	+	+
7,10	» »	92	7	0,1	+	+	+	—	+	—	+	—	—	—	+	+	+	+
7,8	Кольцо	97	0,5	0,2	+	+	0,7	1,5	+	+	0,01	—	—	—	+	+	+	+

максимально использовать тяговое усилие лошади²⁴. В меньшей степени при этом тяга осуществлялась через ярмо и дышло, которые служили в основном для изменения направления движения повозки и облегчали ее торможение или «осаживание» лошадей. В целях облегчения управления вожжи разбирались на правые и левые и продевались через металлические кольца, укрепленные на дышле или ярме и реже на холковом ремне шорки²⁵. Самые древние кольца для продевания вожжей известны по находкам в Уре²⁶. Их конструкция и место в системе упряжи, судя по более поздним находкам, с течением времени не претерпели существенных изменений²⁷. Рассматриваемые нами предметы, по-видимому, не могли быть применены для этих целей, поскольку кольцо располагается в одной плоскости с пуговицей.

Характеристика потертостей изделий Аксайского клада, в частности места износа внутренней стороны муфты, предполагает закрепление предмета в вертикальном положении кольцом кверху и без постоянного натяжения между муфтой и кольцом. С учетом этого обстоятельства наиболее вероятно использование этих изделий для скрепления упряжи с ярмом, т. е. в качестве предмета, известного по древнегреческой терминологии под названием *антух*²⁸. Значительные нагрузки на эту часть упряжи возникали, видимо, лишь при крутых поворотах, резком торможении или быстром передвижении по пересеченной местности, что, вероятно, и влекло иногда поломку деталей скрепления. Характер износа изделий Аксайского клада, с одной стороны, и облом муфт, с другой, наиболее соответствуют, на наш взгляд, предположению о применении их в качестве *антух*.

Позитивное решение поставленного нами вопроса о применении в начале I тысячелетия до н. э. лошади в запряжке основано лишь на предположении о вероятном месте рассмотренных предметов в системе древней упряжи. Как оригинальный вариант удила — двухкольчатый, так и детали упряжи могут иметь своеобразный облик, выработанный племенами, обитавшими на территории, границы которой очерчиваются ареалом удила кобанского типа. Вместе с тем неоднократные находки парных конских погребений эпохи бронзы²⁹ — несомненное свидетельство применения упряжной лошади в конце II — начале I тысячелетия до н. э.³⁰ Поэтому правомерна, на наш взгляд, при интерпретации назначения рассмотренных деталей снаряжения коня (пуговиц, сочлененных с кольцом) постановка вопроса о применении повозок в VIII—VII вв. до н. э. Были ли это четырехколесные повозки, типа открытых в докельтских княжеских могилах, или боевые колесницы, аналогичные колесницам Переднего Востока, — вопрос остается открытым.

²⁴ Н. М. Шпайер, В. Н. Онисимов. Гигиена и использование лошади. М., 1949, стр. 127.

²⁵ Б. Б. Пиотровский, Н. Д. Флиттнер. История техники древнего Двуречья, стр. 102, 104; Paterson. Palace of Sinaherib, схема; «Ur excavationz», vol. II. The Royal Gemetery, plates. Oxford, 1934, p. 92; Dictionnaire des Antiquites Paris, 1875, p. 1637, fig. 2209, p. 1638, fig. 2210.

²⁶ «Ur excavationz», tabl. 166, 167, fig. p. 30.

²⁷ R. Ghirshman. Iran. München, 1964, S. 62, Ill. 77.

²⁸ «Dictionnaire des Antiquites», p. 1936, 1640.

²⁹ К. Ф. Смирнов. О погребениях с конями и трупосожжениями эпохи бронзы в Нижнем Поволжье, СА, XXVII, 1957; Он же. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, № 1.

³⁰ Под этим же углом зрения рассматривает парные погребения лошадей Л. С. Клейн (Л. С. Клейн. Происхождение скифов царских по археологическим данным. СА, 1963, № 4, стр. 31).

ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Е. АЛИХОВА

СРЕДНЕАПОЧКИНСКИЕ КУРГАНЫ И ПОСЕЛЕНИЕ

По своим физико-географическим условиям Курская область довольно неоднородна. Основная ее часть, входящая в лесостепную зону, представлена сильно пересеченной местностью с развитой системой оврагов. Заметно выделяется юго-восточная часть области своим степным равнинным характером. Эти две зоны отличаются также и по характеру археологических памятников. В то время как в лесостепной зоне распространены городища, а курганные группы крайне редки, на юго-востоке, наоборот, городищ почти нет, но буквально по всей площади на плато рассеяны одиночные крупные курганы и небольшие их группы. Об истинных размерах этих курганных групп в настоящее время судить трудно, так как почти все они распахиваются и возможно, что часть наиболее мелких курганов уже распахана. Курганы, осмотренные нами в Ястребовском и Советском районах, сравнительно крупные: некоторые высотой до 4 м и диаметром до 54 м. Приведенный ниже перечень обнаруженных курганов далеко не полон. С целью выяснения их культурной принадлежности нами были проведены раскопки одного из них.

В селе Средние Апочки Ястребовского района были открыты Ю. А. Липкиным два кургана на правом берегу р. Апочки, в урочище Дубрава на свободном пространстве между избами и колхозным садом. Северный из этих курганов высотой 0,7 м при диаметре 25 м, южный — высотой 0,5 м при диаметре 18 м. Меньший из этих курганов нами раскопан. Под невысокой насыпью в неглубоких могилах, не превышавших 60 см, на верхней границе материка было вскрыто семь погребений. Возможно, погребений было несколько больше. Это заставляют предположить два отдельно стоявших сосудика, найденных в верхнем слое чернозема, которые могли быть связаны с детскими несохранившимися погребениями. В эту же группу следует включить два рядом стоявшие сосуда, расположенные в верхнем горизонте чернозема под бровкой и на расстоянии 80 см от них мелкие кости животного. В одном из этих сосудов лежали обожженные кости (рис. 8, 5, 6; рис. 9). Также изолированно лежали в среднем горизонте чернозема на глубине 90 см, считая от наивысшей точки кургана, сложенные вместе кости ног и нижняя челюсть овцы.

Интересно размещение захоронений в кургане. В северной половине обнаружено только одно погребение (№ 4). Основная часть погребений располагалась под бровкой и в юго-западном секторе. Причем погребения, расположенные под бровкой (№ 1, 7) и в северной части кургана (№ 4), были ориентированы головой к северу. Остальные погребения, размещенные по периферии кургана, имели иную ориентировку, а именно: к востоку и северо-востоку. Иначе говоря, погребенные были положены головой к центру и, возможно, к основному мужскому захоронению, расположенному в северной половине кургана. Последнее предположение основано на том, что

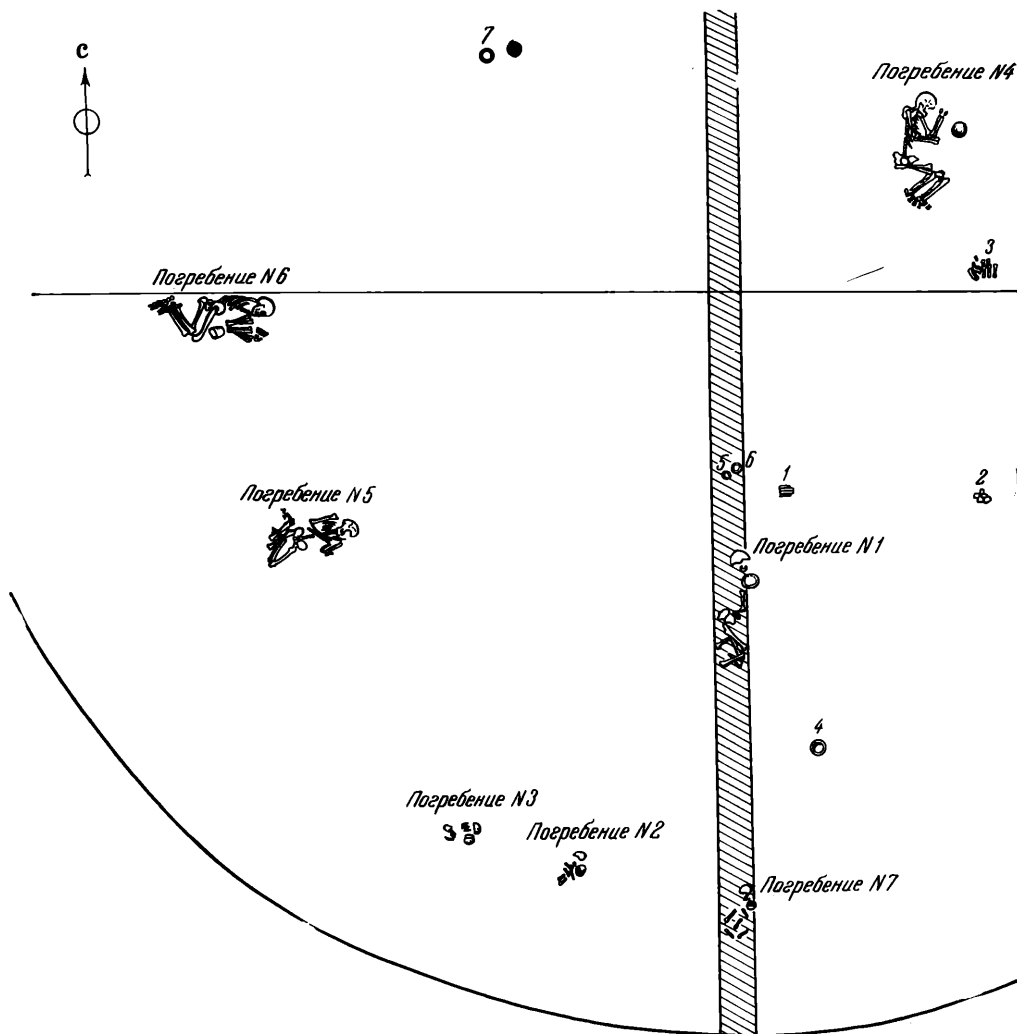

Рис. 8. Средние Апочки. Курган № 1. Юго-западная часть кургана с погребениями. План
 1 — кости животного; 2 — горшок в обломках; 3 — нижняя челюсть и кости ног овцы; 4, 5 — сосуды;
 6 — часть сосуда с обожженными костями; 7 — горшок

все периферийные захоронения принадлежали женщинам и детям (см. табл.). Очевидно, здесь была погребена одна семья.

Найденные при погребениях сосуды типичны для срубной культуры. Это невысокие сосуды баночной формы преимущественно без орнамента или украшенные одним рядом ямочных вдавлений. Выделяется лишь один сосуд острореберной формы с типичным узором из заштрихованных треугольников.

После раскопок кургана предприняты поиски поселения по берегу р. Апочки. Действительно, на расстоянии 1 км от курганов в излучине узкой речушки на первой надпойменной террасе были обнаружены при шурфовке слабые следы культурного слоя, содержавшего керамику срубной культуры. Очевидно, в этом месте жила очень небольшая группа населения, может быть, всего одна-две семьи. Так как памятники срубной культуры в Курской области почти не изучены, то и этот, хотя и очень незначительный, материал представляет определенный интерес. Можно высказать предположение, что и основная часть осмотренных нами курганов, а может быть и все, оставлены племенами срубной культуры, расселившимися на этой территории небольшими группами.

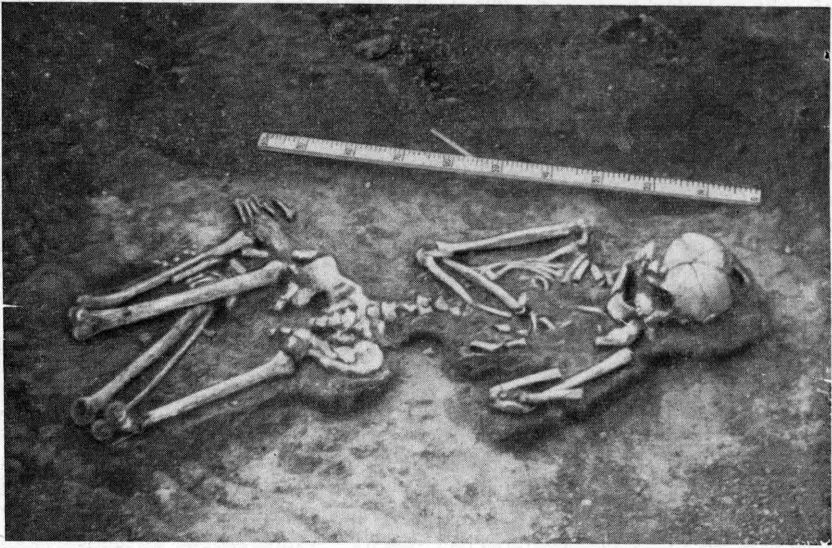

Рис. 9. Средние Апочки. Курган № 1. Погребение 5

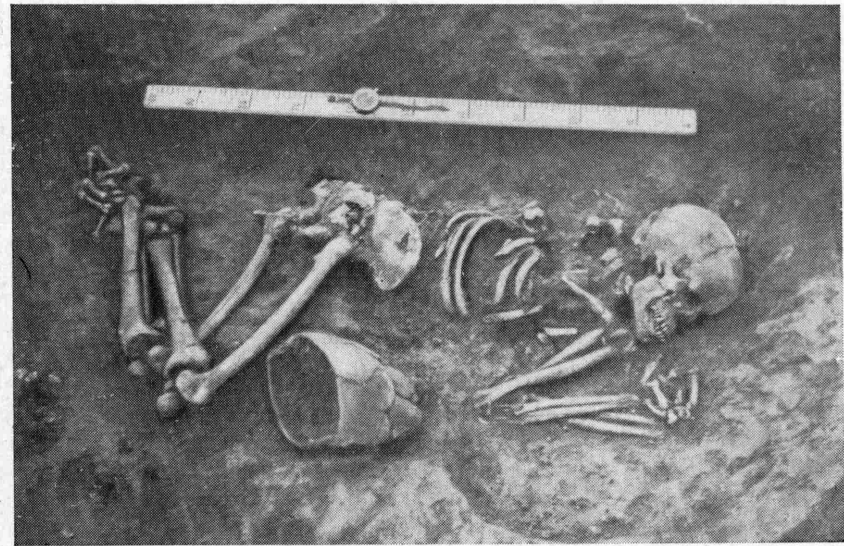

Рис. 10. Средние Апочки. Курган № 1. Погребение 6

Т а б л и ц а

№ погребения	Глубина от высшей точки кургана, м	Пол	Возраст погребенного	Положение костяка	Положение инвентаря	Сохранность костяка
1	1		?	Скорченное, на левом боку, головой на север	Сосуд перед лицом	Кости смещены
2	1,2		Детский, раннего возраста	То же, головой на СВ	Сосуд в области груди	Кости плохой сохранности
3	1		То же	То же, головой на В	То же	То же
4	1,35	Мужской	?	То же, головой на С, руки согнуты	Сосуд перед грудью	
5	1,35	Женский	Молодой (?)	Сильно скорченное, на левом боку, левое предплечье параллельно плечу, правая рука согнута; головой на ВСВ	—	
6	1,38	Женский	Молодой (?)	Скорченное, на левом боку, головой на В	Сосуд у правого бедра	
7	1		Детский	Скорченное, на правом боку (?), головой на ССВ	Острорезберный сосуд в области туловища	Кости смещены, плохой сохранности

А. Д. ПРЯХИН

МАСЛОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ
В ЧЕРТЕ ВОРОНЕЖА¹

Настоящее сообщение посвящено характеристике поселения эпохи бронзы, расположенного на левом берегу высохшей в настоящее время р. Песчанки вблизи от улицы Масловской в Воронеже. Это поселение находится на незначительном возвышении бывшего берега реки. Тем не менее территория поселения в настоящее время часто затопливается полыми водами. Участки берега, примыкающие к поселению, в настоящее время заболочены. Размеры поселения 120×150 м.

На территории поселения в 1961 г. школьниками 33-й школы Воронежа под руководством учителя Н. М. Анучина было заложено четыре шурфа, которыми выявлен значительный слой эпохи бронзы².

В 1964 г. на поселении археологической экспедицией Воронежского университета было вскрыто 108 м^2 площади (раскоп — 92 м^2 и три шурфа 2×2 м).

Раскопом и шурфами в центральной части поселения выявлен однородный культурный слой эпохи бронзы, толщина которого $80\text{—}95$ см. Материалы эпохи бронзы начинают встречаться с верхней части черноземного слоя. Культурные остатки залегают в тучном черноземе с небольшой примесью песка. Слой стратиграфически не разделяется. В основании культурного слоя обнаружена часть углубленной в материк постройки, вскрыто пять хозяйственных ям (три полностью и две частично) и выявлено значительное количество небольших округлых ямок различной глубины.

Раскопом 1964 г. вскрыта только незначительная юго-восточная часть сооружения, углубленного в материковый песок на $20\text{—}30$ см. Стенки его довольно пологие. Это сооружение есть основания считать жилым, так как на полу его расчищено скопление золы с обожженным песком под ним. Все хозяйственные ямы, встреченные в основании культурного слоя, по форме приближаются к округлым. Только яма 2 имеет неправильные очертания. Стенки хозяйственных ям отвесные или пологие. Глубина их от 15 до 75 см. Пол в большинстве ям ровный. Только хозяйственная яма 1 к основанию сужается. Ни в одной из ям нет специального заполнения. Все они заполнены черноземом, в котором есть отдельные фрагменты керамики и кости.

Значительное количество небольших ямок, выявленных в основании культурного слоя, вероятно, связывается с наземными хозяйственными

¹ Доклад прочитан в секторе неолита и бронзы 13 марта 1965 г.

² Возможно, с этим поселением связываются пункты 69 и 70 на карте Н. В. Валукинского, о которых сообщается, что там была собрана лепная керамика (М. В. Валукинский. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа. СА, 1948, № 1, стр. 297).

постройками. Так, ямки, располагавшиеся вокруг хозяйственных ям 2, 4 и 5, связываются, очевидно, с навесами над ними.

Для характеристики уровня хозяйственного развития населения этого поселка эпохи бронзы большое значение имеют некоторые находки вещей в культурном слое.

Прежде всего обращает внимание тот факт, что на сравнительно небольшой раскопанной площади найдено четыре обломка и один целый пестик от зернотерки, что свидетельствует о развитом земледелии у населения, оставившего их. Оригинален по форме бронзовый нож, найденный в третьей штыке культурного слоя поселения. Он имеет длину 24,5 см. Одна сторона ножа почти прямая. Она заострена почти по всей длине, другая выпуклая. У нее заострен только конец. Исходя из этого, назначение ножа было и как режущего, и как колющего орудия. С культом земледелия, на наш взгляд, следует связать обломки глиняных лепешек, найденных в слое поселения. В центральной части некоторых из них имеются отверстия. Небезынтересно наблюдение, что в некоторых районах современной Курской области во время сбора урожая зерновых пекут подобные по форме глиняные лепешки.

Из других находок, связанных также с хозяйственной деятельностью жителей Масловского поселения, можно отметить находку тонкого прямоугольного в сечении бронзового шила, длина которого 8 см. Один конец шила острый, а другой — обломан. Кроме того, в культурном слое поселения найдены два обломка плоских пряслиц, сделанных из черепка, и одна заготовка для подобного же пряслица.

Наиболее массовый материал из культурного слоя поселения составляет керамика. Все сосуды с поселения эпохи бронзы сделаны из довольно плотной глины. Большинство фрагментов имеет грубую штриховку по внешней поверхности. В ряде случаев эта штриховка даже является элементом орнаментации. Следует отметить, что количество фрагментов с подобной штриховкой постепенно уменьшается в верхней части культурного слоя. Состав теста в керамике с поселения одинаков на различных глубинах культурного слоя. В тесте содержится примесь песка и ракушки, а иногда и растительная примесь. В верхней части культурного слоя примесь ракушки уменьшается.

Если попытаться проанализировать керамику с Масловского поселения по штыкам, то нам представляется, что ее можно разделить на керамику третьего — пятого штыков и керамику первого-второго штыков.

Керамика третьего — пятого штыков представлена мисками, горшками и чашевидными сосудами (рис. 11).

Особенно многочисленную группу составляют баночные сосуды с заметно округленными боками (рис. 11, 1—10). Сосуды этого типа имеют различное оформление верха венчика. Преобладает прямой верхний срез венчика. В ряде случаев венчик имеет закраины с обеих сторон, которые особенно характерны для заключительного этапа эпохи бронзы на рассматриваемой территории. Сосуды баночной формы имеют довольно грубо обработанную внешнюю поверхность. Преобладает орнаментация из прямых прочерченных линий, сочетающихся с косыми вдавлениями, и нанесенные различными приемами композиции, в основе которых лежит рисунок треугольника³. Орнамент из прямых горизонтально прочерченных линий образует как бы прорезные валики. Такой способ орнаментации есть на поселении I у с. Подгорного⁴, на поселении Монастырщина⁵ у

³ Орнаментация треугольниками характерна для всей керамики третьего—пятого штыков Масловского поселения. Она характерна и вообще для памятников начальной и развитой бронзы Верхнего и Среднего Подонья.

⁴ П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 29, рис. 12, 3, стр. 31, рис. 13, 2, 7—9.

⁵ Там же, стр. 73, рис. 34, 1, 2.

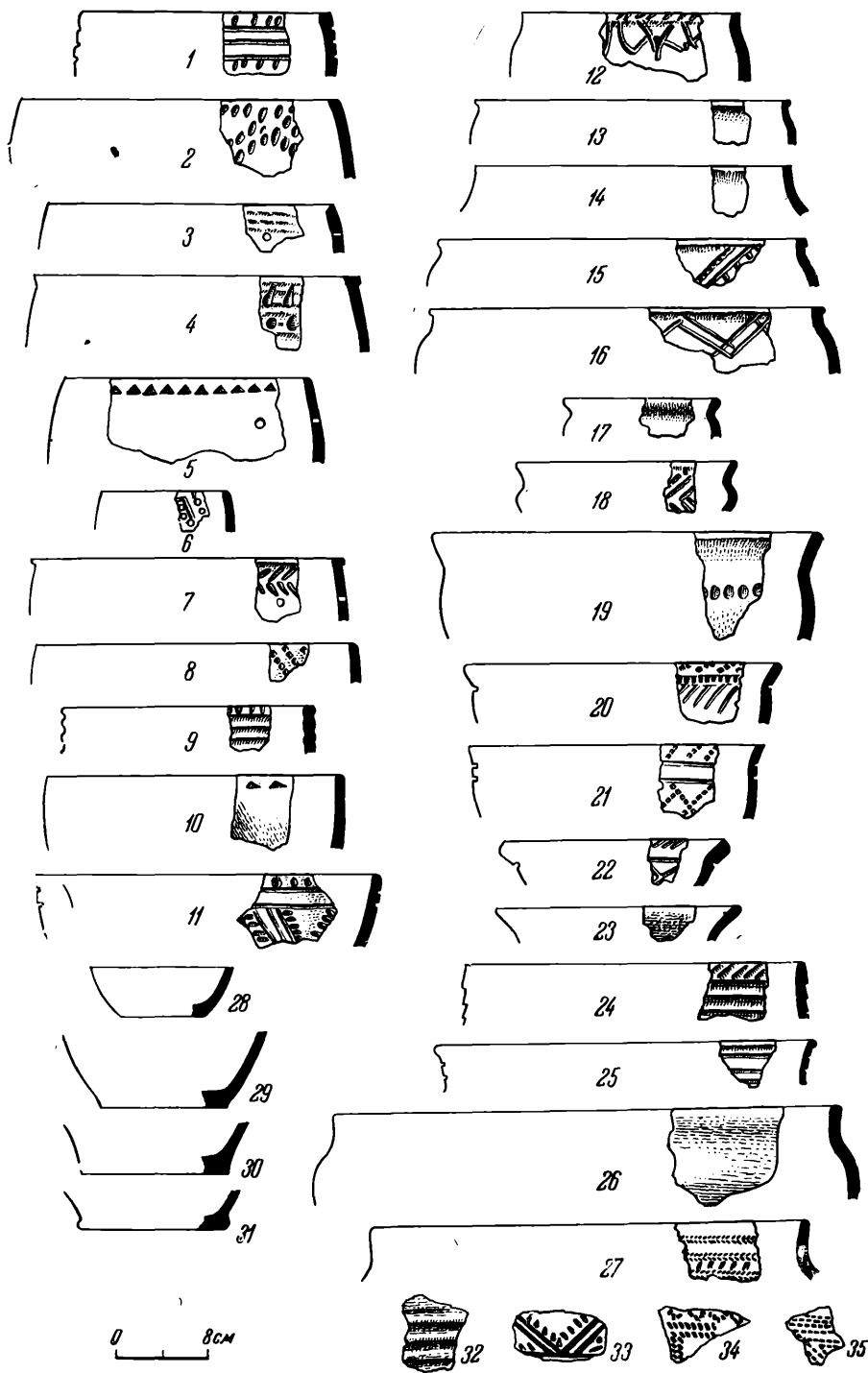

Рис. 11. Масловское поселение. Керамика из 3—5-го штыков

с. Левашовка⁶, у с. Старая Чигла⁷, на поселении Белые Трубки у с. Костенки⁸, на поселении Лобовка на Верхнем Дону⁹ и других памятниках. Кроме того, подобный способ орнаментации широко распространен на стоянке Перикс в Тамбовской области¹⁰. Судя по имеющемуся материалу, этот способ орнаментации на территории Подонья появляется уже в эпоху развитой бронзы и сохраняется в период поздней бронзы.

Что же касается треугольников, то они образованы вдавлениями палочкой, веревочкой, прочерченной линией, зубчатым штампом. Особенно интересны треугольники, выполненные округлыми вдавлениями палочкой. Такой способ орнаментации широко распространен на памятниках начальной и развитой бронзы Правобережья Верхнего и Среднего Дона. Он есть на сосудах так называемого катакомбного типа в курганах у с. Нижняя Ведуга¹¹ и на других памятниках. Он есть и на поселении I у Подгорного¹², у Сасовки II¹³. Этот способ орнаментации ямками встречается и на керамике первого периода срубной культуры Поволжья¹⁴. На наш взгляд, орнаментация ямками, образующими треугольники, берет свое начало еще в памятниках неолитического облика. Такой способ орнаментации встречается на неолитической керамике Долговской стоянки на Верхнем Дону¹⁵. Следует отметить, что орнаментация ямками, образующими треугольники, характерна для керамики волососовской культуры¹⁶.

Вторую значительную группу сосудов третьего — пятого штыков Масловского поселения составляют чашевидные сосуды.

Одни из них не имеют ярко выраженного венчика (рис. 11, 11). На этих сосудах, кроме других способов орнаментации, широко распространен орнамент из прочерченных линий, который, как было указано ранее, характерен для баночных сосудов с этого поселения. Это указывает на хронологическое сосуществование баночных и чашевидных сосудов. Такие широкие прочерченные линии на чашевидных сосудах встречаются и на других памятниках эпохи бронзы Подонья — на поселении I у Подгорного¹⁷, на городище Большое Сторожевое¹⁸ у с. Русская Тростянка¹⁹, на поселении Сасовка II²⁰.

Другую группу чашевидных сосудов из нижней части культурного слоя составляют колоколовидные чаши, которые имеют много общего с керамикой абашевской культуры (рис. 11, 22—23).

⁶ П. Д. Либеров. Указ. соч., стр. 144, рис. 59, 1, 2.

⁷ Г. И. Корнюшин. Археологические памятники в Аннинском районе Воронежской области. Приложение к работе П. Д. Либерова «Племена Среднего Дона в эпоху бронзы» (стр. 176, рис. 2, 14).

⁸ Материалы разведок археологической экспедиции Воронежского университета 1949—1950 гг. (рук. А. Н. Москаленко). Хранятся в кабинете археологии Воронежского университета.

⁹ Материалы разведок археологической экспедиции Воронежского университета 1950 г. (рук. А. Н. Москаленко). Хранятся в кабинете археологии Воронежского университета.

¹⁰ Т. Б. Попова. Эпоха бронзы на Тамбовщине. СА, 1961, 3, стр. 145, рис. 5, 1—8.

¹¹ П. Д. Либеров. Указ. соч., стр. 94, рис. 42, 7, стр. 95, рис. 43, 4.

¹² Там же, стр. 29, рис. 12, 8.

¹³ Там же, стр. 62, рис. 30, 2, 14.

¹⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 32, рис. 5, 13, стр. 35, рис. 6, 5, стр. 36, рис. 7, 3.

¹⁵ В. П. Левенок. Ранне-неолитическая стоянка у с. Долгое на Верхнем Дону. КСИА, вып. 92, 1962, стр. 78, рис. 25, 6, 8.

¹⁶ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 85, рис. 13, 41.

¹⁷ П. Д. Либеров. Указ. соч., стр. 43, рис. 21, 8.

¹⁸ Там же, стр. 138, рис. 57, 8.

¹⁹ Там же, рис. 57, 11.

²⁰ Там же, стр. 140, рис. 58, 1.

Сосуды из третьего — пятого штыков, относящиеся по форме к горшкам, можно разделить на четыре группы.

Одну группу составляют горшки, имеющие невысокий, почти прямой венчик, с прямым верхним срезом и округлое тулово (рис. 11, 12—16). Тулово некоторых горшков приближается к остросереберному. Такая форма известна среди керамики развитой бронзы, найденной у с. Белые Трубки напротив с. Костенок²¹, на поселении Маховщина на Быстрой Сосне²², на поселении у дер. Мухино на р. Снова²³. Кроме того, эта форма представлена в несколько измененном виде в керамике поселения I у Подгорного²⁴, поселения 8 у с. Вознесенка²⁵ и на других памятниках поздней бронзы Верхнего и Среднего Подонья.

Следующую значительную группу горшков Масловского поселения составляют остросереберные сосуды, которых уже нет в первом и во втором штыках культурного слоя (рис. 11, 17—18). Эти сосуды имеют довольно архаические способы орнаментации — орнамент сделан при помощи перевитой веревочки, вдавлений мелкозубчатого штампа и т. д. Форма этих остросереберных сосудов, как и остросереберных сосудов с других памятников эпохи бронзы Правобережья Верхнего и Среднего Подонья, имеет больше общих черт с керамикой абашевского типа, нежели со срубной.

Третью группу горшков составляют горшки, имеющие высокий несколько отогнутый наружу венчик и удлиненное тулово (рис. 11, 19—21). Эта форма сосудов широко представлена и на других памятниках эпохи бронзы Верхнего и Среднего Подонья. Она особенно характерна для сосудов абашевской культуры в Правобережном Поволжье²⁶.

Четвертую группу горшков составляют сосуды, в форме которых имеются некоторые катакомбные черты (рис. 11, 24—27). Эти сосуды имеют также довольно ранние способы орнаментации — орнамент перевитой веревочкой, орнамент из вдавлений мелкозубчатого штампа, образующего горизонтальную елочку, орнамент из горизонтальных прямых прочерченных линий. Интересен тот факт, что форма некоторых из этих сосудов имеет вместе с тем общие черты с сосудами абашевского облика территории Правобережья Верхнего и Среднего Подонья.

Анализ керамического материала из нижней части культурного слоя позволяет отнести их к концу развитой — началу поздней бронзы рассматриваемой территории. Керамический материал имеет особенно много общего с керамикой памятников эпохи развитой и поздней бронзы Правобережья Верхнего и Среднего Дона. Как и на ряде памятников указанной территории, в керамическом материале Масловского поселения представлено своеобразное сочетание срубных, абашевских и катакомбных черт, явившееся, очевидно, результатом культурного взаимодействия различных племенных групп. Масловское поселение находится как бы на юго-западной границе этой зоны активных контактов.

В керамическом комплексе первого и второго штыков Масловского поселения продолжают встречаться некоторые формы сосудов, имеющиеся в третьем — пятом штыках культурного слоя. Здесь также широко представлены горшки (рис. 12, 1—13, рис. 13, 1—3, 8—10). Причем если во втором штыке в основе орнаментации этих баночных сосудов еще встречаются прямые прочерченные линии, то такая орнаментация на

²¹ Материалы разведок археологической экспедиции Воронежского университета 1949—1950 гг. (рук. А. Н. Москаленко).

²² Материалы разведок археологической экспедиции Воронежского университета 1962 г. Хранятся в кабинете археологии Воронежского университета.

²³ Материалы разведок археологической экспедиции Воронежского университета 1964 г. Хранятся в кабинете археологии Воронежского университета.

²⁴ П. Д. Либеров. Указ. соч., стр. 35, рис. 17, 5.

²⁵ Там же, стр. 120, рис. 51, 4.

²⁶ О. Е. Евтюхова. Керамика абашевской культуры в Среднем Поволжье. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964, стр. 114—116.

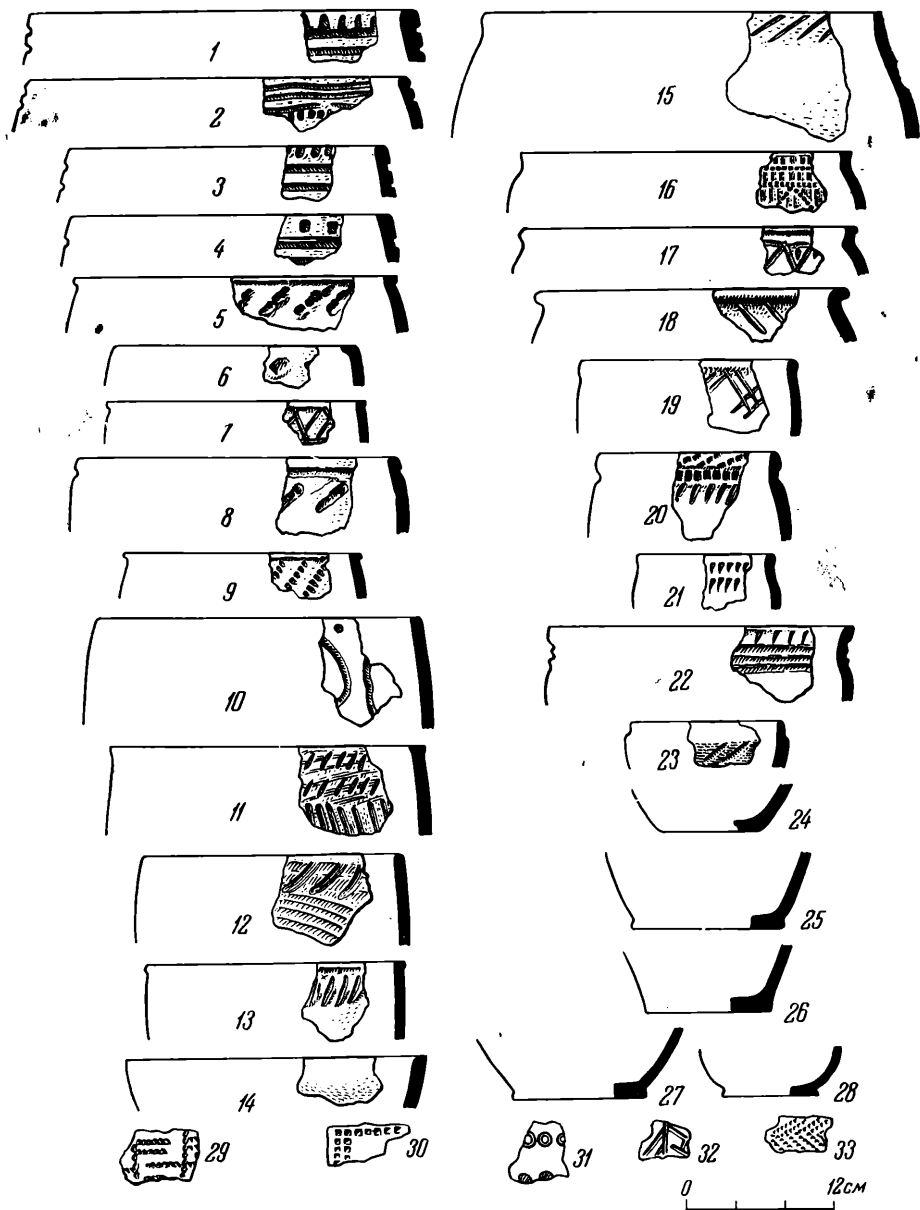

Рис. 12. Масловское поселение. Керамика из 2-го штыка

баночных сосудах в первом штыке уже полностью отсутствует. Кроме того, в этих штыках в довольно большом количестве представлены баночные сосуды, верх которых имеет закраины с обеих сторон. Эта черта оформления венчиков является довольно поздней, она переходит на сосуды раннего железного века на территории Верхнего и Среднего Подонья.

В первом и втором штыках культурного слоя широко распространены чашевидные сосуды первой группы, которые есть в керамике третьего — пятого штыков (рис. 12, 14, рис. 13, 4—7). Некоторые из них уже имеют закраины с внутренней стороны. Именно эта форма сосудов лежит в основе мисок раннего железного века с загнутым внутрь краем, на что указывает П. Д. Либеров²⁷.

²⁷ П. Д. Либеров. Указ. соч., стр. 40.

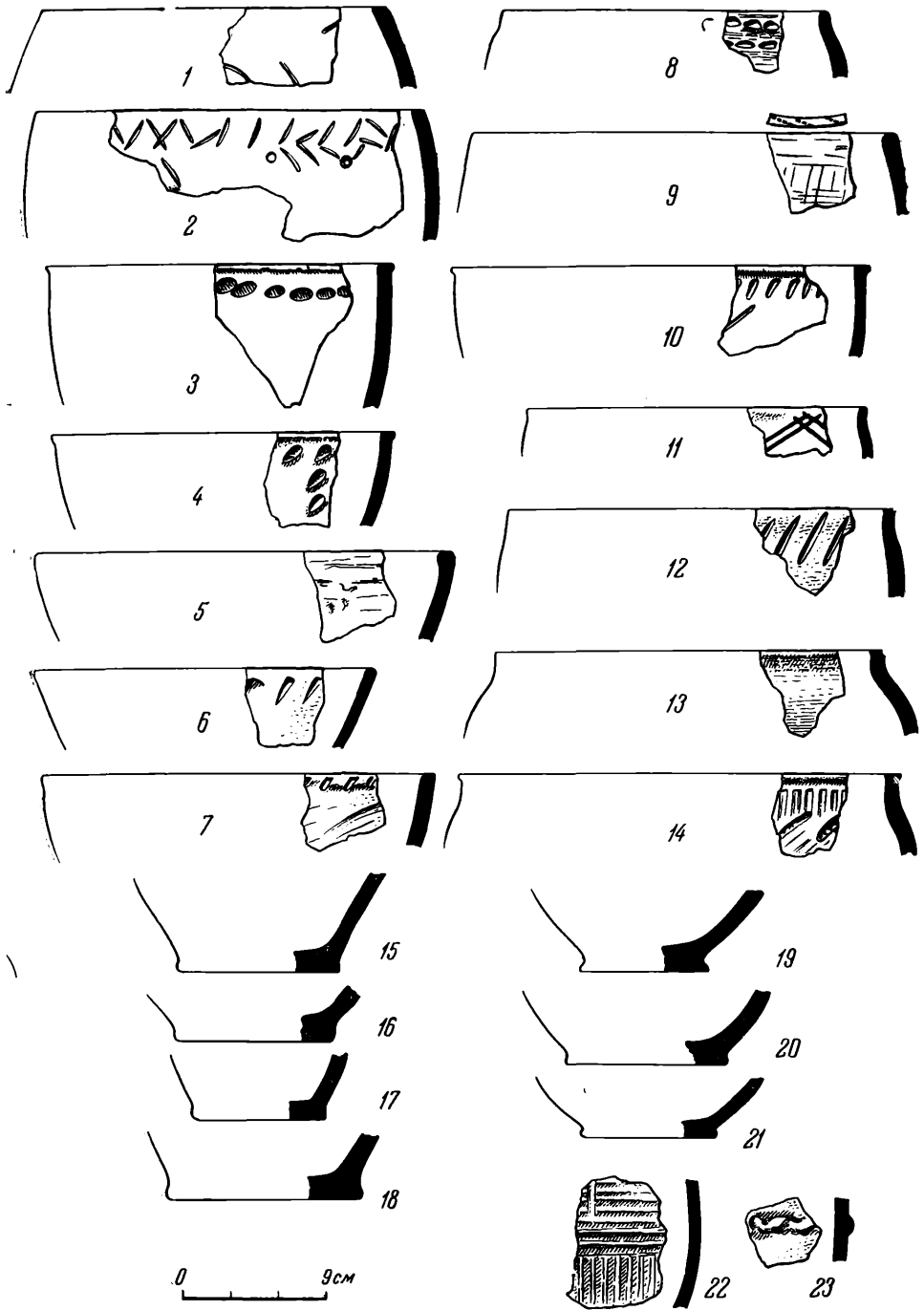

Рис. 13. Масловское поселение. Керамика из 1-го штыка

В верхних штыках культурного слоя продолжают встречаться горшки, имеющие невысокий с прямым верхним срезом венчик и довольно пухлое тулово (рис. 12, 15—17; рис. 13, 13—14). Всего лишь одним фрагментом здесь представлен колоколовидный горшок (рис. 12, 22), которых довольно много в нижней части культурного слоя. Можно ожидать, что эта форма для верхней части культурного слоя нехарактерна. То же следует сказать и о некоторых других типах сосудов, распространенных в нижних штыках, прежде всего об острореберных горшках и сосудах, напоминающих катакомбные.

В то же время в верхних штыках культурного слоя появляются две новые формы сосудов. Одни из них имеют прямой почти не отделенный от тулова венчик и массивное тулово (рис. 12, 23, рис. 13, 11, 12). Сосуды эти украшены косыми насечками или прочерченными линиями, образующими треугольники. Другие сосуды, которых нет в нижней части культурного слоя, имеют довольно позднюю форму (рис. 13, 19—21).

Определенным своеобразием по форме отличается и один фрагмент от сосуда, имеющего невысокий округлый отогнутый наружу венчик и пухлое тулово (рис. 12, 18). По внешней поверхности он украшен косыми насечками.

При характеристике орнамента керамики первого-второго штыков следует обратить внимание на следующее: здесь почти совершенно исчезает орнаментация веревочкой и мелкозубчатым штампом (рис. 12, 29, 33), которых вообще нет в первом штыке. Сам характер орнамента, особенно в первом штыке, в значительной степени упрощается. Появляется уже так называемый трубчатый орнамент, который характерен для более позднего времени (рис. 12, 31). Но в то же время следует отметить, что здесь, правда на одном фрагменте, представлен ранний орнамент вертикальной елочкой с прочерченным стволом (рис. 12, 32) и орнамент из прочерченных линий, образующих валики, расположенных вертикально и горизонтально (рис. 13, 22), орнаментация наклепными валиками, украшенных защипами (рис. 13, 23). Эти способы орнаментации появляются на рассматриваемой территории в более раннее время. Причем днища сосудов верхней части культурного слоя имеют известные отличия от более ранних (рис. 12, 28—31; рис. 13, 28—31).

Все изложенные соображения по керамике первого-второго штыков культурного слоя Масловского поселения позволяют отнести эту керамику к более позднему времени, чем керамику нижней части культурного слоя. Но хронологического разрыва в жизни на этом поселении не было. Поэтому выявление специфики верхней и нижней частей культурного слоя поселения характеризует лишь этапы существования памятника.

Исходя из анализа керамического материала первого-второго штыков Масловского поселения, нам представляется возможным сделать и вывод о том, что в последний период жизни на население Масловского поселения значительное влияние оказывают срубные племена Поволжья. Именно этим, на наш взгляд, объясняется и постепенное исчезновение катакомбного и абашевского элементов в керамическом материале верхней части культурного слоя.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

НОВЫЕ НАХОДКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ
НА ТИЛИГУЛЬСКОМ ЛИМАНЕ

Археологическое изучение берегов Тилигульского лимана началось фактически только в послевоенные годы. Лиман, расположенный на границе Одесской и Николаевской областей, в древности соединялся с морем. В него впадает периодически пересыхающая р. Тилигул, которая некогда была полноводной и служила своего рода магистралью, соединяющей области лесостепи со степной зоной. Из районов устья лимана происходит известный Коблевский клад¹, а на противоположном, правом, берегу во время работ на Кошарском городище, возможно, месте древнего Одесса (Ордесса), были открыты погребения эпохи бронзы². Первое сплошное разведочное обследование берегов Тилигульского лимана от устья до с. Калиновка (бывш. Поповка) привело к обнаружению следов двух поселений доскифского времени³ и захоронения, сопровождаемого стелой киммерийского типа⁴. Работы Н. Н. Погребовой и Л. В. Кондрацкого увеличили число памятников эпохи бронзы на левом берегу лимана⁵; разведки Э. Ф. Патоковой вдоль берегов реки показали, как широко распространены памятники этого времени на участке от с. Ананьева до с. Березовки в устье лимана⁶.

Наши находки, относящиеся к бронзовой эпохе, сделаны во время поисков могильников, принадлежащих местным сельским поселениям позднеримского времени. Тилигульской экспедицией ИА АН СССР в 1962 г., близ с. Ранжевого Коминтерновского района Одесской области, на правом берегу лимана, на плато, было замечено большое зольное пятно диаметром около 4 м, оставшееся от распаханного кургана. В пределах пятна собраны обломки лепного сосуда баночной формы (рис. 14, 1), сделанного из глины желтовато-серого цвета с примесью песка, поверхность шероховатая. В юго-восточном углу заложенного здесь шурфа, у самой поверхности, были найдены обломки смещенных длинных костей человека.

¹ О. Н. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 137, 148, рис. 32.

² Э. А. Симонович. Раскопки могил возле с. Кошары на Тилигульском лимане. МАСП, вып. 4, Одесса, 1962, стр. 176—180.

³ Э. А. Симонович. О некоторых типах поселений первых веков нашей эры в Северном Причерноморье. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 132.

⁴ Э. А. Симонович. Погребение киммерийского времени на Тилигульском лимане. КСИА АН УССР, вып. 3, 1954, стр. 81—85.

⁵ Н. Н. Погребова и Л. В. Кондрацкий. Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской области. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 74—84; Н. Н. Погребова. Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1958 г. КСИА, вып. 83, 1961, стр. 110—114.

⁶ Е. Ф. Патокова. Археологічні пам'ятки долини р. Тилигул. МАПП, вып. III. Одесса, 1959, стр. 184—190; И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, вып. I, 1951, стр. 52—56.

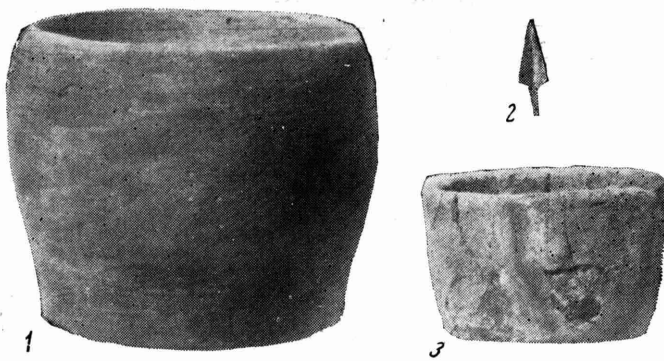

Рис. 14. С. Ранжевое. Находки изделий из глины (1, 3) и железа (2)

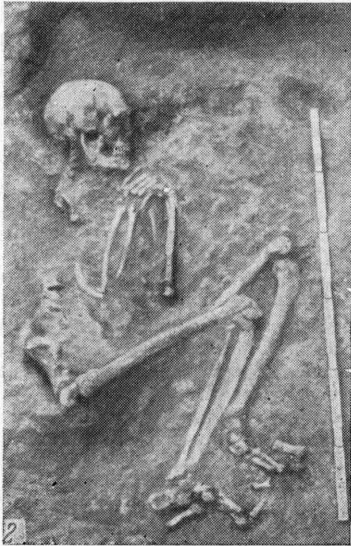
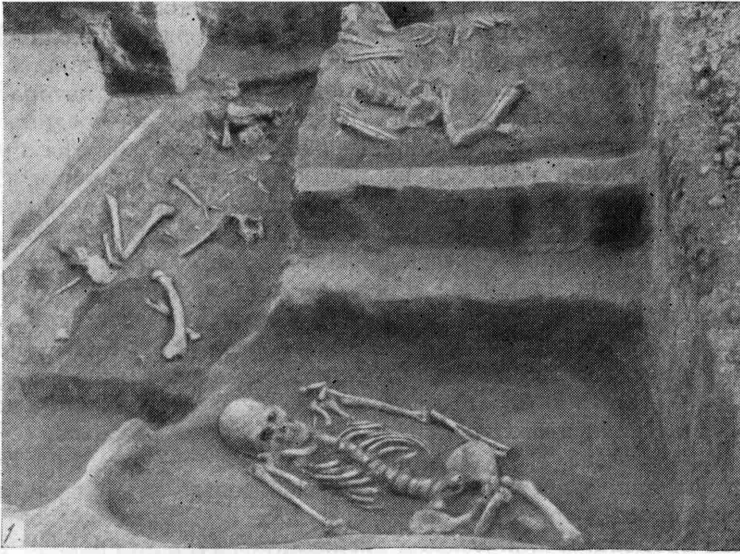

Рис. 15. С. Ранжевое. Вид раскопа распаханного кургана (1); погребение 4 (2)

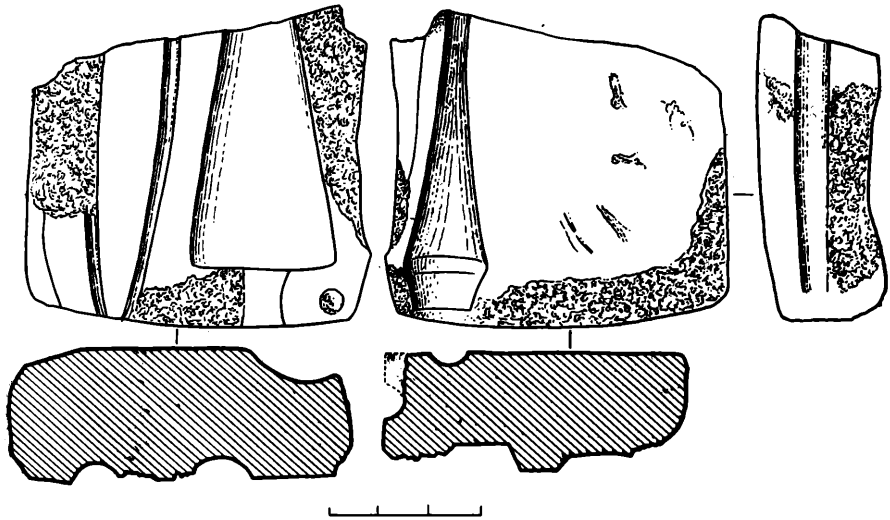

Рис. 16. С. Ранжевое. Обломок литейной формы

В шурфе размером 3×3 м обнаружены четыре погребения (рис. 15, 1). Три из них эпохи бронзы (2—4) и одно, сильно разрушенное, сарматского времени (1). Погребение 1 обнаружено на глубине 0,85 м. В неправильно-овальной поврежденной позднейшим перекопом яме, ориентированной север — юг, лежали разрозненные человеческие кости. Их сопровождали находки сарматского времени (рис. 14, 2).

Погребение 2 обнаружено на глубине 0,85 м. В яме прямоугольной формы, ориентированной запад — восток, лежал скелет пожилого мужчины. Юго-восточный угол ямы срезан могилкой 1. Кости ног потревожены. Скелет ориентирован головой на юго-восток — восток, лежал на спине с вытянутыми руками и скорченными ногами, колени которых возвышались. Некоторые кости местами окрашены в красный цвет. Инвентаря не было.

Погребение 3 обнаружено на глубине 0,45 м. В могилу положены двое — женщина и ребенок. Скелет женщины отчасти разрушен могильной ямой погребения 1, при копке которой был уничтожен череп, кости ног также оказались потревоженными. Скелет ориентирован головой на юго-восток — восток; положение костяка на спине с вытянутой правой и согнутой и положенной на грудь левой рукой. Левая нога, а может быть и правая, была согнута в колене. Скелет ребенка лет 5—6 ориентирован так же, как и скелет женщины, положен на левый бок, руки чуть согнуты, кисть правой руки смещена, первоначально, по-видимому, была положена на грудь. Ноги согнуты в коленях. Инвентаря не было.

Погребение 4 обнаружено на глубине 0,90 м. Оно находилось под погребением 3. Могильная яма не прослеживалась. Скелет мужчины нарушен ямой погребения 1, ориентирован головой на юг, на левом боку, с согнутыми руками, кисти которых находились возле лица. Ноги довольно сильно скорчены. Кости местами были окрашены в красный цвет (рис. 15, 2). Возле лобных костей стоял маленький лепной сосуд серого цвета с конически расширяющимися стенками. Глина с песком, поверхность шероховатая (рис. 14, 3).

Особенности обряда погребения и сосуда эпохи бронзы из захоронений, в частности из погребения 4, позволяют отнести их к срубному времени⁷.

⁷ Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 109, рис. 38, 11. Зольное пятно на месте кургана возле с. Ранжевое может быть объяс-

Обычай хоронить ребенка вместе с матерью прослеживается как остаточное явление и на поздних стадиях эпохи бронзы⁸.

При раскопках в 1963 г. селища позднеримского времени у с. Ранжевого, среди развала камней в прибрежной части раскопа, был найден обломок литейной каменной формы (рис. 16). На одной из сторон фрагмента каменной литейной формы были углубления для отливки предмета типа ножа или копья, а рядом — углубление трапециевидной формы для отливки топорика. На обратной стороне находилось округлое в сечении углубление для отливки какого-то втульчатого предмета. На одной из узких сторон — след продольного желобка. Нам не удалось найти прямых аналогий этой литейной форме, но она, на наш взгляд, наиболее близка находкам литейных форм из с. Деревянного в Среднем Приднепровье⁹. Находки возле с. Ранжевого курганных погребений эпохи бронзы и литейной формы дополняют сведения о памятниках бронзового века на малоизученных берегах Тилигульского лимана.

нено упомянутым для срубной эпохи обычаем очищать огнем место, на котором сооружался курган (стр. 105) (Е. В. Пузаков. О периодизации памятников племен эпохи бронзы в бассейне Верхнего Донца. МАСП, вып. 4. Одесса, 1962, стр. 194—202, рис. 1, 15).

⁸ М. И. Артамонов. Совместные погребения в курганах со скорченными и окращенными костями. ПИДО, 7—8, 1934, стр. 112.

⁹ А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 107, рис. 72.

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

НОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ СРУБНОГО ТИПА В ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

Первые систематические работы по изучению памятников скотоводческого и кочевого населения на территории Туркмении, проведенные в 1962—1963 гг., дали интересные результаты. Особенно важно обнаружение курганов позднего периода эпохи бронзы у северных склонов Больших Балхан. Общая характеристика их уже была дана ранее, причем указывалось, что обряд погребения и основные особенности керамики позволяют говорить о сходстве соответствующей группы населения Восточного Прикаспия с племенами срубной культуры¹.

В 1964 г. исследования производились и в западной части подгорной полосы Копет-Дага. Здесь наряду с памятниками, по-видимому, относящимися к античному времени, были раскопаны также три погребения, весьма близкие к ранее открытым у Больших Балхан. Все они обнаружены в могильниках, концентрирующихся вблизи от Парау и расположенных недалеко от подножий гор, на сравнительно большом удалении от края песков.

Первое из них раскопано в небольшом могильнике, находящемся в местности Газылгы-Кум между станциями Искандер и Парау. Это самый крупный из имеющихся здесь курганов (4), с каменно-земляной насыпью диаметром около 10 м и высотой около 1 м (рис. 17). Сооружен он из сравнительно больших камней, которые, очевидно, были доставлены сюда из предгорий Копет-Дага. В расположении камней никакой системы не прослеживалось, хотя следует отметить концентрацию наиболее крупных из них, преимущественно на краях; но поскольку они не образуют здесь замкнутого сколько-нибудь правильного кольца и подстилаются более мелкими, предполагать наличие ограды не приходится.

Под средней частью насыпи располагалась сравнительно небольшая яма неправильной, но приближающейся к овалу формы, имевшая размеры 150 × 85 см и глубину 40 см. Вытянута она была с юго-юго-запада на северо-северо-восток. Вокруг нее прослеживалось неправильное по форме «обрамление» из очень больших камней. Перекрыта яма также камнями крупных размеров и вытянутой формы, располагавшимися поперек нее; но большинство их осело внутрь, вследствие чего система кладки не смогла быть выяснена с достаточной уверенностью. Судя по отдельным наблюдениям, здесь был лишь один ряд камней и отсутствовало какое-либо сооружение над могилой.

На дне ямы обнаружен сожженный скелет в скорченном положении, на левом боку, ориентированный головой на восток. Обе ноги сильно согнуты в коленях; правая рука почти вытянута вдоль туловища, и кисть ее нахо-

¹ А. М. Мандельштам. Погребения срубного типа в Южной Туркмении. КСИА, вып. 108, 1966.

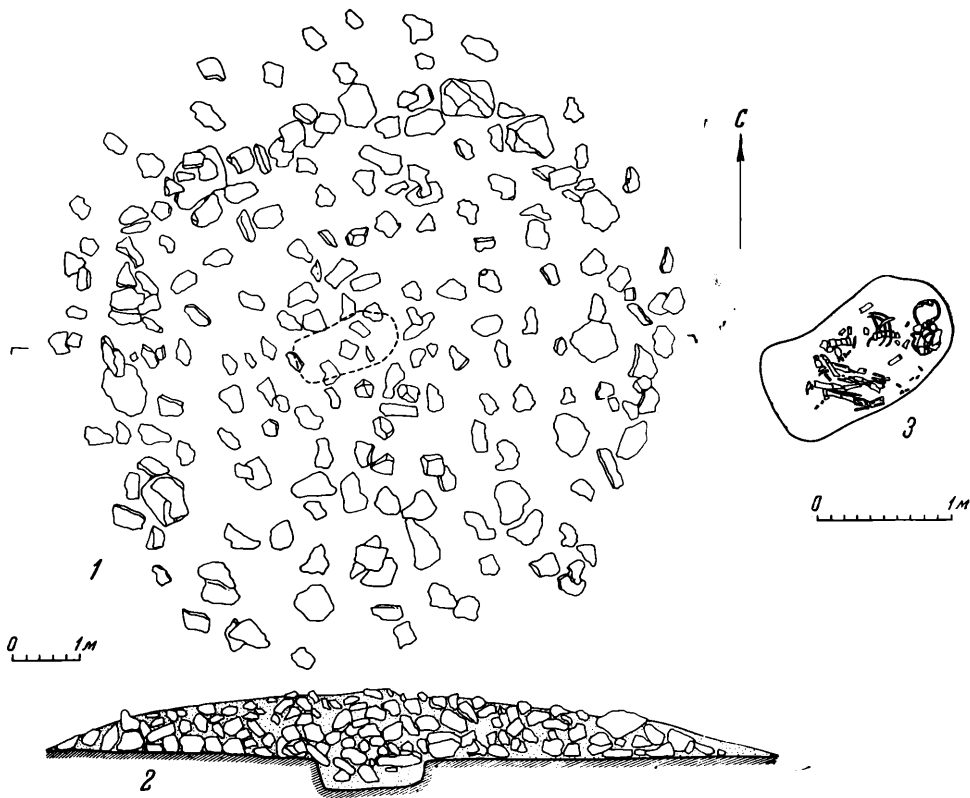

Рис. 17. Могильник Газылыг-Кум, курган № 4

дилась в области таза, левая согнута, и кисть ее помещалась вблизи от черепа. Недалеко от южной стенки за черепом стояла лепная глиняная миска, украшенная пояском зигзагообразного орнамента (рис. 18, 1).

Дно и стенки ямы имели отчетливые следы воздействия огня; это, а также анатомически правильное расположение отдельных частей скелета свидетельствуют, что здесь было произведено сожжение тела умершего непосредственно в могиле. Однако это сожжение носило неполный характер, поскольку кости кальцинированы лишь в ограниченной степени. Череп оказался хорошей сохранности и взят для дальнейшего изучения.

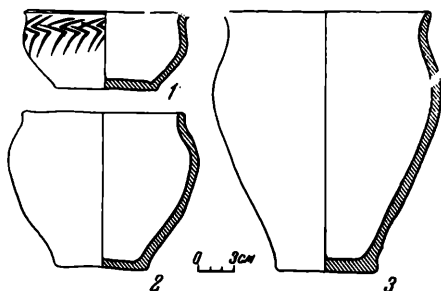

Рис. 18. Керамика из погребений позднего периода эпохи бронзы:

- 1 — из кургана № 4 могильника Газылыг-Кум;
- 2 — из кургана № 1 могильника Парау II; 3 — из кургана № 1 могильника Парау I

Второе погребение обнаружено в могильнике Парау I, расположенном западнее селения, носящего это название. Здесь нет компактного расположения курганов: они разбросаны без какой-либо видимой системы в пределах сравнительно большой площади, на значительном расстоянии друг

от друга. Единственная закономерность — это тяготение к краям узких протоков и промоин, тянущихся с гор.

Курган 1 имел частично разрушенную каменную насыпь диаметром около 4 м и высотой до 25 см. Форма ее нечеткая, овальная.

Крупные камни заметно концентрируются по периферии по овалу, вытянутому с юго-запада на северо-восток. Хотя в южной половине часть их несомненно смещена, указанная особенность может служить некоторым основанием для предположения, что здесь имелось какое-то сооружение типа ограды.

Под средней частью насыпи располагалась овальная яма размером 130 × 80 см и глубиной 40 см, вытянутая с юго-запада на северо-восток. Признаков перекрытия ее не прослеживалось, хотя не исключена возможность, что оно было деревянным и полностью истлело. Заполнение ямы состояло главным образом из камней, очевидно, осевшей части насыпи. На дне лежал сильно истлевший скелет в скорченном положении на левом боку головой на северо-восток. Ноги согнуты в коленях, причем так, что бедренные кости располагались перпендикулярно к позвоночнику, а пятки находились недалеко от таза. Обе руки согнуты в локтях, и кисти их находились вблизи лицевой части черепа. Около локтей лежал сильно раздавленный горшок сравнительно больших размеров (рис. 19, 3).

Третье погребение исследовано в могильнике Парау II, находящемся восточнее селения, у подножий холмов. Насыпь кургана 1 имела округлую форму при диаметре около 5 м и высоте до 30 см. Расчистка показала, что это частично разрушенное сооружение своеобразной конструкции: здесь вполне четко выделены два кольца. Одно, наружное, диаметром около 4 м состояло из поставленных на ребро камней, другое, внутреннее, диаметром около 2 м — из уложенных плашмя камней. Очевидно, это остатки довольно сложной ограды (рис. 19).

Внутреннее кольцо окружало овальную яму размером 125 × 95 см и глубиной 25 см, вытянутую с запада на восток. Признаков перекрытия здесь также не было выявлено. Заполнение ямы состояло почти исключительно из песка и щебня; но над ним лежал слой мелких камней, возможно, сползших с кольца². На дне ямы обнаружен сильно истлевший и потревоженный грызунами скелет, лежавший в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Ноги согнуты в коленях, и бедренные кости, видимо, располагались перпендикулярно к позвоночнику. Руки, судя по положению обломков соответствующих костей, были согнуты в локтях, однако местонахождение кистей недостаточно ясно. Перед лицевой частью черепа лежал небольшой глиняный горшок (рис. 18, 2).

Во всех трех открытых погребениях, как это явствует из описаний, отчетливо наблюдается сходство обряда погребения, которое проявляется прежде всего в одинаковом положении скелетов и единообразной ориентировке их. Кроме того, близкой является также найденная в них керамика, несомненно, относящаяся к одной категории, характерной для степных культур. Все это позволяет, с одной стороны, считать их относящимися к одному и тому же времени, а с другой — сопоставить с погребениями, известными у Больших Балхан. Время может быть достаточно определенно установлено на основании форм сосудов — это поздний период эпохи бронзы. Сочетание специфической керамики с устойчиво повторяющимся положением скелетов на левом боку позволяет и здесь видеть черты сходства со срубной культурой. В то же время восточная ориентировка свидетельствует о большой близости к памятникам, исследованным у Больших Балхан.

² Если в предшествующем кургане можно предположить наличие перекрытия, то здесь характер заполнения ямы как будто говорит против такого предположения.

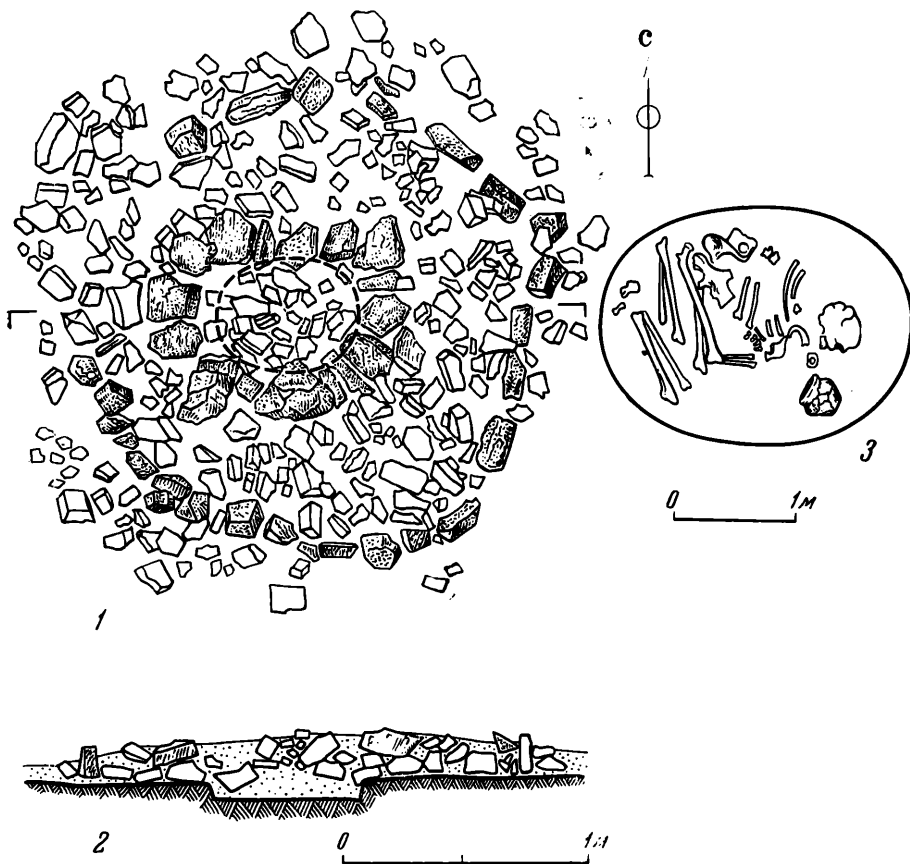

Рис. 19. Могильник Парау II, курган № 1

Погребение по обряду трупосожжения, засвидетельствованное в кургане 4 могильника Газылгы-Кум,— новое и весьма интересное явление. Погребения по такому обряду немногочисленны в Средней Азии, но все же известны не только в северных, но и в южных областях: в Бабашовском могильнике (Западная Туркмения) и раннем Тулхарском могильнике (Южный Таджикистан). Однако в них отмечено только внемогильное трупосожжение. В могильнике Газылгы-Кум открыто первое в Средней Азии погребение с сожжением, произведенным непосредственно в могиле. При этом заслуживает внимания тот факт, что скелет имеет скорченное положение, что указывает на существование какой-то связи между двумя обрядами — труположения и трупосожжения — и говорит против полного их противопоставления.

Рассматриваемое погребение имеет также еще одну особенность, на которой следует остановиться. В могиле отсутствуют зола и угли, т. е. вещественные свидетельства использования топлива. Но огонь здесь, несомненно, горел: это вполне очевидно не только из состояния костей, но также ввиду прокаленности дна и интенсивной закопченности стенок. Возможно, тут использовалось какое-то иное топливо, можно предполагать, нефть, не дающая при сгорании никаких заметных остатков.

Также новой по сравнению с ранее известной является конструкция наземного сооружения, представленная в могильниках Парау I и II: если у Больших Балхан имеются лишь каменные насыпи, то здесь — своеобразные ограды. При единстве обряда погребения эта разница выступает в качестве локальных отличий, может быть, как-то связанных с принадлеж-

ностью к разным племенам, однако относящимся к одной родственной группе. Эти предположения основаны на очень ограниченных фактических данных, которые, естественно, требуют проверки на новых материалах. Более важным является то, что вновь открытые погребения при всей их немногочисленности представляют собой по сути дела первое бесспорное свидетельство реального проникновения каких-то групп скотоводческих племен непосредственно в зону господства раннеземледельческих культур. Учитывая известные у Больших Балхан курганы, это проникновение, во всяком случае частично, следует связывать с передвижениями, происходившими с территории Восточного Прикаспия. Мы имеем сейчас лишь два района, памятники которых документируют это передвижение, но есть достаточные основания полагать, что дальнейшие исследования позволят воссоздать картину в более полном виде.

Новые открытия еще раз говорят о том, что в событиях, происходивших в поздний период эпохи бронзы на территории южных областей Средней Азии, значительную роль играли племена, родственные носителям срубной культуры. Контакт между ними и местным населением Южной Туркмении явствует из того, что исследованные около Парау погребения находятся у самых границ небольшого древнего оазиса, уже сравнительно рано освоенного земледельцами. Появление племен, родственных носителям срубной культуры, в подгорной полосе Копет-Дага, очевидно, составляет одну из особенностей периода так называемой варварской оккупации, характеризующегося значительными изменениями в разных сферах жизни местных обществ. Близость изученных погребений к срубной культуре важно учитывать при рассмотрении передвижений индо-иранских племен и путей распространения в Средней Азии и соседних странах иранской речи.

Г. И. СМЕРНОВА

МОГИЛЬНИК КУЛЬТУРЫ НОА
У С. СТАРЫЕ БЕДРАЖИ В МОЛДАВИИ¹

В 1965 г. были закончены раскопки грунтового могильника у с. Старые Бедражи Единецкого района Молдавской ССР. Могильник находится на левом высоком берегу р. Прут, на восточном склоне каменистого холма, выходящего западным краем к реке. Первые погребения обнаружены случайно жителями села при рытье ям для обжига извести. В 1960 г. научный сотрудник Института истории Молдавской Академии наук Н. А. Кетрату заложил в нескольких местах разведочные шурфы, где обнаружил остатки трех погребений. В 1964—1965 гг.² стационарные раскопки этого памятника были проведены экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством автора настоящей статьи. На вскрытой площади в 660 м² обнаружено 54 погребения, совершенных по обряду труположения (рис. 20). Основная масса погребений находилась в слое светло-желтого суглинка на большой глубине (1—1,6 м от уровня дневной поверхности); погребения, располагавшиеся на глубине 0,80—1 м, в слое чернозема, перекрывавшем суглинок, составляют незначительный процент. Независимо от уровня залегания следы могильных ям не прослеживались. Правда, на основании таких косвенных данных, как расстояние от дна могилы до верхнего уровня камней, покрывавших в ряде случаев захоронения, можно полагать, что глубина ям была небольшой и колебалась от 30 до 50 см.

Засыпка погребений камнями или каменные оградки встречены в восьми захоронениях³. Имеются различные варианты каменных покрытий: чаще всего камни беспорядочно набрасывались в могилу над ногами умершего, в двух случаях камни выложены в виде прямоугольника, а погребение 16 было покрыто большой плоской плитой. Любопытно, что большинство могил с каменной засыпкой находилось в западной части могильника. Погребения располагались на различных расстояниях друг от друга, в основном расстояния колеблются от 2 до 3 м, но встречаются и более близкие — 1—1,5 м. Имеются также факты частичного перекрывания одних погребений другими⁴, или разрушения и сдвиги костей скелета при последующих захоронениях⁵ (рис. 20).

Основная масса погребений представлена одиночными захоронениями. Парные захоронения (взрослого с ребенком или двух подростков) встре-

¹ Доклад, прочитанный на заседании сектора Средней Азии ЛОИА 28 января 1966 г.

² Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность Н. А. Кетрату за разрешение проводить исследования этого памятника.

³ Погребения 16, 20, 21, 42, 43, 45, 48, 52.

⁴ Погребения 7 и 9.

⁵ Погребения 11, 27, 30, 31.

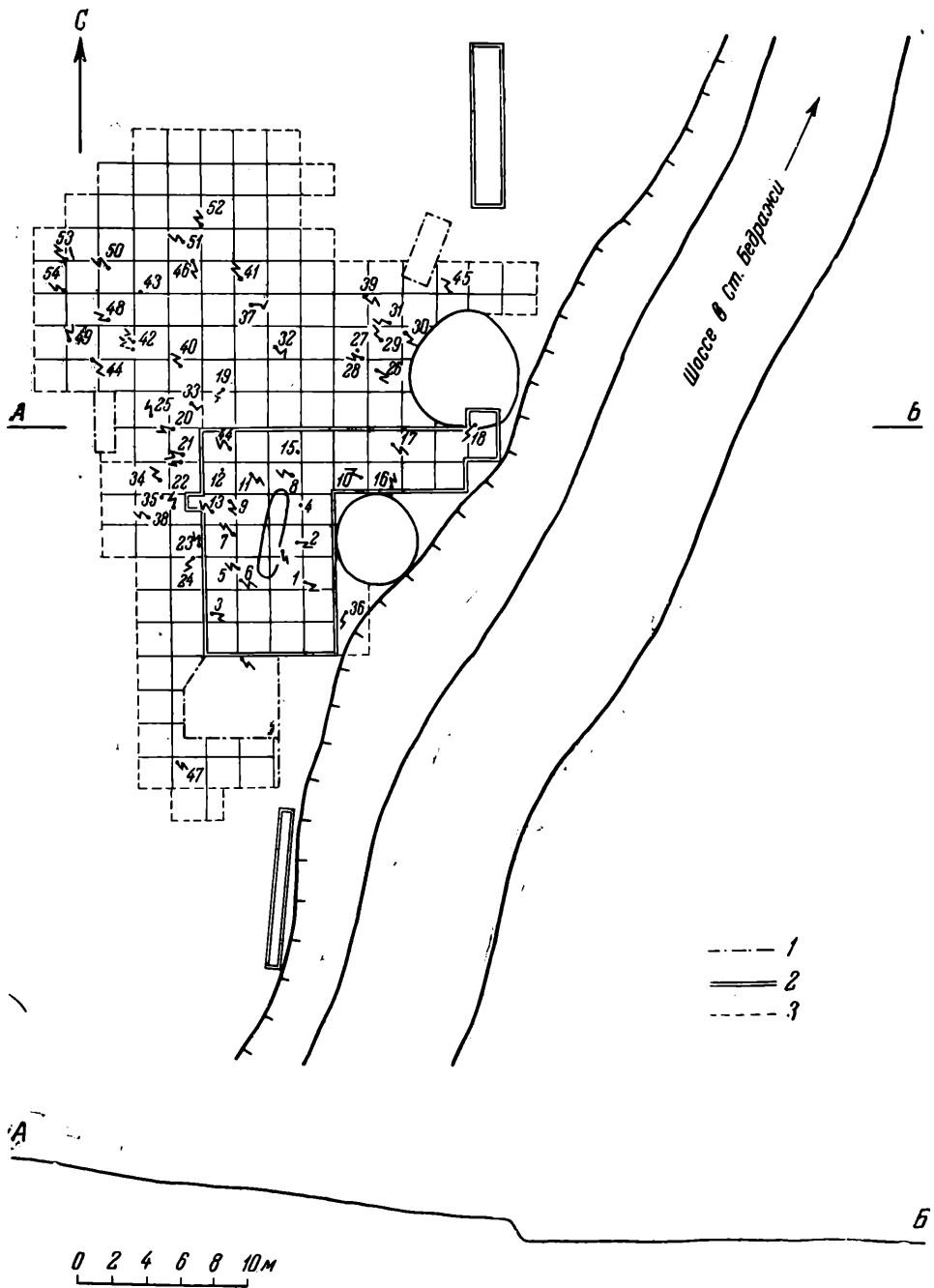

Рис. 20. Старые Бедражки. План могильника. Раскопки 1964—1965 гг.

1 — шурфы 1960 г.; 2 — раскопы 1964 г.; 3 — раскопы 1965 г.

ны в трех случаях⁶. Следует также обратить внимание на большой процент детских погребений, сохранившихся очень плохо⁷.

Общей чертой погребального обряда исследованного могильника является захоронение умерших в скорченном положении на правом или левом боку. Кисти согнутых в локтях рук находятся, как правило, перед лицом, а изредка — под головой. Ориентировка покойников неустойчива, при этом отсутствует какая-либо зависимость ее от положения костяка на правом или левом боку. Из 50 непотревоженных погребений 23 было ориентировано головой на юго-восток либо восток и реже юг (пять погребений); 15 скелетов лежало головой на северо-запад либо запад, остальные — север — северо-восток.

Характерной особенностью исследованного могильника является также наличие красной охры в большинстве взрослых погребений. Степень окрашенности костей различная, в основном слабая. Следы краски отмечены на некоторых сосудах.

Почти при всех захоронениях найдены глиняные сосуды. Другого инвентаря в могилах не оказалось. И только в одном из погребений (50) обнаружены следы жертвенного мяса в виде лопатки и части ребер животного. Количество сопровождавших умершего сосудов колеблется от одного до трех, притом чаще всего ставили один или два сосуда. Интересны также случаи помещения в могилу чаш и черпаков с утраченными ручками, а баночных горшков со следами починки. В большинстве могил сосуды стояли перед лицом погребенного либо немного ниже перед грудью и реже за головой.

Наиболее распространенным видом погребальной посуды являются чаши с двумя ручками. Все они сделаны из хорошо промешанной глины с примесью мелкого песка. Цвет сосудов в основном темно-серый, поверхность слегка лощеная. Чаши, округлые или биконические в профиль, различаются друг от друга величиной и характером оформления ручек. У одних ручки петьчатые, гладкие, у других имеются выступы в виде приплюснутого цилиндра, выступы третьих оформлены в виде гребешка (рис. 21, 2, 3; рис. 22, 2). Орнаментация на чашах, как и на прочей столовой керамике, встречается очень редко. Только две чаши были украшены по шейке рядами горизонтальных прочерченных линий (рис. 22, 2). Среди этого вида керамики особое место принадлежит небольшой двуручной чаше из погребения 47 (рис. 22, 1). От вышеописанных сосудов она отличается как общим обликом, что проявляется в биконичности профиля, в характере посадки ручки, лишь слегка возвышающейся над краем венчика, так и орнаментацией. Этот сосуд украшен по шейке округлыми углублениями, расположенными в один ряд, под которым прочерчены две горизонтальные полосы. Ниже, по верхней наиболее широкой части тулова нанесены тройные ряды коротких горизонтальных линий, образующих треугольники, повернутые вершинами вниз. Прямые аналогии этой чаше дают керамические комплексы комаровских (а также костышских) памятников западной Подолии⁸ и северной Молдовы⁹, в то время как все остальные виды тонкостенной керамики исследованного могильника являются типичными для культуры Ноа¹⁰.

⁶ Погребения 31, 37 и 42.

⁷ Около $\frac{1}{3}$ всех погребений.

⁸ J. Kostrzewski. Groby eneolityczne z skurczonymi szkieletami w Białym Potoku Prz. Arch., III, 1926, str. 9—17, tabl. IV, 1, 6.

⁹ Al. Vułpe și M. Zamoșteanu. Săpăturile de la Costișa. «Materiale.», VIII, p. 309—315, fig. 4, 3; A. C. Florescu. Contribuții la cunoașterea culturii Noua. «Arheologia Moldovei», II—III, 1964, p. 168—169, fig. 17, 1—4, 6, 9, 10—12—15.

¹⁰ М. П. Петреску-Дымбовица. Конец бронзового и начало раннежелезного века в Молдове. «Dacia», IV, 1960, стр. 14, 144, рис. 3; А. И. Мелюкова. Культура предскифского периода в Молдавии. МИА, № 96, 1961, стр. 18, рис. 1—4; А. С. Florescu, fig. 1; 2, 1, 2, 4—7; 8, 1—4, 6.

Рис. 21. Старые Бедражи. Сосуды из погребений:

1 — погребение 53; 2 — погребение 25; 3 — погребение 44; 4 — погребение 41; 5 — погребение 46;
 6 — погребение 8; 7 — погребение 34; 8 — погребение 22; 9 — погребение 54

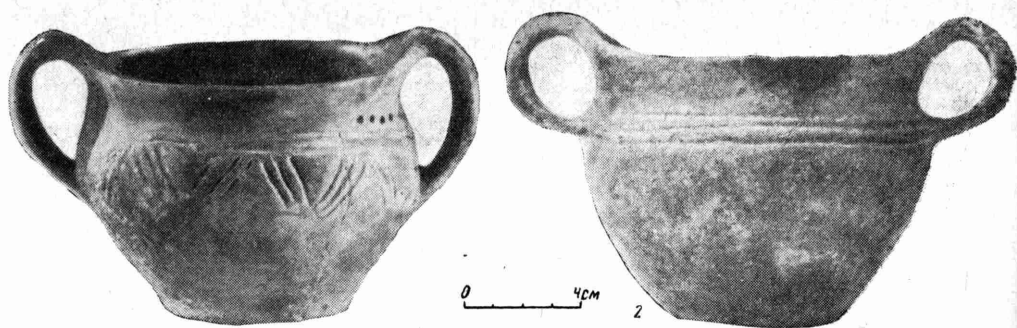

Рис. 22. Старые Бедражи. Чаши из погребений:

1 — погребение 47, 2 — погребение 2

Помимо двуручных чаш, к категории серолощенной посуды относятся черпаки и небольшие чашечки-кубки. Черпаки в основном того же профиля, что и чаши, но снабжены не двумя, а одной ручкой (рис. 21, 4). Кубки имеют округлые бока и слегка выделенную шейку. В наиболее широкой части тулова помещаются три выступа-упора с вертикальными сквозными отверстиями (рис. 21, 6).

Менее многочисленную группу посуды могильника составляют грубые сосуды, относимые обычно к категории кухонной керамики. Преимущественно это горшки баночной формы средних размеров (рис. 21, 1, 7, 9). Они сделаны из грубого теста темно-серого или черного цвета с примесью толченого пережженного кремня, наружная поверхность их имеет специальное покрытие светло-серым либо желто-красным ангобом и слегка сглажена. Орнамент состоит из гладкого или расчлененного налепного валика, преобладает при этом валик, расчлененный косыми либо вертикальными насечками. На некоторых сосудах украшения в виде валика сочетаются с наколами, размещенными под краем венчика. Один из баночных горшков снабжен небольшой петельчатой ручкой. Полные аналогии этому виду керамики также находим на поселениях и могильниках культуры Ноа¹¹.

Из керамического комплекса могильника выделяется еще одна небольшая группа грубых сосудов, представленных низкими приземистыми банками с прямыми или слегка закругленными стенками (рис. 21, 5, 8). Они изготовлены из черного теста с примесью измельченной дресвы, но не толченого кремня, как сосуды предшествующей группы. Их наружная поверхность покрыта желто-красным ангобом, но не всегда заглажена. Венчик сосудов косо или горизонтально срезан, а дно некоторых из них имеет слегка выступающий край, что, видимо, было обусловлено особенностями лепки. Одни из этих сосудов не орнаментированы, другие — украшены налепным валиком, расчлененным насечками, либо тремя небольшими выступами округлой формы (рис. 21, 5). Так же как и грубые сосуды первой группы, они не имеют четко выраженной шейки, но по характеру оформления dna и по пропорциям отличаются от них. В целом этот вид керамики по общему облику и по особенностям, перечисленным выше, больше похож на баночные горшки срубной культуры¹², чем на соответствующие керамические типы культуры Ноа. О. А. Кривцова-Гракова отмечает, что горшки

¹¹ Г. И. Смирнова. Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала Черновидкой обл. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 104, рис. 39, 7, 10, 13, 14; А. С. Florescu. Op. cit., fig. 2, 3, 8; fig. 3, 1, 2, fig. 4, 2, 3—6; fig. 5, 1—11, fig. 6—7.

¹² О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 28, 48, 124, рис. 3, 3; 10, 1, 28, 5; В. Д. Рибалова. Могильник эпохи бронзы в с. Осокорівці. АП, IX, 1960, стр. 8—13, рис. 2, 3, 5, 6, 8—11; Д. Т. Березовець, Е. Ф. Покровська, А. І. Фурманська. Кургани эпохи бронзи поблизу с. Мар'янського. АП, IX, рис. 3, 1—3.

этого вида, являясь архаической формой срубной керамики, продолжали употребляться в позднесрубных памятниках сабастиновского типа¹³.

Таким образом, в составе погребальной посуды могильника Старые Бедражи представлены три различные группы, из которых наиболее многочисленной является группа керамики культуры Ноа. Сосуды комаровского и срубного (сабастиновского) типов найдены при захоронениях, обрядом погребения, топографией и уровнем залегания не отличающихся от прочих захоронений могильника. Ими сопровождались как взрослые, так и детские скорченные погребения, ориентированные в разные стороны, окрашенные и неокрашенные охрой. Всестороннее изучение остальной керамики могильника также не позволяет говорить о каких-либо различиях погребального инвентаря в зависимости от ориентировки и глубины захоронения покойников. Одинаковые сосуды стояли при погребенных, лежавших головами в противоположные стороны и похороненных на различных глубинах. На основании этого, а также тех наблюдений, которые были сделаны в поле во время раскопок, создается впечатление, что исследованный могильник является единым памятником в рамках культуры Ноа, где нашли яркое отражение связи со срубными и камаровско-костищскими памятниками. Эти связи прослеживаются не только и столько в керамике, сколько в погребальном обряде могильника у с. Старые Бедражи.

Являясь памятником культуры Ноа, этот могильник отличается рядом особенностей от широко известных и изученных могильников той же культуры, как Трушешты в Молдове¹⁴ и Островец в Прикарпатье¹⁵. Основная масса сопровождавшей покойников посуды из Старых Бедражей по типам и формам идентична керамике из названных выше могильников, притом место ее размещения в могиле одинаково — перед лицом и реже у колен покойника. Набор посуды повсюду удивительно однообразен, в основном повторяются четыре вида керамики: черпаки, кубки, баночные горшки и двуручные чаши (при преобладании последних). Положение умерших также сходно — все они сильно скорчены, колени подтянуты к голове, кисти согнутых в локтях рук лежат перед лицом; общим является скорченное положение погребенных на правом или левом боку. Объединяет эти могильники грунтовой характер захоронений и бедность погребального инвентаря, представленного лишь керамикой и, в виде исключения, мелкими украшениями из бронзы, а иногда и из золота.

Все эти черты сходства и позволяют относить исследованный могильник к числу памятников культуры Ноа.

Вместе с этим вновь открытый памятник у с. Старые Бедражи рядом характерных особенностей погребального обряда отличается от известных ранее могильников культуры Ноа, например, окрашенность скелетов охрой. До сих пор погребения с охрой не встречались в могильниках культуры Ноа. Другой своеобразной чертой исследованного памятника является отсутствие устойчивой ориентировки. Наряду с западной и северо-западной ориентировкой, являющейся в целом господствующей для культуры Ноа¹⁶, здесь в большем количестве встречаются захоронения, положенные головой на восток или юго-восток. Следует также отметить и такую особенность погребального ритуала, как применение камня для засыпки могил

¹³ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 124.

¹⁴ M. Petrescu-Dimbovita Şantierul Valea Jijiei (Săpăturile de la Kruşeşti). SCIV, III, 1952, str. 75; Idem. SCIV, IV, 1—2, 1953, str. 2—3; Idem. SCIV, IV, 3—4, 1953, str. 456.

¹⁵ Е. А. Балагурі. Могильник культуры Ноа на Станіславщині. Археологія, XIII, 1961, стр. 145; Idem. История племен позднебронзового периода в Среднем Поднестровье (культура Ноа). Киев, 1964, стр. 7. Автореф. канд. дисс.

¹⁶ M. Petrescu-Dîmboviţa, A. C. Florescu şi M. Florescu. Şantierul arheologic Truşeşti Materiale..., VIII, 1962, рис. 1. Е. А. Балагурі. Могильник культуры Ноа... стр. 145—147, рис. 1; Он же. История племен позднебронзового периода, стр. 7.

или для устройства могильных сооружений. В отличие от других могильников такие захоронения в с. Старые Бедражи составляют значительный процент (восемь погребений из 54), а в Островецком могильнике, например, всего три погребения с каменной обкладкой из 183¹⁷, в то время как в Трушешты и других могильниках культуры Ноа в Румынии камень вообще не встречался.

Перечисленные особенности погребального обряда вместе с архаичными формами керамики комаровского типа из этого же могильника свидетельствуют, на наш взгляд, о хронологической разнице сопоставляемых памятников. Иные объяснения существующим различиям между ними найти трудно, так как все вышеназванные могильники, в том числе и Старые Бедражи, находятся в радиусе 100—200 км друг от друга, в северной зоне распространения культуры Ноа, в пределах которой локальность не могла играть большой роли. Исследователи, например, отмечают, что культура Ноа на всей занимаемой ею территории отличается исключительным единством и что западные памятники этой культуры в Румынии почти тождественны памятникам Молдавии и Западной Украины¹⁸. Из числа известных и близких между собой могильников культуры Ноа выделяется могильник Старые Бедражи, судя по ряду признаков, более ранний среди них. На ранний возраст могильника указывает находка сосуда архаичного облика, которые широко бытовали на этой территории в период, предшествующий появлению памятников культуры Ноа. Об этом же говорят некоторые своеобразные черты погребального ритуала, в частности массовая окрашенность захоронений в нем.

В Румынии погребения с охрой распространены были довольно широко в конце энеолита и в эпоху ранней бронзы, при этом появление их связывают с продвижением сюда племен ямной культуры из Северного Причерноморья¹⁹. В более близкое к рассматриваемому нами время в этой зоне известны пока немногочисленные захоронения с охрой, которые Н. Я. Мерперт, суммировавший памятники такого рода в Балкано-Дунайской области, сопоставляет «с погребениями раннего или развитого этапа срубной культурно-исторической области», особенно ее западного варианта, выделяемого в сабатиновскую группу²⁰. Таким образом, окрашенные захоронения, встречаемые в Карпато-Подунавье, независимо от их возраста относятся исследователями к числу памятников не местного происхождения, а их появление обычно связывают с продвижением отдельных племенных групп из степей Северного Причерноморья. Вместе с этим в автохтонных культурах средней бронзы Карпато-Подунавья (Монтеору и Белый Поток — Костиша), которые многими учеными рассматриваются ныне в качестве основных слагающих компонентов культуры Ноа²¹, мы не встречаемся с обычаем окрашивать умерших. Интересно, что следы красной краски отсутствуют даже на погребениях в могильнике у с. Балинтешты, который принято считать памятником переходного типа от культуры Монтеору к Ноа²².

Из всего сказанного выше вытекает, что обычай посыпать умерших красной краской, нашедший яркое выражение в могильнике Старые Бедражи, нельзя вывести из погребального ритуала местных культур средне-

¹⁷ Э. А. Балагури. История племен позднебронзового периода..., стр. 7.

¹⁸ Там же, стр. 15; А. С. Florescu. *Op. cit.*, str. 204.

А. С. Florescu. *Op. cit.*, str. 240.

¹⁹ В. Зирра. Культура погребений с охрой в закарпатских областях РНР. «Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР». Кишинев, 1961, стр. 114, 115; Н. Я. Мерперт. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке. КСИА, вып. 105, 1965, стр. 15—18.

²⁰ Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 19, 20.

²¹ А. С. Florescu. *Op. cit.*, стр. 204—206; Э. А. Балагури. История племен позднебронзового периода..., стр. 14, 15; E. Zahariá. Das Gräberfeld von Balintesti-Cioinagi und einige Fragen der Bronzezeit in der Moldau. «Dacia», VII, 1963, S. 153—176.

²² E. Zahariá. *Op. cit.*, p. 139—156 и f.

бронзового века Восточной Румынии и Западной Украины. По всей вероятности, эта своеобразная черта погребального обряда появилась в северных районах лесостепной Молдавии, где находится исследованный могильник, под воздействием срубной культуры степей Северо-Западного Причерноморья.

В науке принято считать, что погребения с охрой в срубной культуре встречаются редко, при этом в позднесрубных погребениях (хвалынский этап) они уже отсутствуют вовсе²³. Насколько эта схема изменений погребального обряда срубной культуры, разработанная на материалах Поволжья, применима для западного (сабастиновско-белозерского) варианта этой культуры, сказать трудно. Не исключено, что в западных районах распространения срубной культуры обряд окрашивания сохраняется значительно дольше, чем на основной территории ее существования. Во всяком случае, в недавно открытом могильнике в Калфе на юге Молдавии, где наряду с раннесрубными формами сосудов найден кубок скорее белозерского, чем сабастиновского, типа, как думает Г. Ф. Чеботаренко, обнаружены окрашенные охрой погребения²⁴. Из двух впускных погребений Выхватинского могильника в Молдавии, которые Т. М. Пассек относит ко времени срубной культуры, одно было густо засыпано краской²⁵.

Кстати, по ряду других признаков могильник Старые Бедражи также можно сближать с этими памятниками, для которых, как и для Старых Бедражей, характерно скорченное положение умерших на правом или левом боку, неустойчивая ориентировка и применение камня для перекрытия могил²⁶. Однако каменные обкладки типичны и для белопотоцких памятников, откуда этот обычай мог перейти в культуру Ноа²⁷.

К сожалению, белопотоцкая группа комаровской культуры на западе Украины, так же как и погребальные памятники сабастиновской группы в степной части Днепро-Прутского междуречья, изучены недостаточно.

Надо надеяться, что определенную ясность в решение вопроса о характере связей культуры Ноа со степными племенами Северо-Западного Причерноморья, которые выступают в археологическом материале могильника, внесет изучение черепов из Старых Бедражей.

Взаимодействие культуры Ноа со степными, точнее сабастиновскими, памятниками до сих пор наблюдалось в существовании одинаковых типов бронзовых изделий, орудий из кости, а в пограничных со степью районах лесостепной Молдавии и в керамике²⁸. Антропологи в свою очередь отмечают наличие степного элемента в составе населения культуры Ноа²⁹. Могильник Старые Бедражи дает новые подтверждения взаимодействиям, намечаемым между этими группами племен, отражая притом глубокие и, видимо, более ранние, т. е. предсабастиновские по времени, связи со степью, проявляющиеся в данном случае в обряде погребения. Эти новые свидетельства степных влияний являются ценным материалом для изучения воп-

²³ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч. стр. 49.

²⁴ Г. Ф. Чеботаренко. Могильник эпохи бронзы у с. Калфа на Днестре. КСИА, вып. 105, 1965, стр. 101—110, рис. 24.

²⁵ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, № 84, 1961, стр. 175.

²⁶ Г. Ф. Чеботаренко. Указ. соч., стр. 101—104, рис. 22.

²⁷ J. Kostrzewski. Указ. соч., стр. 9—11, рис. 1—2; I. К. Свешников. Підсумки дослідження культур бронзової доби Прикарпаття і Західного Поділля. Львів, 1958, стр. 24.

²⁸ М. Петреску-Дымбовица. Конец бронзового и начало раннежелезного века в Молдове, стр. 153, 154; А. И. Мелюкова. Указ. соч., стр. 20—34; Э. А. Балагури. История племен позднебронзового периода..., стр. 15; I. А. Шарафутдинов. Поселения эпохи поздней бронзы поблизу Кременчука. «Археология», XVII, 1964, стр. 13—169; А. С. Florescu. Op. cit., стр. 184—208.

²⁹ Э. А. Балагури. История племен позднебронзового периода..., стр. 15; А. С. Florescu. Op. cit., стр. 175.

росов происхождения культуры Ноа и роли восточного (сабагинского) компонента в ее сложении.

В заключение несколько предварительных замечаний относительно абсолютной хронологии исследованного памятника. Могильник не дал каких-либо датирующих вещей, за исключением керамики, в основной массе подобной керамике из поселений и могильников культуры Ноа. Но учитывая находку сосуда, характерного для культуры средней бронзы, а главное — наличие в погребальном обряде могильника архаичных черт, считаем возможным относить его к числу наиболее ранних могильников культуры Ноа, что по принятой ныне хронологии³⁰ приблизительно приходится на XIII в. до н. э. К сожалению, материалы могильника не позволяют наметить последовательные фазы захоронений. Единственное погребение с сосудом комаровского типа расположено на южной периферии могильника, а применение метода горизонтальной стратиграфии пока не дало каких-либо результатов.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА Г. И. СМИРНОВОЙ

В обсуждении приняли участие профессор Ясского университета (Румыния) М. Петреску-Дымбовица, аспирант ЛОИА В. А. Сафронов и др. По мнению выступавших, материалы могильника представляют большой научный интерес, как наиболее ранние погребальные комплексы культуры Ноа. Значение исследованного Г. И. Смирновой памятника заключается еще и в том, что его материалы отражают глубокие связи культуры Ноа с памятниками степей Северо-Западного Причерноморья эпохи поздней бронзы. Добытые материалы позволят глубже подойти к вопросу о происхождении культуры Ноа и роли восточного компонента в ее сложении.

³⁰ М. Петреску-Дымбовица. Конец бронзового и начало раннежелезного века в Молдове, стр. 151, 152; Э. А. Балагури. История племен позднебронзового периода..., стр. 12—14; Он же. Про хронологічні рамки пам'яток пізньобронзової доби в с. Острівць, Івано-Франківської області. «Тези доповідей та повідомлення до XIX наукової конференції». Ужгород, 1965, стр. 43—47; А. С. Florescu. Op. cit., стр. 207; А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, № 1, стр. 68, 69.

Э. С. ШАРАФУТДИНОВА

РАСКОПКИ НА КОБЯКОВСКОМ ПОСЕЛЕНИИ
ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В 1962 г.

В 1962 г. работами Кобяковской экспедиции ЛОИА¹ были завершены раскопки на Кобяковском городище. В предшествующие годы на раскопе III, в слое эпохи поздней бронзы, были вскрыты шесть жилищ² — землянки 2, 3, 5, 6 и наземные помещения 1, 4. Специфика жилищ заключалась в том, что все они, перекрывая либо перерезая друг друга, были разновременны. Однако эта разновременность не связана с изменениями в археологическом материале, а следовательно, и в культуре. Во всех стратиграфически разновременных жилищах Кобякова, а также в заполнениях между ними и в слое, исследованном на различных участках поселения, присутствуют в большем или меньшем количестве одни и те же группы сосудов. Это позволяет нам говорить о едином культурном комплексе.

Жилище 5 — землянка. С юга она повреждена ямами (7, 9, 11) I—III вв. н. э., а ее северо-восточный угол снесен естественным обрывом, возникшим уже в наше время (рис. 23). Стены котлована вырыты в материковом суглинке. Высота их (западной и северной) 1—1,1 м (рис. 24, Б). Но сохранилась целиком в длину лишь западная стена, перерезающая землянку 3 (1961 г.)³. Северо-западный угол, в котором сохранился камень, установленный вертикально, вплотную к стене, снаружи являлся юго-восточным углом землянки 2. (1958—1960 гг.). Вероятно, стены землянки 5, как и у землянки 2, имели каменную облицовку. Жилища эти разновременны, о чем свидетельствует тонкая материковая перемычка между указанными углами. От восточной стены уцелела только нижняя материковая часть, вдоль которой возвышалась на 30 см часть основания каменной кладки (рис. 24, Б). Камни кладки положены плашмя, кладка однорядная, сухая и по своей структуре отличается от облицовки землянки 2, но сближается с каменной стеной землянки 3.

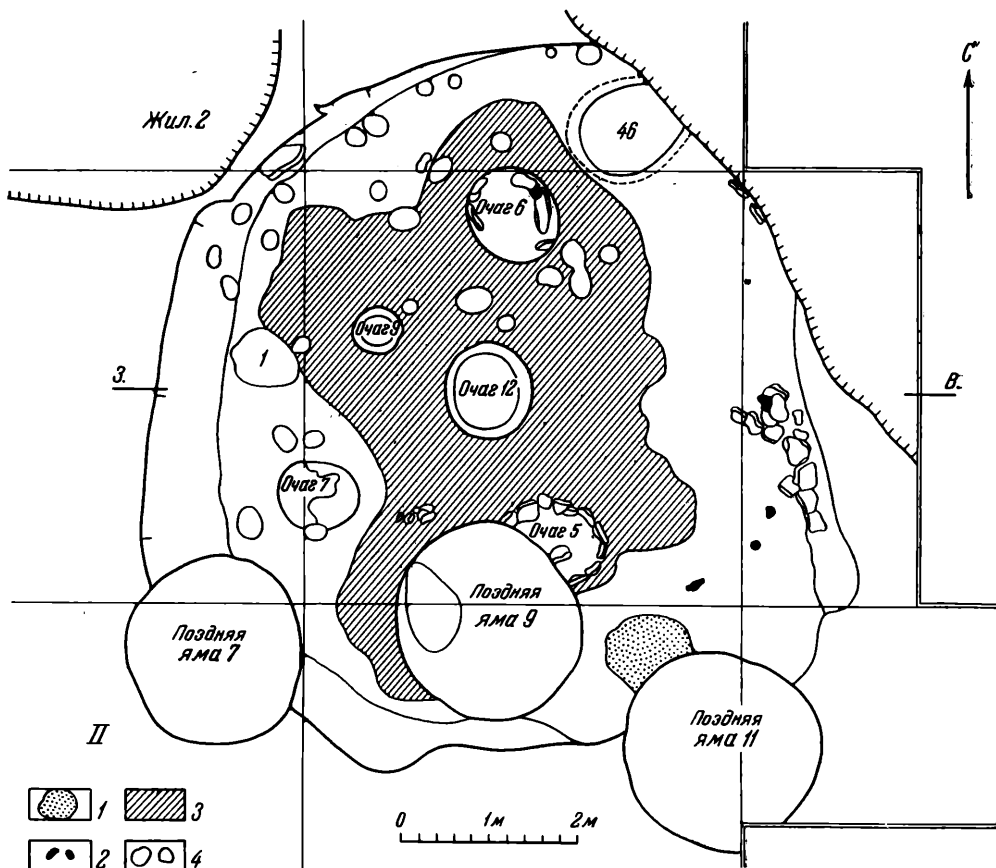
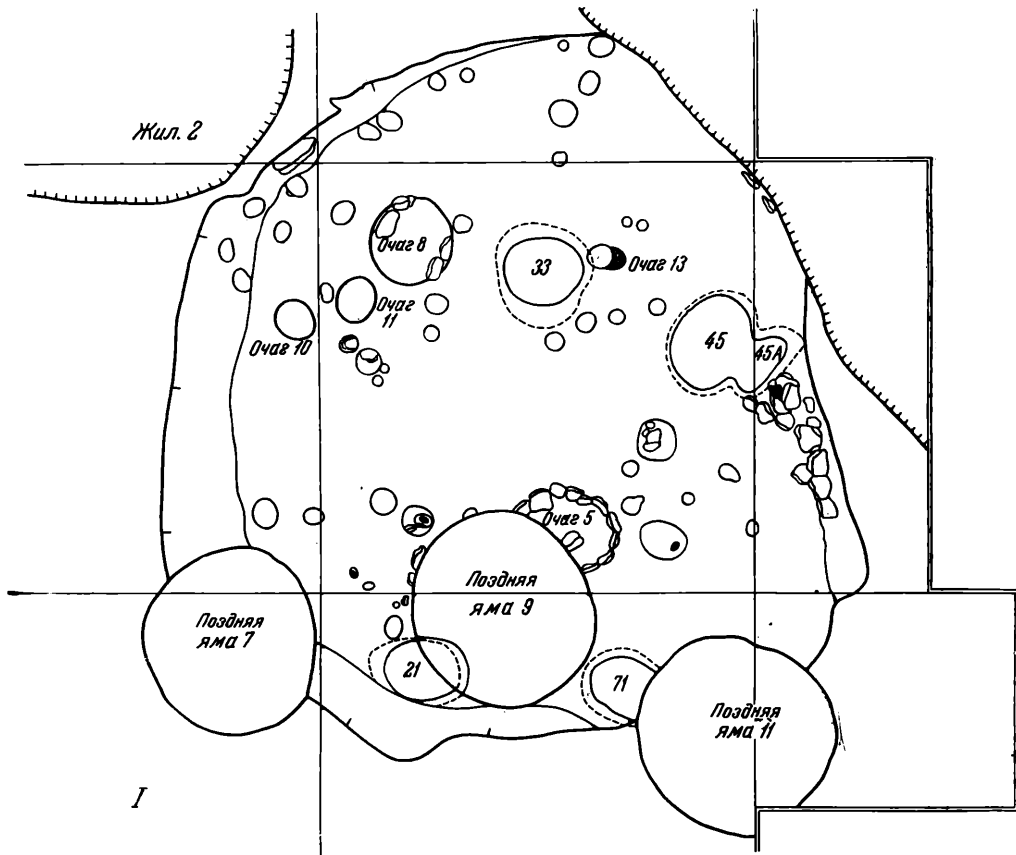
В жилище прослежено три уровня полов, на каждом из которых располагалось несколько ям и очагов. Общая толщина полов 10—15 см; они представляли собой слои затоптанного мусора, промазанные глиной. В землянке девять очагов (5—13)⁴. Они двух типов. Первый тип — вырытые в материке очажные ямы (7,9—13) чашевидной формы и различных разме-

¹ Начальник экспедиции С. И. Капошина.

² Э. С. Шарафутдинова. Жилища эпохи бронзы на Кобяковом городище (раскопки 1958—1961 гг.). КСИА, вып. 93, 1963, стр. 58—63.

³ Эта восточная половина землянки 3 в начальный период ее раскопок (1961 г.), будучи отрезана от остальной, западной части жилища 3 траншеей Главдорстроя, рассматривалась как самостоятельное жилище и предварительно была обозначена как землянка 6.

⁴ Начальная нумерация очагов относится к землянке 6, которая залегала выше и была вскрыта первой.

ров. Диаметр их 35—100 см, глубина 6—35 см. Второй тип — такие же ямы, но обложенные изнутри вертикально поставленными плоскими камнями (5, 6, 8). Диаметр их 100 см, глубина 20—25 см. В жилище находились также хозяйственные ямы особого типа (21, 33, 45, 45А, 71 — на первом, нижнем полу; 46 — на втором, среднем полу). Они относительно больших размеров, грушевидной формы (диаметр горла 90—120 см, диаметр дна 110—130 см, глубина 25—50 см). В них — значительное число находок. Подобные ямы, как и каменная облицовка очагов, в других жилищах не встречены. Остальные ямы чашевидны и в плане иногда овальные. На всех трех уровнях полов вдоль северной и западной стен находились пристенные ямы, большинство из них, судя по форме и заполнению, являлись хозяйственными. Ямы, помимо пристенных, группировались также вблизи очагов.

Обломки сосудов из жилища принадлежат горшкам, кувшинам, кубкам, а также мискам и плошкам. Среди крупных каменных изделий имеются грузила с перетяжками на концах, песты, терочки, ступка и т. п. На поселении найдены также кремневые отщепы, скребки, нуклеус, отбойник и наконечник стрелы с черенком, два костяных орудия и два мелких металлических предмета плохой сохранности.

После того как землянку 5 покинули, ее через очень непродолжительное время перегородили примерно посредине каменной стеной; высота сохранившейся части стены 0,5 м (рис. 24, А, Б). Новым помещением стала служить восточная часть котлована (жилище 6). В его западной части на верхнем полу залегал слой истлевшего камыша толщиной 5—15 см и перемешанного кое-где с истлевающим деревом; на этом слое была возведена каменная стена. Очевидно, это остатки рухнувшей камышовой кровли землянки 5. Та же картина наблюдалась и в землянке 2. В землянке 5, как и в землянке 2, все обнаруженные ямки по своему расположению, размерам, форме и заполнению не связываются с опорными столбами кровли. Поэтому можно предполагать, что здесь была кровля пирамидального типа. Это сближает обе землянки, стены которых были облицованы камнем, а крыша имела вид пирамидального деревянного сруба, покрытого камышовым настилом. Предполагаемая нами кровля в виде пирамидального сруба подобна той, которую реконструировал М. П. Грязнов для землянок у хут. Ляпичева⁵. Остатки такой же кровли сохранились и в близких по времени нашим жилищам погребениях с каменными стенами могильной ямы Дындыбай II в Казахстане⁶.

Землянка 6. У этого помещения, поскольку оно сооружено в котловане более раннего жилища 5, две стены — северная и южная — являлись материковыми, третья, западная стена — каменная, а четвертая не сохранилась из-за естественных разрушений холма (рис. 24, А). Площадь уцелевшей части жилища 31 м². Кладка западной стены нерегулярная, однородная, сухая и состоит из горизонтально уложенных камней. В жилище уловлены два горизонта полов. На нижнем, первоначальном полу четыре круглых очага (2, 3, 4), один из них разрушен, сооруженные из вертикально поставленных плоских каменных плит на глинобитном поде. На верхнем полу был частично разрушенный такой же очаг 1.

Обломки сосудов из этой землянки относятся к тем же группам, что и сосуды из нижней землянки 5. Найдены также крупные каменные изделия

⁵ М. П. Грязнов. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону. КСИИМК, вып. L, 1953, 140—146.

⁶ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа Центрального Казахстана. СА. XVI 1952, стр. 129—134.

Рис. 23. Кобяково. Жилище 5

I — первый пол; II — второй пол

1 — глинобитная вымостка; 2 — каменные изделия; 3 — обмазка второго пола; 4 — камень

(грузила с перетяжками на концах, песты, терочки, зернотерки в обломках и др.), кремневые орудия, три костяных и два маленьких обломка неопределенных бронзовых изделий. Находки располагались по всей площади землянки. На полу и в очагах 1 и 3 лежали куски обугленного дерева и обломки от четырнадцати сосудов, относящихся к производственному браку и принадлежавших к группам, характерным для поселения. Остатки обугленного дерева, своеобразная форма очагов, наличие производственного брака — все это позволяет думать, что землянка предназначалась в основном для обжига сосудов.

После разрушения землянки 6, над ней была сооружена каменная постройка, очень плохо сохранившаяся, потревоженная ямами (9, 10, 11) поселения I—III вв. н. э. От каменной постройки сохранился развал камня 14×3 м, северная часть которого перекрывала большую часть землянки 6. В этом сооружении прослеживались остатки кладки, вымостки и каменный очаг 5А того же типа, что и очаги в землянке 6, а также обломки от двенадцати сосудов, связанных с производственным браком, и крупные каменные орудия того же характера, что и в жилище 6. Можно думать, что и в этом помещении производили обжиг сосудов. Постройки, где обжигали посуду, в отличие от остальных жилищ возводили в котлованах (или над ними) покинутых землянок⁷.

Употребление камня известно в домостроительстве в эпоху бронзы в степях Северного Причерноморья при сооружении наземных построек (жилища с каменными основаниями на пос. Змеевка, Пересадовка и Анатольевка⁸). Остатки разрушенных наземных сооружений на каменных основаниях найдены также на поселениях Сазановка⁹ и Каменка¹⁰. Характерной особенностью жилищ Кобякова городища является облицовка стен камнем. Подобный прием известен пока лишь в очень разрушенных землянках Джемикентского поселения в Южном Дагестане и в более удаленных районах: поселения Бугулинские и Атасуйские андроновской культуры в Центральном Казахстане¹¹.

Сосуды из всех жилищ, и из слоя Кобякова городища делятся на пять групп: горшки, кувшины с кубками, чаши, миски и плошки¹². Горшки по форме и орнаменту близки сосудам поселений поздней бронзы в степях Северного Причерноморья, исследованных О. А. Кривцовой-Граковой, В. А. Ильинской, Д. Я. Телегиным, Н. Н. Погребовой и другими. Здесь мы рассмотрим лишь вторую группу керамики на примере фрагмента одного большого кувшина из жилища 6, украшенного нарядным врезным (гладкий штамп) геометрическим рисунком (рис. 25, 1). Именно эти сосуды — лощеные кувшины и кубки, покрытые врезным или шнуровым узором, придают своеобразие керамике поселения и выделяют его среди остальных памятников рассматриваемого периода на указанной территории. В степных памятниках, известных нам от Днестра до Волги, а также в Крыму и на Северном Кавказе появляются сосуды подобного типа — лощеные кубки, украшенные иногда либо налепными выступами, либо мелкозубчатым штам-

⁷ Э. С. Шарфутдинова. Жилища эпохи бронзы на Кобяковом городище..., стр. 61, жилище 1.

⁸ А. В. Бураков. Поселения эпохи бронзы близ с. Змеевка. АП, т. X, 1961, стр. 26—35; Н. Н. Погребова. Пересадовское поселение на Ингуле. СА, 1960, № 4, стр. 76—83. Она же. Работы в Тилигульско-Березанском районе в 1959 г. КСИА, вып. 89, 1962, стр. 6—9.

⁹ И. Т. Кругликова. Исследование сельских поселений Боспора. ВДИ, 1963, № 2 стр. 68.

¹⁰ Раскопки В. Д. Рыбаловой на Керченском полуострове.

¹¹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 31, 32; А. Маргулан, Т. Басенов, М. Мендикулов. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959, стр. 19.

¹² Э. С. Шарфутдинова. Кобяковское поселение эпохи бронзы. Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1951, стр. 41—43, рис. 1—5.

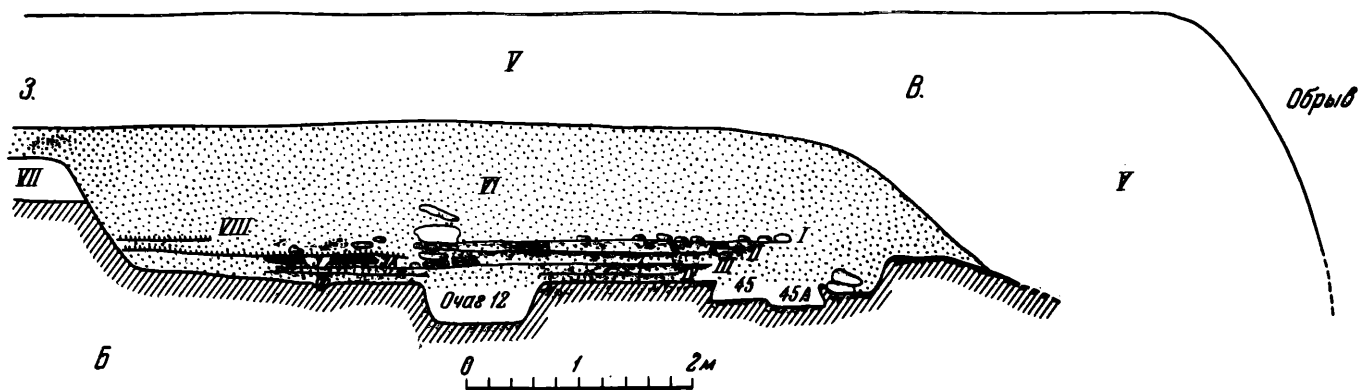
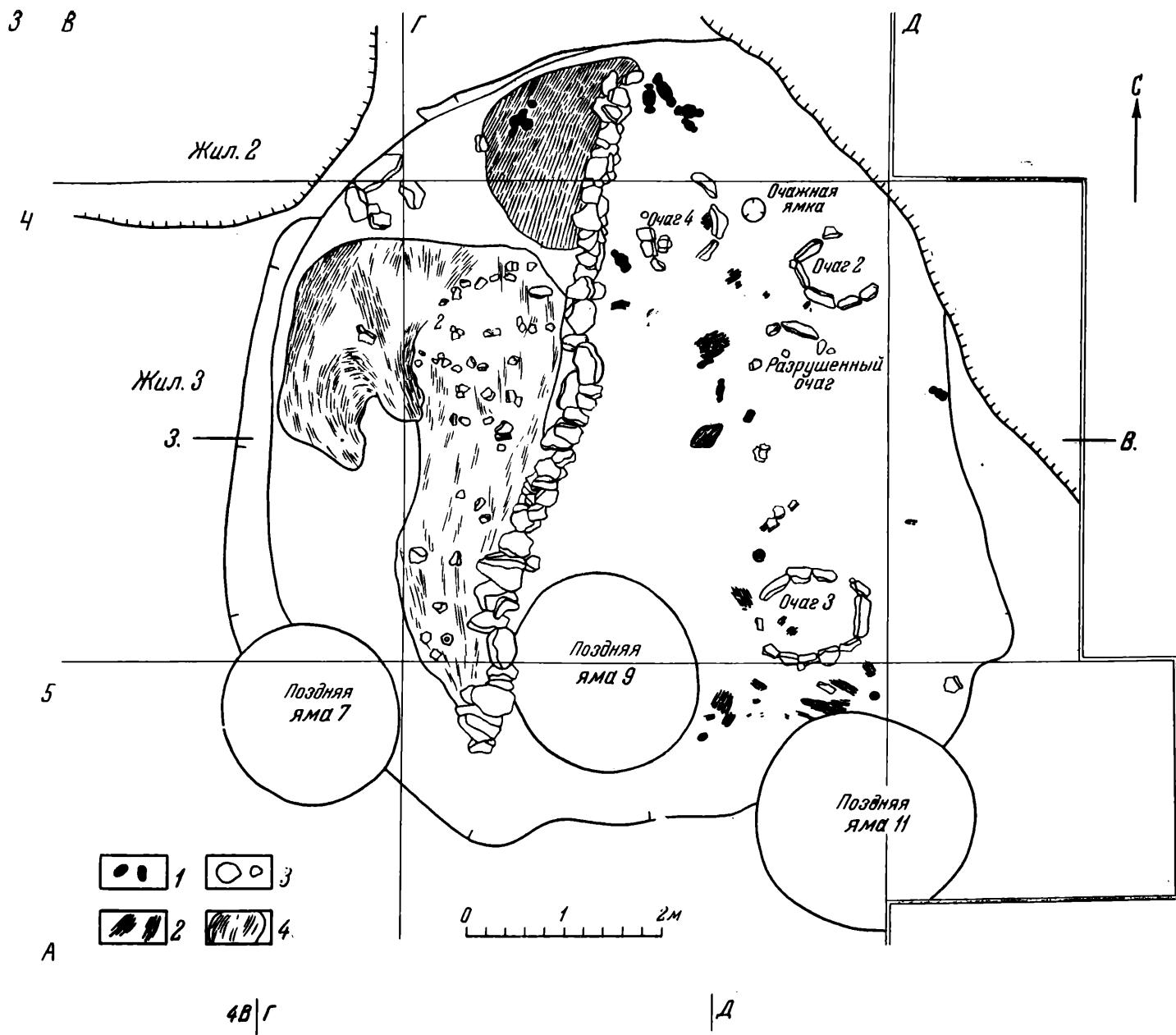

Рис. 24. Кобыково

А — жилище 6, первый пол: 1 — каменные изделия; 2 — обугленное дерево; 3 — камни и черепки; 4 — камыш; Б — разрез жилищ 5 и 6; I—II — полы жилища 6; III—V — полы жилища 5; V — слой I—III вв. н. э.; VI — золотистый слой эпохи бронзы; VII — песчаный слой эпохи бронзы; VIII — камыш

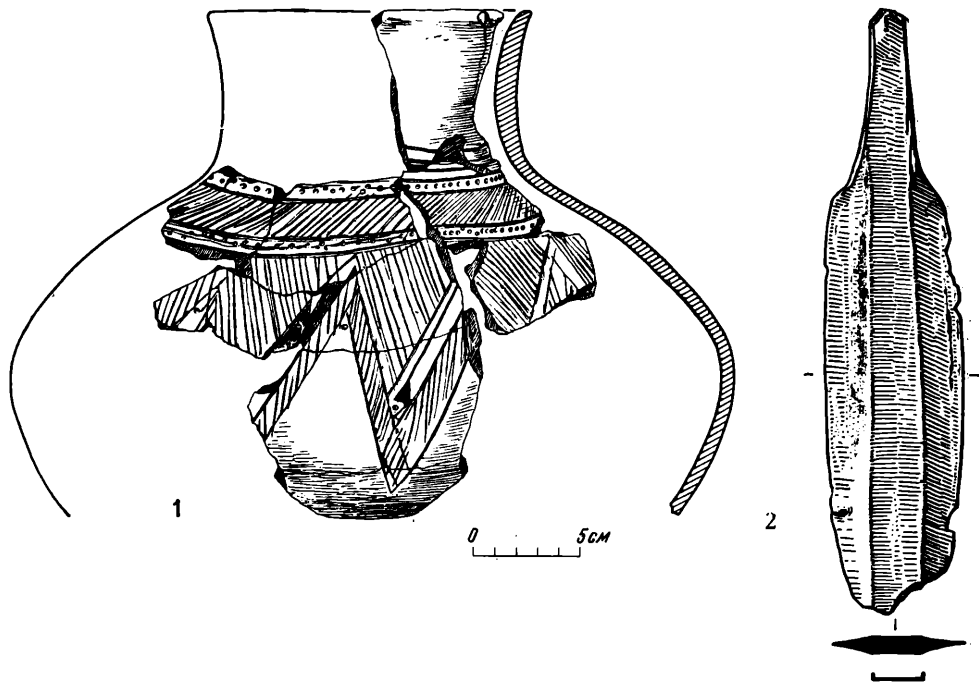

Рис. 25. Коб'яково.

1 — кувшины из жилища б; 2 — бронзовый нож из слоя

пом, либо врезным, либо каннелюрованным орнаментом. К таким памятникам, датируемым XI—IX вв. до н. э., в Северном Причерноморье относятся Тудорово I, Белозерка, Бабино IV, Змеевка, Каховка, Анатолевка¹³ и другие. Этот факт в первую очередь свидетельствует о времени. На Северном Кавказе в таких предскифских поселениях как Змейское, Алхасты и Айвазовское имеется лощеная посуда с врезным геометрическим орнаментом, напоминающая кубки и кувшины Коб'якова городища. Особенно это относится к сосудам поселений Змейское и Алхасты¹⁴. Но при этом следует подчеркнуть, что ни в одном из памятников на указанной обширной территории этот узор не выполнен оттисками веревки. В то же время на Коб'якове врезной и шнуровой (веревочный) орнамент употребляется для всех мотивов геометрического узора в равной степени.

В предскифское время на Нижнем Дону и в степном Поволжье появляются, хотя и в небольшом числе, лощеные кувшины, нередко украшенные тоже врезным геометрическим орнаментом. Среди них, например, выделяются своим сходством с нашими два сосуда из степного Поволжья. Один из кургана б, погребение phу станции Норки¹⁵, другой из кургана г 2, погреб-

¹³ А. И. Мелюкова. Работы в Поднестровье в 1958 г. КСИА, вып. 84, 1961, стр. 120, 121, 124, рис. 45; О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 84, рис. 34; В. А. Ильинская. Поселение времени поздней бронзы в с. Бабино. КСИА АН УССР, вып. 5, 1955, стр. 20, табл. I, 1, 12, 15; А. В. Бураков. Указ. соч., стр. 37, 38, табл. II, 5—8; I. М. Шарафутдинова. Нові пам'ятки епохи пізньої бронзи в Нижньому Подніпров'ї. АП, т. X, 1961, стр. 22, рис. 4; Н. Н. Погребова и Н. Г. Елагина. Работы в Тиллигульско-Березанском районе 1959 г., стр. 12—14, рис. 4—6.

¹⁴ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 130—134, 148, 157, 158, табл. XVI, 1; XXI, 1—10; XXVI, 3; XXVII, 1—2.

¹⁵ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 28, 29, рис. 60, 1.

бение 1, у с. Меркель (Макаровка)¹⁶. Первый сосуд О. А. Кривцова-Гракова относит к эпохе поздней бронзы, связывая его присутствие с влиянием Кавказа¹⁷. К. Ф. Смирнов также отмечает сходство обоих сосудов с кувшинами Кобякова и Северного Кавказа¹⁸.

Но несмотря на то, что имеется немало памятников с керамикой, сходной теми или иными чертами с кобяковскими формами, у нас нет достаточно полных аналогий в предскифских поселениях не только на указанной обширной территории степей, но и в соседних районах. К ним принадлежат поселения типа Ливенцовка I (верхний слой) в дельте Дона близ Кобякова¹⁹; поселения, исследованные Волго-Донской экспедицией по обоим берегам Дона в зоне строительства Цимлянского водохранилища²⁰; сборы Г. И. Горещкого (1949—1953 гг.), произведенные там же, а также на Маныче и в Северо-Восточном Приазовье²¹ и поселения на Маныче у хут. Веселого²². Керамика этих памятников не содержит лощеной посуды, относится к керамике либо сабастиновского, либо срубно-хвалынского типов и почти не связывается с посудой Кобякова. Подобное отличие материала из близлежащих от Кобякова памятников говорит о хронологической разновременности и о культурном различии. И если эти поселения по аналогии с Сабастиновским поселением датируются сейчас XIV—XII вв. до н. э.²³, то Кобяково по облику своего материала (профилированные горшки, кувшины, кубки, миски) связывается с белозерским этапом и с предскифскими памятниками Северного Кавказа. В пользу более позднего времени Кобякова свидетельствует также отсутствие здесь многоваликовой посуды и баночных форм. Такой архаический элемент, как шнуровой орнамент, на Кобякове нанесен всегда только оттисками тонкой веревочки, а узоры отличаются от узоров на сосудах катакомбной культуры, выполненных как веревочкой, так и тесьмой. Кроме того, эти же узоры у нас выполнены гладким штампом, чего нет на сосудах катакомбной культуры. В то же время именно врезной геометрический орнамент особенно характерен для предскифских памятников Северного Кавказа.

Датирующей находкой для Кобякова является обнаруженный в слое, где был вырыт котлован жилищ 5 и 6, небольшой бронзовый литой нож (рис. 25, 2). У него параллельные края лезвия, посередине которого проходит плоская грань. Ближайшей аналогией ему служит кинжал на поселении под Кишинево²⁴, который отличается лишь большим размером. Подобные ножи и их литейные формы найдены на Нижнем Днепре (поселения Первомаевка, Змеевка и у с. Кардашинка I, II под Цурюпинском и Раден-

¹⁶ К. Ф. Смирнов. Указ соч., рис. 60, 6; И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 74, 75, рис. 47.

¹⁷ Е. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 39, 42, рис. 10, 8.

¹⁸ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 108, 109.

¹⁹ С. Н. Братченко, В. Я. Кияшко. Бронзовый век. История Дона. Ростов, 1965, стр. 28, 29. С материалами этого поселения я познакомилась благодаря любезности С. Н. Братченко во время полевых работ.

²⁰ И. И. Ляпушкин. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища. МИА, № 62, 1958, стр. 226—262.

²¹ Г. И. Горещкий. О возможностях применения археологического метода при изучении молодых антропогенных осадков. «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода». М., 1957, № 21, стр. 57—78.

²² Археологические работы под руководством В. В. Гольмстен в 1933—1934 гг. Материал хранится в ГЭ, кол. № 1192, 1594.

²³ А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, № 1, стр. 65—71, 82.

²⁴ А. И. Мелюкова. Культура предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, № 96, 1961, стр. 43, рис. 17, 1.

ском)²⁵ и в степном Поволжье (Калиновский могильник)²⁶. К этой же группе изделий принадлежит нож из кургана Широкого у с. М. Лепатиha (Херсонская обл.), найденный там вместе с биметаллическим кинжалом²⁷. Находки в кургане Широком дают позднюю дату употребления таких ножей. Их бытование относится к X — VIII вв. до н. э.²⁸

Таким образом, по общему облику кобяковской керамики, в частности кувшинов и кубков, а также по находке бронзового ножа этот памятник может быть отнесен к X — IX вв. до н. э. или началу VIII в. до н. э.

²⁵ В. А. Иллінська, Г. Т. Ковпоненко, Е. О. Петровська. Розкопки курганів епохи бронзи, поблизу с. Первомайки. АП, т. IX, 1960, стр. 138, табл. III, 16; А. В. Бураков. Указ. соч. стр. 32, 39, рис. 4, 5; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 142, 143, рис. 34, 70, 12—16.

²⁶ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, № 60, 1959, стр. 420, рис. 37, 2.

²⁷ Н. И. Веселовский. Раскопки в 1916 и 1917 гг. СГАИМК, вып. 1, Л., 1926, стр. 200—204.

²⁸ Б. Н. Граков. Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР. СА, 1958, № 4, стр. 5, 6.

В. И. КОЗЕНКОВА

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА У СЕЛ. СЕРЖЕНЬ-ЮРТ
(Чечено-Ингушетия)¹

В 1965 г. исследование поселения Сержень-Юрт велось на холме I². Нижний слой поселения Сержень-Юрт относится к майкопской культуре середины III тысячелетия до н. э. (рис. 26, 4—6) по керамике и другим находкам, верхний же, основной слой, относится к поселению местного варианта кобанской культуры в эпоху раннего железа.

В 1965 г. исследование велось на раскопках III, V, VI в южной и восточной частях холма. Раскопанная площадь составила 560 м², толщина культурного слоя не превышает 0,3—1 м.

Раскоп III (начат в 1962 г.) в южной части холма. Здесь открыта дорожка-вымостка, ориентированная в направлении северо-запад — юго-восток.

В 1965 г. вскрыта площадь в 76 м². Выявлены две одновременные прослойки. Нижняя — вымостка на коричневом суглинке, сложенная из мелкой гальки в один слой, и культурный слой на ней. Ширина вымостки около 3 м, длина раскопанной части 13 м. К юго-восточной части раскопа вымостка превратилась в узкую тропинку шириной 15—20 см. В слое вымостки, кроме костей животных, найдены обломки бронзовой круглой в сечении проволоки, бронзовая выпуклая бляшка с петлей (рис. 27, 10), обломок костяной проколки, глиняная модель колеса, статуэтки животных, каменное ядрище для пращи и обломки круглых височных колец из тонкой вогнутой пластины. Точно такие же височные кольца найдены в Сержень-Юртовском могильнике X—VIII вв. до н. э.

В верхней прослойке обнаружен развал жилища и часть другой вымостки, по характеру и направлению отличающейся от нижней. Она начиналась с глубины 0,55—0,6 м, сложена из крупного булыжника и имела направление запад — восток. Ширина ее вымостки 2,6 м. От жилища сохранилось основание угла с длиной сторон 1,9 и 2,2 м, сложенного из обожженных амфорных блоков в сочетании с большими камнями, расположенными в определенном порядке. Площадь раскопанной части жилища 4,4 × 4,6 м.

В развале обожженных обломков угла жилища оказался бронзовый трехгранный, втульчатый наконечник стрелы (рис. 27, 3) скифского типа

¹ Раскопки проводились 2-м отрядом Объединенной Северо-Кавказской археологической экспедиции ИА АН СССР, Чечено-Ингушского НИИЯЛ и Республиканского музея краеведения в г. Грозном, руководимой Е. И. Крупновым. Состав отряда: В. И. Козенкова — начальник 2-го отряда, Р. В. Катинчаров — представитель археологического музея АН Болгарской Народной Республики, К. А. Васильева — фотограф, Т. Г. Леонова, А. В. Минорский, Ф. Ф. Козенкова — лаборанты, Б. Полагаев — шофер автобазы г. Грозного.

² В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Древний Сержень-Юртовский поселок в ЧИАССР (по раскопкам 1964 г.). КСИА, вып. 106, 1966, стр. 81—87.

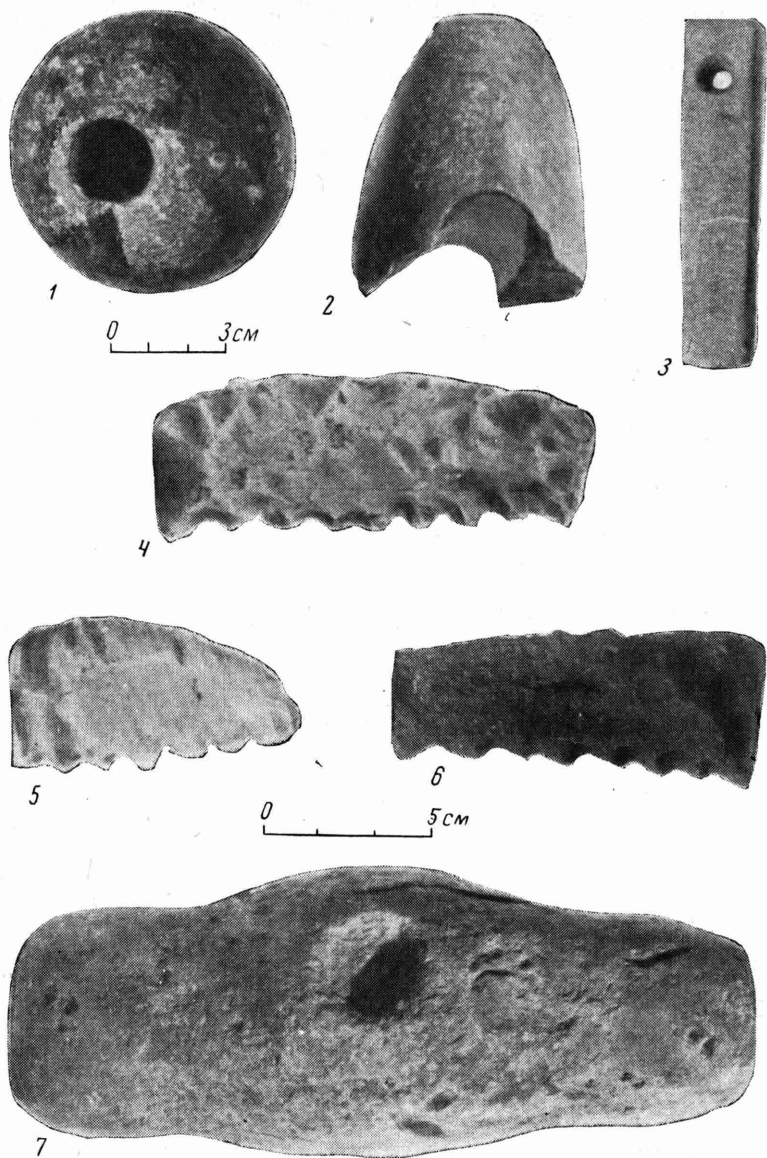

Рис. 26 Сержень-Юрт. Предметы из камня (нижний и верхний слой поселения)
 1 — навершие булавки; 2 — обломок топора; 3 — оселок; 4—6 — кремневые вкладыши для серпа; 7 — молот

(VI — первая половина V века до н. э.)³. Внутри жилища найдены обломки большого сосуда баночной формы с налезным валиком с защипами, каменное ядро от пращи, глиняная моделька колес и четырехгранный костяной втульчатый наконечник стрелы. Такие стрелы, появившись еще в эпоху бронзы, доживают до VI—IV вв. до н. э.⁴ Весь комплекс не потревожен поздними ямами и перекрывает нижнюю вымостку. Но стерильной прослой-

³ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, стр. 118, рис. 18, 2—3; К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ, вып. Д1—19, 1963, табл. 12, 2—3.

⁴ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, вып. 1, 1964 стр. 9; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 285, рис. 48, 4.

ки между ними нет. На раскопе III расчищено восемь ям, все они находились за пределами развала жилища; ими нарушена нижняя вымостка.

Таким образом, в раскопе III (стратиграфически в основном слое) выделены две прослойки. Нижняя вымостка по характеру находок на ней может быть датирована IX—VII вв. до н. э., а верхний комплекс (жилище, вымостка, ямы) по наконечникам стрел — первой половиной V в. до н. э.

Раскоп V. В 1965 г. исследовалась восточная часть поселения на площади 192 м². Внимание было сосредоточено на изучении открытого здесь комплекса из вымостки дороги 3, впервые прослеженной в 1964 г., и развала жилища, расположенного южнее вымостки. От жилища сохранились лишь большие камни основания стен, куски обожженной обмазки и куски обуглившихся деревянных плах. В развале юго-западной стенки среди камней найден бронзовый нож эпохи поздней бронзы, а в южной части — жертвенник в виде овальной обожженной площадки 0,8×0,6 м и скопления около нее челюстей свиней и голов крупного рогатого животного.

На вымостке обнаружен: обломок бронзовой иглы, антропоморфная глиняная статуэтка со столбикообразным туловищем⁵, обломки медеплавильного тигля, заготовки круглых наверший булавы из камня (рис. 26, 1) и бронзовая булавка длиной 25 см с навершием из двух скульптурно выполненных головок козлов, смотрящих в разные стороны. Булавки такого типа, по классификации Е. И. Крупнова, могут быть отнесены к развитой кобанской культуре (X—VIII вв. до н. э.)⁶.

На Северном Кавказе известны булавки подобного типа с конскими головками из раскопок Шантра в Северной Осетии⁷, вторая — с птичьими головками из Кобанского могильника⁸ с навершием в виде двух бараньих головок⁹, третья — случайная находка в Заюково в Кабардино-Балкарии, последняя — с конскими головками происходит из поселения Сержень-Юрт¹⁰.

Судя по находкам внутри развала жилища (заготовке каменного молота, бронзовой игле, обломку бронзового шила, роговой поделке и особенно бронзового ножа) и на вымостке-дороге, можно предполагать, что это одновременный комплекс IX—VII вв. до н. э. В раскопе V открыто 22 ямы хозяйственного назначения, расположенные частично за пределами жилища, частично прорезавшие вымостку.

В одной из ям лежали кучкой шесть-семь зернотерок, в других обломки керамики, костей животных и пережженная земля. В яме 6 оказались остатки предметов бронзолитейного производства (тигли, обломки литейных форм, бронзовые пунсоны для нанесения орнамента). Вместе с остатками металлургического производства в яме найден пинцет и нож из бронзы. Яма, вероятно, имела непосредственное отношение к бронзолитейной мастерской, развалины которой были открыты в 1964 г.

Раскоп VI, площадью 288 м², заложен в восточной части холма I. Здесь обнаружены остатки жилищ — развалы камней и обожженной обмазки. Лучше других сохранились остатки гончарной мастерской в западной части раскопа. Здесь сохранилась часть примитивного горна 1,2×1,2 м с бортиками из глинобитных блоков. Засыпка внутри горна состояла из обожженной земли и золы, в которой найдены обломки черепков бракован-

⁵ В. И. Козенкова. Антропоморфные терракоты из Сержень-Юрты. КСИА, вып. 108, 1966, рис. 1—3.

⁶ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 136, табл.

⁷ Хранится в Сен-Жерменском музее.

⁸ Собрание А. С. Уварова.

⁹ П. С. Уварова. Могильник Северного Кавказа. МАК, VIII, 1900, стр. 53, рис. 52, табл. XXXIX, 5.

¹⁰ А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии. КСИА, вып. 94, 1963, стр. 49, рис. 13, 6.

Рис. 27. Сержень-Юрт. Металлические предметы из верхнего слоя поселения и могильника

1 — булавка; 2, 3 — наконечники стрел; 4 — крючок; 5, 6 — ножи; 7 — височное кольцо; 8, 9 — браслеты; 10, 11 — бляшка и пронизь; 1—4, 6—11 — бронза; 5 — железо

ного сосуда, пряслица, глиняный штамп-пинтадера в форме катушки с орнаментом из концентрических кругов на обоих концах (рис. 28, 5). Этот тип пинтадеры впервые найден на поселении. В 3 м севернее горна *in situ* стояли 14 сосудов разнообразных форм.

В раскопе VI открыта часть вымостки-дороги в юго-западном углу, представлявшей продолжение вымостки 2, открытой в раскопе V в 1963 г. В верхней части ямы у западного края раскопа VI обнаружена глинобитная жаровня размером 75 × 55 см с высоким бортиком прямоугольной формы с закругленными углами. Около жаровни лежали кости свиньи (задняя

половина) и глиняная антропоморфная статуэтка в виде столбика. Отдельные участки раскопа испорчены ямами. Вскрыто 29 ям разнообразной формы; преобладают ямы колоколовидные с широким дном и узкой горловиной. Получены новые данные о местной металлургии и металлообработке, а также о домашнем гончарстве (рис. 29, 3).

Бронзовая булавка с подтреугольным навершием (рис. 27, 1) не известна в древностях Кавказа. Найдены две пинтадеры в форме катушек с двумя орнаментированными концами. Среди многочисленных находок антропоморфной (рис. 28, 10) и зооморфной пластики (рис. 28, 6—9) интересен новый тип сидячей женской статуэтки с заложеной назад рукой и сквозным отверстием на груди для подвешивания. Впервые найдена глиняная подвеска в виде миниатюрной секиры закавказского типа, что позволяет предполагать культурные связи с Закавказьем. Железные находки на поселении представлены тремя обломками ножей (рис. 27, 5) и стержнем.

В керамике преобладает нелощеная лепная посуда (биконические корчаги, баночные сосуды, миски, кружки), украшенная наклепными валиками, выступами и тамгообразными знаками. В ямах в отличие от слоя преобладает лощеная керамика таких же форм и также орнаментированная. Найдено несколько обломков сосудов каякентско-хорочоевского типа.

Период наиболее интенсивной жизни на поселении относится к IX—VII вв. до н. э.¹¹ К этому времени относятся найденные в 1965 г. бронзовая булавка с козлиными головками, бронзовые ножи (рис. 27, 6), бронзовый наконечник стрелы — «площик» (рис. 27, 2), пять костяных наконечников стрел длинночерешковых и втульчатых, ромбических в сечении, VIII—VII вв. до н. э. (рис. 28, 1—2). Эти находки связаны с вымостками и остатками сооружений. Радиоуглеродный анализ угля из жилищ также позволяет датировать их IX—VII вв. до н. э.

В 1965 г. впервые появились веские основания для выделения слоя VI—V вв., находки из которого ранее рассматривались как случайные. Стратиграфически он прослежен пока только на раскопе III, но с ним связаны найденные прежде бронзовые наконечники стрел скифского времени, относящиеся к VI—первой половине V в. до н. э., 18 костяных втульчатых пирамидальных наконечников стрел (рис. 28, 3—4) и пулевидной формы, доживающих до VI—IV вв. до н. э. (Несторовский могильник), костяные орнаментированные накладки, костяные ворворки, характерные для памятников скифо-савроматского времени, стеклянные глазчатые и синие бусы, известные в могильниках VI—V вв. до н. э. (Исти-Су, Луговой), железные ножи — все это свидетельствует о позднем этапе жизни поселения.

В это время происходит постепенная инфильтрация элементов скифо-савроматской культуры в предгорьях Северо-Восточного Кавказа и бурная активизация местных элементов, близких кобанской культуре, на позднем этапе ее развития. Этот процесс, отмеченный работами А. П. Круглова¹², Е. И. Крупнова¹³, а вслед за ними О. А. Артамоновой-Полтавцевой¹⁴, В. И. Марковина¹⁵, В. Б. Виноградова¹⁶ по погребальным памятникам Чечено-Ингушетии, подтверждается и опытом исследования поселений.

¹¹ Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1961.

¹² А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. МИА, 68, стр. 94.

¹³ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 356; Он же. Ранний железный век Северного Кавказа. «Уч. зап. Дагестанского филиала АН СССР, Института истории языка и литературы», т. XIV. Махач-Кала, 1965, стр. 341.

¹⁴ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 100.

¹⁵ В. И. Марковин. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. КСИА, вып. 98, 1964, стр. 88, 89; В. И. Марковин. Скифские курганы у сел. Гойты (Чечено-Ингушетия). СА, 1965, № 2, стр. 172.

¹⁶ В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. «Труды Чечено-Ингушского НИИ», т. VI. Грозный, 1963, стр. 9.

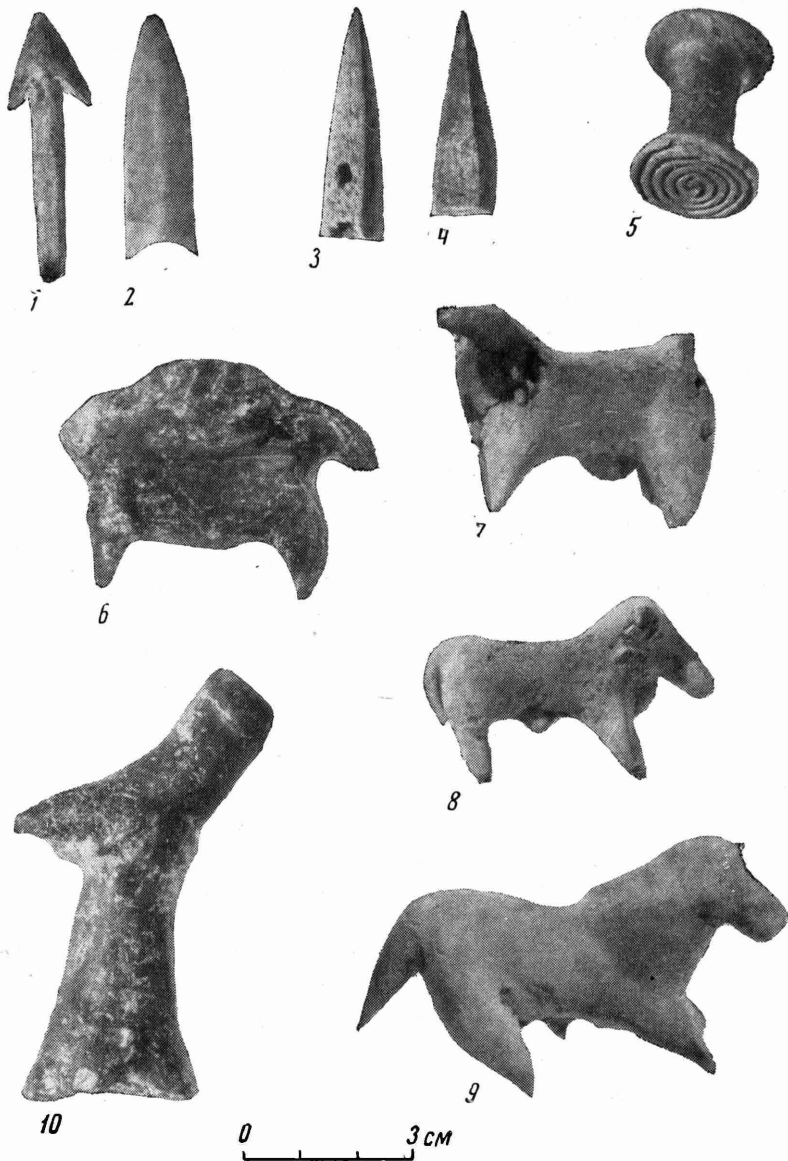

Рис. 28. Сержень-Юрт. Костяные и глиняные предметы из верхнего слоя поселения

1—4 — костяные наконечники стрел; 5 — глиняная пинтадера; 6—9 — зооморфные глиняные статуэтки; 10 — антропоморфная глиняная статуэтка

Таким образом, новые раскопки поселения Сержень-Юрт позволяют говорить не только о существовании поселения в эпоху энеолита и IX—VII вв. до н. э., но и более определенно о последнем периоде его жизни — VI—первой половине V в. до н. э.

Материальная культура поселения, связанная с кобанской культурой Центрального Кавказа, обнаруживает значительные черты самобытности в украшениях, орудиях труда и особенно керамике. Отдельные находки указывают на связи древнего населения Сержень-Юрта с племенами каякентско-хорочоевской культуры.

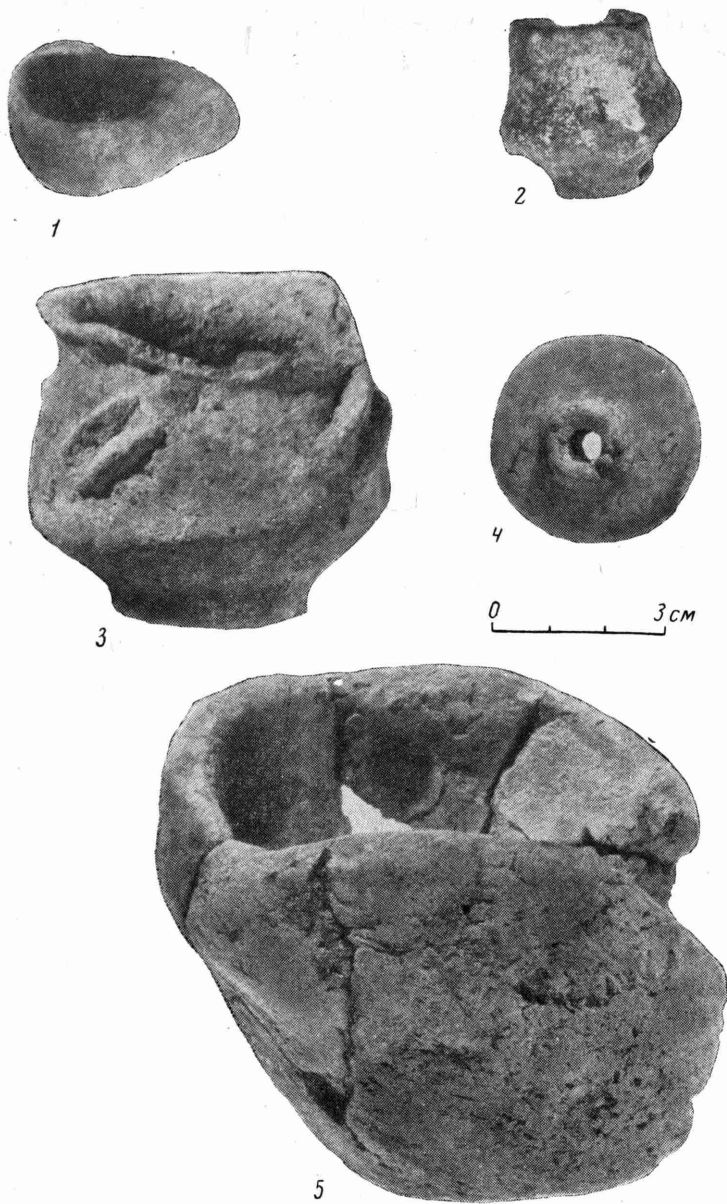

Рис. 29. Сержень-Юрт. Глиняные предметы из верхнего слоя поселения
1 — льячка; 2, 3 — сосуды; 4 — пряслица; 5 — медеплавильный тигель

Кроме раскопок поселения, в 1965 г. было предпринято исследование могильника, расположенного в 800 м к северо-западу от него, на склоне первой надпойменной террасы р. Хулхулау. Впервые раскопки его были проведены Р. М. Мунчаевым в 1958 г. Им были раскопаны два захоронения начала I тысячелетия до н. э.¹⁷

В 1965 г. на склоне террасы на глубине 1 м были раскопаны остатки еще двух захоронений, очень плохой сохранности, лежавших прямо в грунте без каких-либо следов ямы.

¹⁷ Р. М. Мунчаев. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии (из работ СКАЭ 1958 г.). КСИИМК, вып. 84, 1961, стр. 60.

В погребении 1 расчищены остатки скелета, у которого сохранились лишь части рук и череп. Покойник лежал на левом боку, головой на восток с незначительным отклонением к северу. Около головы сохранились характерные височные украшения. Они состояли из круглого пластинчатого кольца (рис. 27, 7) с заходящими концами, к которому было прикреплено другое кольцо из проволоки в три оборота, с пропущенной сквозь него счквидной привеской. На руках были надеты два пластинчатых ребристых браслета (рис. 27, 8). С правой стороны около скелета лежала груда раздавленных сосудов, в том числе миска со слегка вогнутым краем, ребром на корпусе и маленьким дном.

От второго погребенного, похороненного в 1,5 м северо-восточнее первого, осталось лишь несколько зубов, ожерелье из бронзовых спиральных пронизок и такая же груда обломков сосудов.

Предметы из раскопок могильника 1958 и 1965 гг. представляют небольшой, но весьма характерный комплекс. Дата его может быть определена, судя по находкам пластинчатых браслетов, аналогичных кобанским, X—VIII вв. до н. э.

Предметы из могильника находят параллели в слое поселения, что может свидетельствовать о единстве этих комплексов в начале I тысячелетия н. э.

И. Г. РОЗЕНФЕЛЬДТ

ИТОГИ РАСКОПОК ЩЕРБИНСКОГО ГОРОДИЩА

В 1964 г. завершены раскопки Щербинского городища, расположенного близ г. Подольска Московской области при впадении р. Конапелки в р. Пахру¹. Исследовалась оставшаяся нераскопанной западная часть городища². Таким образом, за три полевых сезона была раскопана вся площадка городища (1584 м²).

Культурный слой в раскопах 1964 г. был различен по мощности: от 0,20 до 0,60 м на площадке и до 3,00 м на краю городища. Наблюдения над стратиграфией напластований подтвердили наши выводы о наличии двух основных слоев на поселении и в некоторой части их дополнили. Прослежен первоначальный край площадки, являвшийся границей поселения в древнейший период. В верхней части нижнего слоя обнаружены мощные прослойки угля и золы, не выходявшие за пределы древнего поселения и, по-видимому, свидетельствующие о сильном пожаре, после которого были произведены большие перестройки и расширены границы поселка. Древние обитатели городища многократно выравнивали площадку, что подтверждается структурой напластований на краях городища, где выявились разновременные подсыпки; часть из них содержала находки, часть — оказалась стерильной. Выяснилось, что прямо на древний склон была набросана плотная зеленая глина, перекрывшая на некоторых участках нижний древний слой. Находок в ней не было и, несмотря на большую мощность, глина была насыпана в какой-то кратковременный срок работ. Подобные стратиграфические наблюдения оказались важными для выявления последовательности сооружений и комплексов находок.

В западной части городища прослежены остатки разновременных оборонительных сооружений в виде канав и идущих рядами столбов тына. Они увязываются с ранее обнаруженными оборонительными сооружениями и позволяют говорить о кольцевой планировке укреплений. Эти конструкции проходили по краю площадки и в связи с перестройками и изменением ее размеров в разные периоды жизни соответственно менялось место их расположения. В древнейший период размеры площадки и протяженность частоколов были меньше, чем в позднее время, когда укрепления были сдвинуты на искусственно подсыпанный склон.

¹ Раскопки Московской экспедиции ИА АН СССР под руководством А. Ф. Дубынина. В составе отряда работали И. Г. Розенфельдт (нач. отряда), Г. А. Вознесенская, К. А. Смирнов, Л. С. Хмутава, А. А. Юшко. Раскопки велись силами кружковцев Московского городского Дворца пионеров, учащихся школ Москвы и г. Ступино Московской обл.

² И. Г. Розенфельдт. Щербинское городище. СА, 1964, № 1, стр. 165—177; А. Ф. Дубынин, И. Г. Розенфельдт. Раскопки Щербинского городища в 1963 г. КСИА, вып. 107, 1965, стр. 107—113.

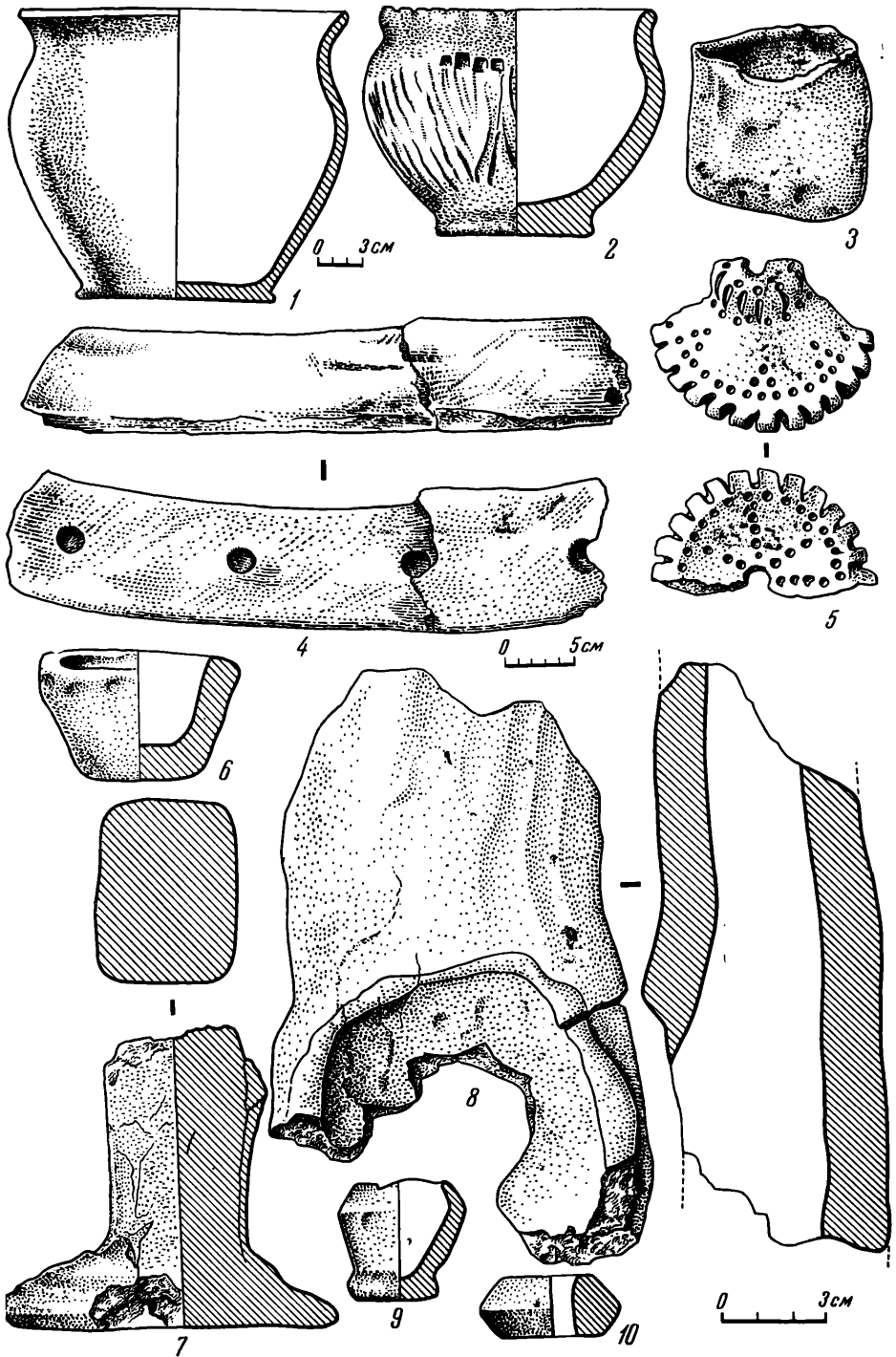

Рис. 30. Щербинское городище. Керамические изделия

Исследованы остатки наземных построек, также связанных планировкой с постройками, обнаруженными прошлыми раскопками. Это наземные сооружения, от которых сохранились следы столбов и канавок от деревянных конструкций. На занятой постройками площади прослежены развалы каменных очагов, очажные и хозяйственные ямы. Некоторые из них содержали в заполнении раздавленные сосуды и бытовые предметы. Одна из ям интересна как по конструкции, так и по комплексу находок. Яма, округлая в плане, имела диаметр 1,20 м и глубину 0,35 м. По краю вокруг нее прослежены следы девяти столбов, возможно, поддерживавших какой-то навес. В заполнении ямы найдены почти целый сосуд (рис. 30, 1), два точильных бруска, обломок глиняного предмета и бронзовая орнаментированная пластина с изображением женской фигуры³ (типа, известного по Огубскому⁴ и Троицкому городищам). Яма относится к верхнему слою и, судя по находкам, может быть датирована серединой I тысячелетия н. э.

На юго-западном крае городища в мощных угольно-золистых напластованиях обнаружен развал обломков слабообожженных глиняных блоков (рис. 30, 4). Средний размер их 0,30 × 0,12 × 0,10 см. Глина, из которой вылеплены блоки, содержит много растительных примесей, выгоревших на поверхности. Судя по форме (треугольное сечение с округлыми гранями) — это обломки какого-то валика или бортика от глинобитного сооружения. Часть блоков удалось соединить по изломам, что дало представление о его диаметре — около 1,5 м. На нижней плоскости блоков, не заглаженной в отличие от боковых, имеются отверстия от деревянных колышков, расположенные на одинаковом расстоянии одно от другого. По-видимому, основание валика монтировалось на деревянном каркасе. Установка подобных сооружений на деревянном каркасе прослежена Я. В. Станкевич на городище Подгай⁵. Развал блоков на Щербинском городище сопровождался раннедьяковской керамикой, обломками рогатых кирпичей и костяными предметами. Стратиграфическое положение этого комплекса также свидетельствует о его принадлежности к нижнему слою. Видимо, перед нами развал сооружения, разрушившегося еще в древности и выброшенного за ненадобностью обитателями городища на край площадки. Не исключено, что это остатки глинобитного жертвенника или печи, типа известного по городищам Подгай, Старшее Каширское⁶, Топорок⁷, Барвиха⁸ и др., в целом виде не сохранившегося на Щербинском городище.

Среди находок Щербинского городища, представленных большими сериями разнообразных предметов, обнаружены вещи, не встречавшиеся до сих пор.

Самую многочисленную группу находок составляют изделия из глины и в первую очередь керамика. Она представлена сосудами с сетчатой, штрихованной (рис. 30, 2), грубой гладкостенной или лощеной поверхностью, разнообразными по составу теста, формам, приемам орнаментации и композициям узоров. Много миниатюрных сосудиков (рис. 30, 6, 9). Многочисленны грузики дьякова типа, часто с орнаментом или знаками (рис. 30, 5), бусы, шарики и т. д. Новыми экземплярами пополнилась серия глиняных би-

³ Предмет опубликован в статье А. Ф. Дубынина (А. Ф. Д у б ы н и н. Об орнаментации на грузиках Троицкого городища. СА, 1966, № 1, стр. 291, рис. 5, 4): Там же приведены подобные щербинские пластины и аналоги с Троицкого городища.

⁴ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тыс. н. э. МИА, № 72, 1959, рис. 39, 1.

⁵ Я. В. Станкевич. К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н. э. Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э. МИА, № 76, 1960, стр. 53 и др.

⁶ А. В. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934, стр. 40, 41.

⁷ Ю. Г. Гендуне. Городище Топорок. «Тр. II Тверского областного археологического съезда 1903 г.», 1906.

⁸ Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. СА, III, 1937, стр. 116.

конических пряслиц с Щербинского городища (рис. 30, 10). Они представляют тип, обычный для середины и второй половины I тысячелетия н. э.⁹ Интересны неизвестные до сих пор предметы в виде обломков массивных плоскодонных подставок (рис. 30, 7) с круглым в плане дном и граненой, прямоугольного сечения ножкой. Верхние концы обломаны, что затрудняет определение их назначения. Многочисленны обломки рогатых кирпичей, среди них есть экземпляры, орнаментированные по боковым плоскостям, и миниатюрные кирпичики (рис. 30, 3). Из керамических предметов производственного назначения отметим льячки и обломки литейных форм для браслетов, преимущественно многоканальных, рассчитанных на одновременное изготовление нескольких изделий. По-видимому, также производственный характер имело массивное глиняное изделие, формой напоминающее льячки, но полое внутри и более крупное (рис. 30, 8).

В костяном инвентаре, кроме вещей, известных по прежним раскопкам (проколки, наконечники стрел и гарпунов, рукояти, манки и т. д.), можно выделить и новые типы. К ним в первую очередь следует отнести изделие в виде стержня, завершеного резным изображением головы животного (рис. 31, 2). Четко выделена морда с выступающим вверх рылом и отогнутые назад уши. Шея изогнута. Изображение отделено от рабочей части предмета, которая имеет овальное сечение и уплощенное стесанное острие, отростком, перпендикулярным основному стержню и направленным в сторону, противоположную голове животного. Предмет вырезан железным ножом, о чем свидетельствуют четкие грани и следы срезов.

Резные из кости и рога изображения животных на дьяковских памятниках встречаются редко. Они известны на Старшем Каширском, Дьяковском, Троицком городищах, на городищах Соколова гора и Круглица, на селищах Певкин Бугор и Попадьинском. Кроме того, известна одна случайная находка. Заметим, что имеются в виду резные фигурные изображения, а не выгравированные на кости изображения типа известного, например по Мамонову городищу, где на ручке ножа вырезаны фигуры лошади и птицы¹⁰. С этих немногочисленных памятников происходят различные предметы своеобразного звериного стиля, часть из которых передает черты реальных животных: медведя, лося, кабана, лошади, часть — стилизована. Нам известно десять предметов с резными изображениями животных.

На Старшем Каширском городище найдена костяная рукоять ножа, украшенная изображением головы медведя, с железными вставками на месте глаз¹¹ (рис. 31, 7). Предмет неоднократно издавался и зооморфное изображение специально исследовалось¹². Однако при публикациях приводится либо схематичная прорись его, либо фотография, что не только сужает, но искажает представление о характере изделия. К его описаниям следует добавить, что рукоять имела сквозной продольный паз, рассчитанный на зажим плоской раскованной пластины ножа со сквозными отверстиями для гвоздиков-клепок. О наличии их свидетельствует след сквозного круглого отверстия на боковой плоскости рукояти. По-видимому, клепки, как и глаза на морде животного, были железными. А. В. Городцовым издана правильная прорись этого предмета и рукоять, несомненно, ошибочно отнесена к отделу втульчатых¹³. Если принять во внимание, что пластинчатые ножи не характерны для городищ дьякова типа, а также сходство в трактовке изображения животного на Каширской рукояти с предметами

⁹ Е. А. Шмидт. Длинные курганы у д. Слобода-Глушица; А. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 186.

¹⁰ В. И. Качанова. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры. «Труды МИРМ», вып. V, 1954, рис. 22а.

¹¹ В. А. Городцов. Указ. соч., табл. VIII, 6.

¹² В. И. Гуляев. Зооморфная рукоять ножа со Старшего Каширского городища. КСИА, вып. 94, 1963, стр. 101—104.

¹³ А. В. Городцов. Указ. соч., стр. 30.

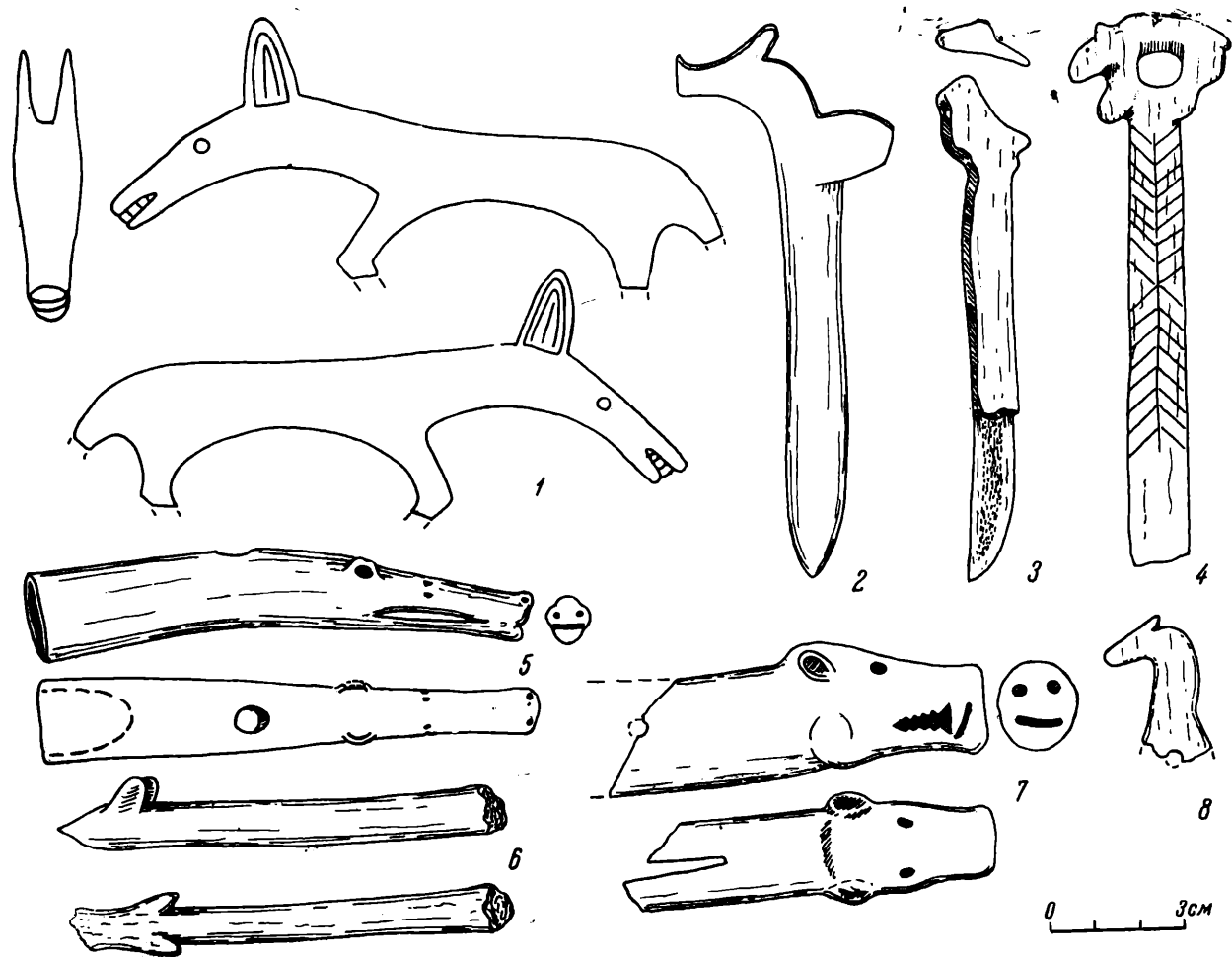

Рис. 31. Резные костяные и ро-
говые изделия с изображениями
животных из памятников дьяко-
ва типа

- 1, 5 — Дьяково; 2 — Щербинское;
3 — Соколова Гора; 4 — Круглица;
6 — Троицкое; 7 — Старшее Каширское;
8 — Певкин Бугор

скифского звериного стиля¹⁴, то можно говорить, что предмет этот является либо подражанием скифским образцам, либо предметом импортным.

С Дьякова городища происходят два костяных изделия с изображениями животных. Одно из них найдено в 1875 г. Ю. Д. Филимоновым и ныне хранится в ГИМ¹⁵ (рис. 31, 5). Предмет не опубликован. Г. Д. Филимонов в краткой информации о раскопках, а затем и В. И. Сизов при публикации последующих раскопок Дьякова городища, описывают «резную из кости голову кабана со следами бронзовых колечек в ушах»¹⁶. Следует добавить, что изделие представляет собой рукоять какого-то предмета с широким концом, возможно, плети. Об этом свидетельствует наличие широкой неглубокой, круглой в сечении втулки. В центре предмета — поперечное сквозное отверстие, по-видимому, служившее для продевания ремешка при подвешивании к поясу. Что касается навершия этой рукояти в виде головы животного со сквозной прорезью, изображающей пасть, и с ажурными ушками, то оно вряд ли является реалистичным изображением. Декоративные точечные вдавления на месте глаз и в верхней носовой части не помогают определению вида животного, так же как и тупой конец морды с поперечной врезкой (пасть) и двумя дырочками-ноздрями над ней, напоминает как трактовку головы глиняной фигурки кабана с Троицкого городища¹⁷, так и рукоять с медвежьей головой со Старшего Каширского городища.

Второе изображение животного с Дьякова городища, изданное В. И. Сизовым и многократно переизданное, представляет собой резную фигурку лошади (рис. 31, 1). В. И. Сизов писал, что трактовка фигуры, у которой «конечность морды, ноги и хвост поставлены на одной линии», зависела от характера костяной заготовки, использованной древним мастером¹⁸. Интересно отметить, что концы ног животного обломаны на перегибе ниже колен, обломан и хвост. Нам представляется, что первоначально это было полное изображение лошади с согнутыми в движении ногами.

На Троицком городище обнаружена костяная поделка с изображением головы лося на конце (рис. 30, 6)¹⁹, сходная по характеру изображения и самого предмета, с поделкой, найденной на городище Соколова гора (рис. 30, 3)²⁰. Если рабочий конец Троицкого предмета обломан, то по находке с Соколовой горы можно судить, что это было орудие, по-видимому, кочедыг.

На городище Круглица найдено костяное орудие, с навершием в виде фигурки медведя (рис. 31, 4)²¹. Хорошо выделены характерные черты животного: короткие уши и хвост, горбатая спина, лапы. На морде точками отмечены глаза. В центре фигуры — отверстие для подвешивания (видны следы потертости). Стержневая часть орудия украшена нарезным елочным орнаментом.

¹⁴ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 54.

¹⁵ ГИМ, инв. № 54746.

¹⁶ Г. Д. Филимонов. Краткое известие о раскопке Чертова городища под Москвой. «Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1875, стр. 107; В. И. Сизов. Дьяково городище близ Москвы. «Труды IX АС», т. II. М., 1897 г., стр. 257.

¹⁷ А. Ф. Дубынин. Результаты работ Можайской экспедиции КСИА, вып. 94, 1963, рис. 15, 20.

¹⁸ В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 260, табл. XXXIII, а.

¹⁹ А. Ф. Дубынин. Результаты работ Можайской экспедиции, рис. 15, 3; Он же. Троицкое городище Подмосковья. СА, 1964, № 1, рис. 6, 8.

²⁰ Н. В. Трубникова. Городище Соколова гора под Москвой. «Труды ГИМ», вып. 37, 1960, рис. 1, 1.

²¹ Раскопки Л. И. Пимакина. Изображение опубликовано в книге Е. И. Горюновой, Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА. № 94, 1963, рис. 60, 1.

Рис. 32. Щербинское городище. Изделия из кости (1—7, 11, 15), бронзы (8—10, 12—13, 18—21) и железа (14, 16, 17)

С селища Певкин Бугор происходит резная головка лошади с характерными заостренными ушами и изогнутой шеей. Нижняя часть предмета обломана, видно отверстие для подвешивания (рис. 31, 8)²².

На Попадьянском селище найдена костяная фигурка медведя. Голова и ноги ее обломаны, но горбатая спина и короткий хвост говорят в пользу такого определения²³.

К сожалению, неизвестно место, с которого происходит случайная находка костяного кочедыга, украшенного стилизованным изображением передней части животного. А. П. Смирнов полагает, что здесь передается образ медведя и относит его к предметам дьяковской культуры²⁴.

При сравнении с перечисленными выше предметами щербинская находка по характеру предмета в целом, т. е. стержневидного инструмента, законченного резным изображением животного, может быть сопоставлена с предметами, происходящими с городищ Круглища, Соколова Гора и Троица. По манере исполнения (плоскостные контурные изображения) и трактовке шеи животного, щербинское изображение ближе всего к лошадке с Певкиного Бугра. Однако следует отметить, что щербинская находка не отражает определенного вида животного, изображение сильно стилизовано и объединяет в себе (по мнению проф. В. И. Цалкина) черты лошади (шея, уши) и какого-то другого животного, возможно кабана.

Среди остальных костяных предметов, найденных на Щербинском городище, интересны поделки с нарезным орнаментом: рукояти, манки, кочедыги (рис. 32, 1—3) и другие предметы, причем на некоторых, как и на грузиках дьякова типа, есть знаки в виде крестов и другие. В этом плане большой интерес представляет изделие из трубчатой кости со знаками (угол и соединенные вершинами заштрихованные треугольники) и нарезным орнаментом в виде ромбической сетки и женской фигуры, выполненной точками и напоминающей также изображения на грузиках дьякова типа²⁵. Следует отметить находки фигурных амулетов (рис. 32, 4—6), колчаный крюк, костяной грузик дьякова типа и некоторые новые для Щербинского городища образцы наконечников стрел (рис. 32, 7, 11, 15).

Изделия из цветного металла представлены в основном бронзовыми украшениями и предметами поясного набора: браслеты, перстни, привески, бляхи, пряжки, обоймы и т. д. (рис. 32, 8, 18—21). Интересны рубчатые браслеты латенского типа (рис. 32, 12) ромбовидная бляха с петлей на оборотной стороне (рис. 32, 9) и предметы, дополняющие новыми вариантами уже известные серии умбовидных украшений²⁶. Шумящая привеска с умбовидным щитком (рис. 32, 10) и украшение в виде стержня с миниатюрным умбом на конце, напоминающее серьги скифского типа (рис. 32, 13). Среди пластинчатых бронзовых предметов особое внимание заслуживают обоймы с изображением женских фигур; интересны и рубчатые украшения, об одном из которых можно судить по найденной в раскопках каменной литейной форме.

О железоделательном производстве на Щербинском городище, наиболее ярко представленном в раскопках 1963 г.²⁷, свидетельствуют многочисленные находки шлаков и железные изделия, обнаруженные в большом количестве. Кроме предметов, основные типы которых известны по раскопкам предыдущих лет, представляются интересными булавка с многооборотной спиральной головкой (рис. 32, 14), подпрямоугольная пряжка с подвиж-

²² Р. Л. Розенфельдт. Селище Певкин Бугор. СА, 1963, № 3, рис. 1, 6.

²³ Е. И. Горюнова. Указ. соч., рис. 60, 2.

²⁴ А. П. Смирнов. Новые памятники дьяковской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 168, 169.

²⁵ А. Ф. Дубынин. Об орнаментации грузиков Троицкого городища, стр. 291, рис. 5, 6.

²⁶ А. Ф. Дубынин, И. Г. Розенфельдт. Указ. соч., рис. 40, 1—4.

²⁷ А. Ф. Дубынин, И. Г. Розенфельдт. Указ. соч., стр. 112.

ным язычком (рис. 32, 16) и двузубая острога (рис. 32, 17). Аналогичные пряжки распространены в длинных курганах Смоленщины²⁸ и датируются там последней четвертью I тысячелетия н. э. Встречаются они и в поздних дьяковых городищах²⁹. По-видимому, к этому же времени можно относить и железные многозубые остроги, которые, судя по аналогиям, бытуют и позже³⁰.

На городище найдены новые типы пастовых бус (цилиндрические рубленные) и ряд других предметов. Большой интерес представляет клад бронзовых украшений и бус³¹.

Новые материалы из раскопок 1964 г. подтверждают приведенную нами ранее его датировку и дополняют интереснейший комплекс предметов материальной культуры и быта его обитателей. Щербинское городище — третий (после Троицкого и Неждинского)³², полностью раскопанный памятник дьякова типа в Подмоскowie. Материалы этого долговременного многослойного поселения открывают возможность для изучения важнейших проблем эпохи раннего железа в лесной зоне Восточной Европы.

²⁸ Е. А. Шмидт. Длинные курганы у д. Слобода-Глушица; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, стр. 186, 187; Н. Н. Черныгин. Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, 1941, табл. IV, 5; табл. VI, 1, 3, 5 и др.

²⁹ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тыс. н. э. МИА, № 5, 1941, рис. 37, 17.

³⁰ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э. рис. 25, 3.

³¹ См.: А. Ф. Дубынин. Клад Щербинского городища (статья в настоящем выпуске КСИА).

³² Р. Л. Розенфельдт. Разведка и раскопки дьяковских городищ в Подмоскowie в 1960—1963 гг. КСИА, вып. 102, 1964, стр. 108—110.

А. Ф. ДУБЫНИН

КЛАД ЩЕРБИНСКОГО ГОРОДИЩА

При завершении раскопок Щербинского городища¹, расположенного на р. Пахре в Подольском районе Московской области, на северо-западном краю площадки городища на глубине 1,1 м был найден клад из 130 предметов. Очевидно, он был зарыт за пределами оборонительной системы городища.

Как показывает набор вещей из клада, он состоял из украшений, вероятно, принадлежавших одной женщине.

В кладах находились две медные височные умбовидные подвески (рис. 33, 4, 7) с характерной петлей для подвешивания к головному убору. Один конец ее припаян к краю щитка, а другой, украшенный зернью, отогнут и обращен был к затылочной части, когда подвеска находилась на виске. Поэтому у правой и левой подвесок концы петель обращены в разные стороны. Идентичная форма щитка обеих подвесок подчеркивает их парность. Отдаленным прототипом височных подвесок этого типа, очевидно, следует считать серьги так называемого скифского типа, которые имели умбовидный щиток, но приспособление для подвешивания в виде проволоочки прикреплялось у них в центре оборотной стороны щитка. В качестве промежуточного типа, вероятно, являются височные подвески, которые П. Н. Третьяков называет как серьги «скифского типа»², встречающиеся на Смоленщине и на памятниках юхновской культуры. У этих серег проволочка для подвешивания к головному убору имеет уже точно такую же петлю³, как и подвески Щербинского городища. Весьма интересным является экземпляр серьги или височной подвески, найденный на Щербинском городище, который состоит из небольшого умбовидного щитка, подражающего скифским серьгам, и удлиненного стержня из двойной проволоки, один конец его также припаян к центру обратной стороны щитка, а другой загнут для петли и обломан. По-видимому, этот экземпляр является одним из наиболее ранних вариантов подобного рода украшений и может служить одним из связующих звеньев отдаленного прототипа (в виде скифской серьги) с умбовидными подвесками, получившими распространение в первой половине I тысячелетия н. э. в Московоречье.

Височные умбовидные подвески найдены не только в кладах, но и на площадке Щербинского городища, где также обнаружена литейная форма для их отливки. Кроме Щербинского городища (13 экз.), они известны и в других городищах лесной полосы: на Троицком городище (20 экз.), Кузнечики (4), Успенском (2), Барвиха (1), Круглица (2), Топорок (1), Под-

¹ Раскопки Щербинского городища производились в 1961, 1963—1964 гг. Московской экспедицией Ин-та археологии АН СССР под руководством автора.

² П. Н. Третьяков. К вопросу о балтах и славянах в области Верхнего Поднепралья. «Slavia Antiqua». Warszawa—Poznan, 1964, t. II, str. 12.

³ Там же, рис. 3, 12.

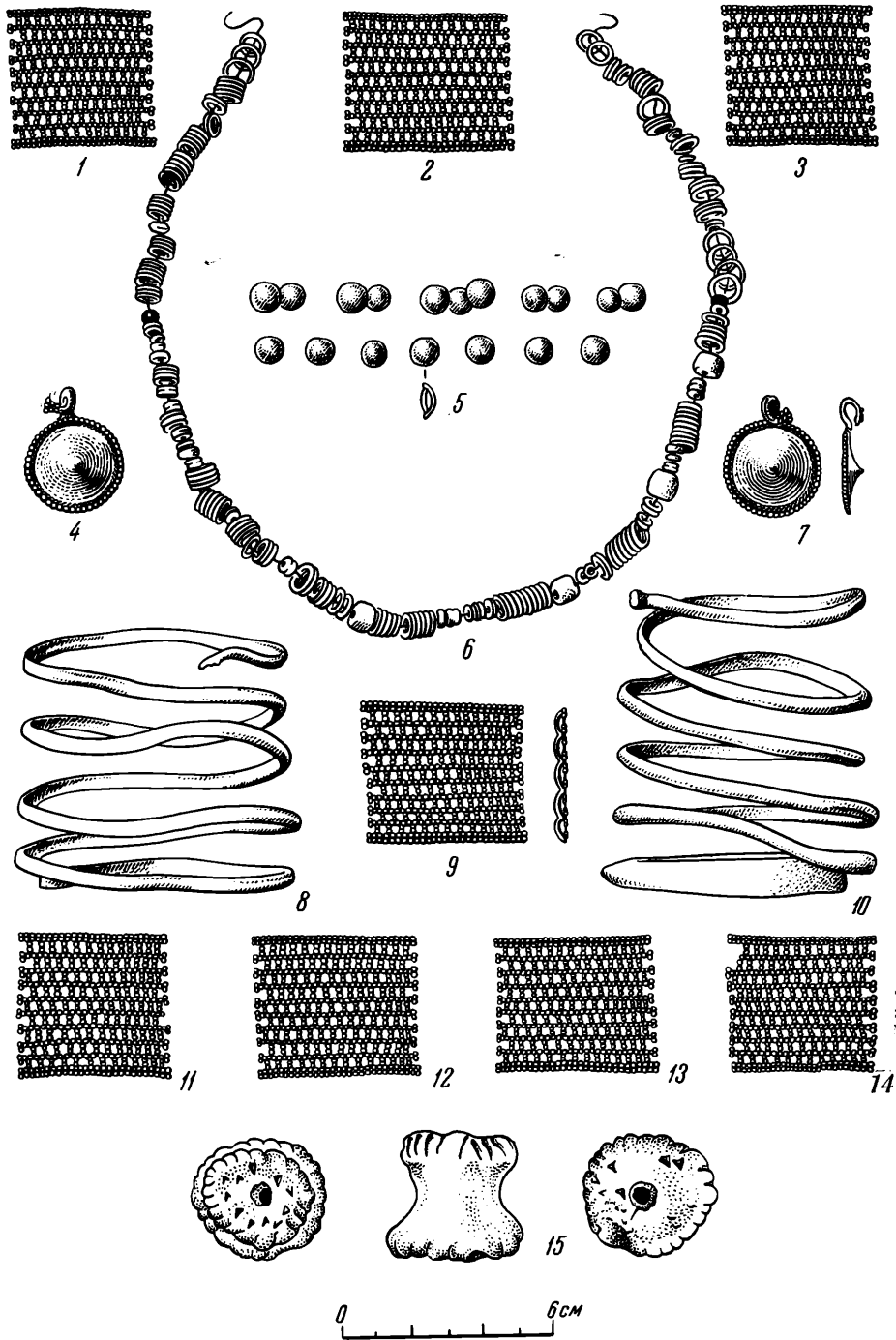

Рис. 33. Щербинское городище. Вещи из клада

1—3, 9, 11—14 — ажурные бронзовые бляхи; 4, 7 — умбовидные бронзовые подвески; 5 — бронзовые бляшки-скорлупки; 6 — бронзовые спиральные пронизи и бусы; 8, 10 — бронзовые браслеты; 15 — глиняный грузик

моклово (1), Федяшево (1), Заречье на р. Угре (1) и на Каргашинском селище (1 экз.).

На городищах Кузнечики⁴, Круглица⁵ и Подмоклово⁶ обнаружены медные навершия булавок, украшенные умбоновидными бляхами. Широкое распространение умбоновидных подвесок в ограниченном районе дает повод считать эти украшения локальной особенностью женского убора московской группы городищ.

Любопытным является то обстоятельство, что восточная граница распространения умбоновидных привесок совпадает с границей проникновения в район Подмоклова топонимических и гидронимических названий балтского происхождения.

Наличие на Смоленщине серег «скифского типа»⁷ позволяет рассматривать умбоновидные подвески как балтское украшение; особенности умбоновидных подвесок Троицкого и Щербинского городищ, возможно, характерны для московской локальной группы.

Умбоновидные подвески, судя по находкам Троицкого городища, бытовали в течение первой половины I тысячелетия н. э. Найденные в Щербинском кладе подвески имеют полную аналогию с подвесками Троицкого городища, из слоя III—IV вв.

В кладе были два спиральных медных браслета (рис. 33, 8, 10) в пять витков из полуовальной в сечении проволоки. У одного из них один конец плоский, другой обрублен.

Наряду с подвесками и браслетами в кладе оказались бляшки и спиральки, стеклянные бусы, ажурные бляхи.

Медные бляшки полусферической формы (53 экз.) диаметром 1 см с обратной стороны имеют петлю для прикрепления, сходны с бляшками-скорлупками. Они были одинарные и двойные (рис. 33, 5). «Бляшки-скорлупки», вероятно, служили украшением головного убора. Они, видимо, нашивались на налобный ремень шириной около 4—5 см, или на головную повязку.

Бляшки этого типа известны на большой территории. Бляшки из Щербинки напоминают бляшки-скобочки из погребений в Прибалтике II—III вв., обнаруженные «в положении, указывающем на их принадлежность к головному убору»⁸. В могильнике Шернай (III—V вв.) в Понеманье обнаружена шерстяная шапочка, сплошь покрытая «бляшками-скорлупками»⁹. Они представляют тип украшений, распространенный и в славянских могильниках V—начала VI в.¹⁰ В. В. Седов считает возможным «бляшки-скорлупки» датировать IV—VI вв.¹¹ Медные бляшки диаметром менее 1—1,5 см с выпуклой лицевой стороной бытуют в Прикамье на протяжении всего периода пьяноборской культуры¹².

Спиральки из медной проволоки в 2—12 витков диаметром в 1 см длиной до 1,5 см (рис. 33, 6) могли служить частью головного или шейного украшения. В первом случае спиральки нанизывались на ремешок, который

⁴ Раскопки Московской экспедиции Ин-та археологии АН СССР, 1965 г.

⁵ Раскопки Раменского краеведческого музея под руководством Л. П. Пимакина, 1957 г.

⁶ Раскопки А. В. Успенской, 1956 г. ГИМ. Архив ИА, $\frac{P1}{qN1277}$, табл. IV.

⁷ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. 1963, стр. 88.

⁸ М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, стр. 81, стр. 215, рис. 19, 1, 7.

⁹ Ф. Д. Гуревич. Указ. соч., стр. 391.

¹⁰ Я. В. Станкевич. К истории населения Верхнего Подвьяжья. МИА, № 19, стр. 122. Они найдены на городище в урочище Подгай, рис. 45, 1.

¹¹ В. В. Седов. Кривичи. СА, 1960, № 1, стр. 50.

¹² В. Ф. Генинг. Пьяноборская культура на Средней Каме (III в. до н. э.—II в. н. э.). Казань, 1959, стр. 17, рис. 9, 2.

опоясывал голову ниже головной повязки или головного ремня и завязывался сзади под затылком. В данном случае умбовидные подвески прикреплялись к ремешку у висков. Во втором случае спиральки, нанизанные на ремешок, могли украшать шею вместо гривы, которая здесь отсутствовала.

В кладе найдены позолоченные стеклянные бусы, а также позолоченный и синий бисер, которые, возможно, входили в состав шейного украшения или нашивались на одежду.

Здесь же найдено восемь медных ажурных блях из зерни (рис. 33, 1—3, 9, 11—14), на обратной стороне каждой, по двум боковым сторонам,— по пять скобочек, через которые продевались ремешки для прикрепления.

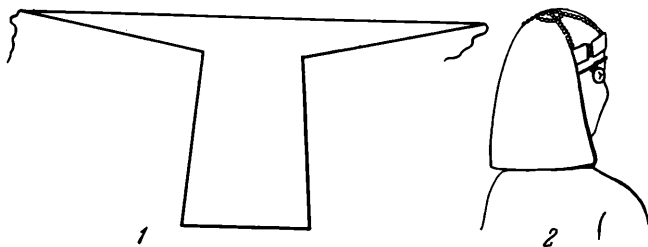

Рис. 34. Форма головной повязки:

1 — общая форма раскроя; 2 — вид повязки сзади головы (по реконструкции М. А. Сабуровой)

Кроме Щербинского городища, аналогичные бляхи найдены на городищах Круглица (4 экз.) и Подмоклово¹³.

Бляхи из клада Щербинки все однотипны, что свидетельствует о их принадлежности к одному комплексу. Подобная бляха из случайных находок на Щербинском городище имела три ряда скобочек. Размер блях, их однородность, наличие пяти рядов скобочек, в которые продевались ремешки, напоминают головные венцы женских уборов муромы, в которых вместо ажурных блях применялись пронизки в три-пять рядов в виде уплощенных трубочек или спиралек, нанизанных на ремешки и разделяющихся обоймицами или бляшками. Ажурные бляхи из Щербинского клада, возможно, были разделены мелкими бляшками с выпуклой поверхностью. Среди случайных находок на Щербинском городище имеется украшение из пяти подобных круглых бляшек, соединенных на обратной стороне одной общей проволокой, образовавшей пять скобочек. Общая длина этого предмета соответствует высоте ажурных блях. Одна или две таких пронизки из пяти бляшек, возможно, разделяли ажурные бляхи венца. Если учесть, что все восемь ажурных блях имели длину 40 см, а окружность головы около 56 см, то можно думать, что между ажурными бляхами находились по две пронизки. Поскольку в кладе не было обнаружено подобных пронизей, а найдены лишь отдельные бляшки, то, может быть, они нашивались на ткань шапочки или повязки, как это имело место в других случаях¹⁴.

В кладе также найден глиняный «грузик» катушкообразной формы с узким каналом отверстия. Высота его 3 см, диаметр отверстия 0,3—0,4 см (рис. 33, 15). Как и у многих грузиков дьякова типа, по краям отверстия прослеживаются следы стертостей от нитки. Это может свидетельствовать о том, что через канал продевалась нитка, на которую он мог быть подвешен. Следы от нарезок ниткой имеются не только на так называемых грузиках дьякова типа, но и на «грузиках» и «блоках», часто встречающихся

¹³ Р. Л. Розенфельдт. Разведка и раскопки дьяковских городищ в Подмоковье в 1960—1963 гг. КСИА, 1964, вып. 102, стр. 108.

¹⁴ Ф. Д. Гуревич. Указ. соч., стр. 391.

Рис. 35. Реконструкция женского убора по вещам клада Щербинского городища (М. А. Сабуровой)

на милоградских и других памятниках Верхнего и Среднего Поднепровья. Найденный в клада «грузик» не мог являться пряслицем для веретена из-за небольшого отверстия, он не был и обычным грузиком «дьякова типа». Его присутствие в клада может быть объяснено лишь как вещи «личного» обихода наряду с другими предметами клада.

Комплекс женских украшений из Щербинского клада не исключает различных вариантов реконструкции головного убора. Предполагаемый вариант реконструкции основывается на археологических и этнографических параллелях.

Создавая рисунок реконструкции женского убора по находкам клада, М. А. Сабурова¹⁵ форму головной повязки определяет на основании головных повязок из грубой ткани, бытующих у народов Поволжья. Они представляют собой равнобедренную трапецию, широкая часть свисала на спину, а к узкой стороне пришивалась лента, одевавшаяся на лоб и завязывающаяся на затылке (рис. 34). Учитывая, что по этнографическим и ар-

¹⁵ М. А. Сабурова. Реконструкция женского убора (по материалам клада Щербинского городища). См. статью в настоящем выпуске КСИА.

хеологическим материалам у народов Поволжья и Прибалтики были в употреблении головные уборы в виде многоугольной в плане «шапочки» из пластин¹⁶ (рис. 35), М. А. Сабурова помещает на ленте повязки венец из ажурных блях. Поскольку поверхность «шапочек» обычно украшалась спиральками¹⁷ или круглыми бляшками¹⁸, которые нашивались в виде перекрестия или по кругу, предполагается, что повязка с венцом тоже была украшена бляшками. Ниже венца, судя по этнографическим и археологическим данным, иногда находился венчик из ремешка с нанизанными спиральками, к которому прикреплялись височные украшения, в данном случае умбоновидные подвески. Последние по устройству петли для прикрепления к ремешку имеют полную аналогию с височными украшениями народов Поволжья¹⁹. Головной убор, возможно, состоял не из повязки, а из грубошерстной полукруглой «шапочки», венец которой был из ажурных блях. На поверхность «шапочки» прикреплялись круглые бляшки; к венцу на висках подвешивались умбоновидные подвески, а шею украшали спиральки и бусы.

Убор женщины отливал цветом золота, что придавало ему нарядность и блеск.

Время клада, очевидно, следует определить III—IV вв. н. э. на основании даты распространения описанного типа умбоновидных подвесок, которой не противоречит время более широкого бытования остальных украшений клада.

Клады известны и на других городищах лесной полосы раннего железного века. Кроме клада женских украшений на Щербинском городище, было обнаружено еще три клада железных спиральных колец. Клады подобных железных колец и женских украшений найдены и на Троицком городище; клад женских украшений во рву составлял более 40 предметов IV—V вв. н. э.²⁰ Клад, обнаруженный на городище Пичке Сорче в Чувашии, содержал подобные железные кольца-браслеты, «множество спиралей, нанизанных на ремень», две височные подвески и «множество» стеклянных золоченых и голубых бус II—III вв. н. э.²¹; основная масса женских украшений клада Мощинского городища относится к IV—VII вв. н. э.²²

Таким образом, как клады Щербинского городища, так и клады других памятников содержат предметы женских украшений, представлявшие наибольшую ценность, а также предметы, заготовленные, очевидно, для обмена. Помимо кладов, представлявших особую ценность, в момент надвигающейся опасности иногда зарывались индивидуальные вещи: железные кельты, серпы и предметы вооружения (наконечники стрел). Их владельцы гибли, а зарытые ими клады и вещи оставались в земле.

¹⁶ Н. Моога. Eastlaste Kultur muistseliseis vusajal. Tavfus, 1926, стр. 9, рис. 5; Г. А. Архипов. Древнемарийский женский костюм IX—X вв. Вопросы истории, археологии и этнографии мари. «Труды», вып. XVI, Йошкар-Ола, стр. 130, рис. 1.

¹⁷ А. А. Спицын. Древности бассейна рек Оки и Камы. МАР, вып. 25, 1901.

¹⁸ Maria Gimbutas. The Balts. London, 1963, p. 127, fig «С».

¹⁹ ГИМ. Фото из архива Н. В. Трубниковой.

²⁰ А. Ф. Дубынин. Троицкое городище. СА, 1964, № 1, стр. 186, 192.

²¹ Н. В. Трубникова. Раскопки городища Пичке Сорче в Чувашии. Археологические работы в Чувашии в 1958—1961 гг. 1964, стр. 174, 186, 188, рис. 5.

²² П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 48, 49.

М. А. САБУРОВА

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖЕНСКОГО УБОРА
ПО МАТЕРИАЛАМ КЛАДА ЩЕРБИНСКОГО ГОРОДИЩА¹

Большую роль в определении этнической принадлежности играет костюм, остатки которого крайне редко сохраняются в археологических памятниках. Одну из интереснейших деталей костюма составляет головной убор и шейные украшения, на основании которых по археологическим данным удастся осветить некоторые вопросы этнической истории. Помимо инвентаря погребений, эти предметы известны в составе кладов, большинство которых представляет собой случайные находки; поэтому особый интерес приобретает клад Щербинского городища, бесспорный археологический комплекс, содержащий детали головного убора и шейные украшения.

Трудность реконструкции головного убора по материалам Щербинского клада связана с тем, что не все вещи, входящие в него, являются безусловными в смысле их назначения. Так четырехугольные ажурные пластины из зерни с пятью рядами дужек на оборотной стороне² близки в конструктивном отношении многим шумящим подвескам из Подболотьевского могильника и могли украшать разные детали женской одежды. То же можно сказать о круглых подвесках, украшенных зернью³ с открытой петлей, так называемых умбовидных подвесках. Бронзовые спиральки, так хорошо известные по многим могильникам в бассейнах рек Оки, Камы и Верхней Волги, использовались по-разному. В погребениях их находят и на венчике и на шее, где они выполняли роль ожерелий, а также на обуви. Что касается круглых бляшек с петелькой на оборотной стороне⁴, то они также использовались для украшений разных деталей одежды.

Набор украшений из Щербинского клада не находит абсолютных аналогий в погребальных комплексах; различное использование отдельных деталей при реконструкции женского убора позволяет говорить лишь об одном из возможных вариантов.

У современных народов Поволжья — мордвы, марийцев, а также у народов Прибалтики до наших дней бытуют шапочки многоугольные в плане, состоящие из пластин. Они очень разнообразны в деталях. Так, в Прибалтике известны головные уборы, венчик которых состоит из прямоугольных секций, внутри которых несколько узких параллельно расположенных металлических пластин⁵.

Шапочки с прямоугольными пластинами по венчику известны и по археологическому материалу⁶. Так, Г. А. Архипов реконструировал один из

¹ Материал для реконструкции любезно представлен автору А. Ф. Дубыным.
² А. Ф. Дубынин. Клад Щербинского городища. Статья в настоящем выпуске КСИА, рис. 1, 1—3, 9, 11—14.

³ Там же, рис. 1, 4—7.

⁴ Там же, рис. 1, 5.

⁵ Н. Моога, *Eastlaste Kultuur muistselisesisousres — ajal*. Tartu, 1926, стр. 9, рис. 5.

⁶ Г. А. Архипов. Древнемарийский женский костюм IX—XI вв. Вопросы истории, археологии и этнографии мари. «Труды», вып. XV. Йошкар-Ола, 1961, стр. 130, рис. 1.

вариантов древнемарийского женского костюма по археологическим материалам Веселовского могильника, где головной убор представлен в виде шапочки, по нижнему краю которой расположены под углом друг к другу цельные металлические пластины. Возможно, что и пластины из Щербинского клада были от такой шапочки, тем более что пять рядов дужек на обороте каждой пластины свидетельствуют о том, что они были укреплены на ремне, разделенном на пять частей. Такие ремни от головных венцов известны в Мальшевском⁷, Подболотьевском⁸ и Кошибеевском⁹ могильниках. Кусочки от таких ремешков сохранились на оборотной стороне пластин Щербинского клада. Донышки от шапочек описанного типа обычно состояли из перекрестных ремней. Ремни украшались металлическими спиральками¹⁰ или круглыми бляшечками¹¹, что дает основание для оформления верха нашего головного убора.

У современных народов Поволжья бытуют головные уборы¹², так называемые сороки, которые представляют собой чаще равнобедренную трапецию, иногда удлиненный прямоугольник. Широкая часть трапеции свисала на спину, к узкой стороне пришивалась лента, одевавшаяся на лоб и завязывавшаяся на затылке под ниспадающей на спину тканью¹³. Такие головные уборы, обычно из грубой ткани, должны были защищать голову от металлических украшений. Пластинчатый венец шапочки, очевидно, тоже мог располагаться на ленте от такого платка. Количество в кладах пластин (8 шт.) позволяет их расположить на длину немногим более 40 см — по лбу до затылка.

Небезынтересно отметить, что в Кошибеевском могильнике обнаружены женские погребения с венцами, покрывавшими лишь лоб и доходившими только до ушей. Особенно любопытен венец из погребения 58. Он состоял из ремня с нанизанными на него вплотную друг к другу прямоугольными пластинами-обоймицами, покрывавшими переднюю часть головы. Такой венец близок нашей реконструкции, передняя часть которого до затылка состояла из пластин, расположенных под углом друг к другу¹⁴; концы ремня могли укрепляться под свисающей на спину тканью, так же как и у современных народов Поволжья.

Ниже шапочки, возможно, располагался венчик из узкого ремешка, украшенный спиральками. Судя по материалам погребений, узкий венчик часто украшался по-разному надбл и над висками¹⁵. Длина нашей спирали около 20 см, что позволяет ее разместить на лбу. По сторонам же от спирали, над висками, представляется возможным разместить умбоновидные подвески. Подобные подвески бытуют у народов Поволжья и сейчас, с таким же устройством металлической петли, надевавшейся непосредственно на ремень¹⁶.

В Щербинском клада, кроме металлических украшений, в том числе и спиральных браслетов, характерных украшений в женских погребениях, найдены бусы. Судя по материалам погребений, они чаще нашивались¹⁷.

Женский убор из Щербинского городища и привлеченный для аналогий материал говорит о большом сходстве в деталях одежды и украшений, распространенных у финноязычной группы народов.

⁷ Хранится в Историческом музее в Иванове.

⁸ Хранится в Историческом музее в Москве, № 56480.

⁹ Там же, инв. № 44623, 37730.

¹⁰ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, 1901, табл. XIX, б.

¹¹ Marija Gimbutas. The Balts, London, 1963, стр. 127, рис. «С».

¹² Т. А. Крюкова. Марийская вышивка. 1951, рис. 24, стр. 45.

¹³ А. Ф. Дубынин. Указ. соч., рис. 2.

¹⁴ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 15.

¹⁵ В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. «Древности», т. 24, стр. 135, погр. 234; стр. 140, погр. 253.

¹⁶ ГИМ. Фотографии Н. В. Трубниковой.

¹⁷ В. Ф. Генинг. Пьяноборская культура на Средней Каме (III в. до н. э.—II в. н. э.). Казань, 1959.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ
В ПОДМОСКОВЬЕ В 1964—1965 гг.

В 1965 г. были начаты раскопки Тучковского городища дьяковского времени, расположенного на восточной окраине поселка Тучково Рузского района Московской области. Этот памятник находится в районе, где ранее не были известны городища дьякова типа. На его площадке, защищенной с напольной стороны двумя валами, разделенными рвом, было заложено четыре шурфа. В центральной части городища культурный слой равняется в среднем 30 см, по краям площадки — 50—70 см. В центральном шурфе прослежены остатки углубленного в материк жилища, многочисленные ямы хозяйственного назначения и ямы от столбовых построек. В культурном слое городища много сетчатой керамики — ранней с отпечатками гребенки по верх «сетки» и более поздней «крапчатой» — первых веков н. э.

Это противоречит представлению об обособленности городищ верховьев р. Москвы от городищ среднего ее течения во второй половине I тысячелетия до н. э.¹

Наряду с сетчатой в верхних слоях встречена и позднедьяковская грубая керамика с орнаментом и не орнаментированная, лощеная и подлощенная керамика, многочисленные обломки миниатюрных сосудиков и обломки большой шлакированной льячки. Среди находок — несколько грузиков дьякова типа (рис. 36, 29), кольцевая пряжка-скульгама с завернутыми концами, обломок полутораоборотного железного кольца с заостренными концами диаметром около 15 см того же типа, что на Троицком и Щеринском городищах. Полученные при шурфовке материалы говорят о том, что это поселение может быть датировано V—III вв. до н. э.—V—VI вв. н. э. На склоне городища был найден кремневый полированный клин времени поздней бронзы.

В 1964 г. продолжались исследования Борисоглебского городища на р. Пахре под Подольском. На северном склоне мыса, где расположено городище, сохранились мощные напластования культурного слоя, сброшенного с площадки, ныне занятой современным кладбищем. При исследовании северного склона уточнена характеристика оборонительного вала, который шел посередине высоты склона мыса. Как и в 1963 г.², в шурфах найдены обломки глиняных женских фигурок (рис. 36, 18, 21, 22, 24); на одной из них — точечный орнамент, сходный с орнаментом на плакетках-амулетах. Подобные глиняные женские фигурки известны, кроме Борисоглебского, на

¹ А. Ф. Дубынин. Результаты работ Можайской экспедиции. КСИА, вып. 94, 1963, стр. 60—63; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 150.

² Р. Л. Розенфельдт. Разведки и раскопки дьяковских городищ в Подмосковье в 1960—1963 гг. КСИА, вып. 102, 1964, стр. 111.

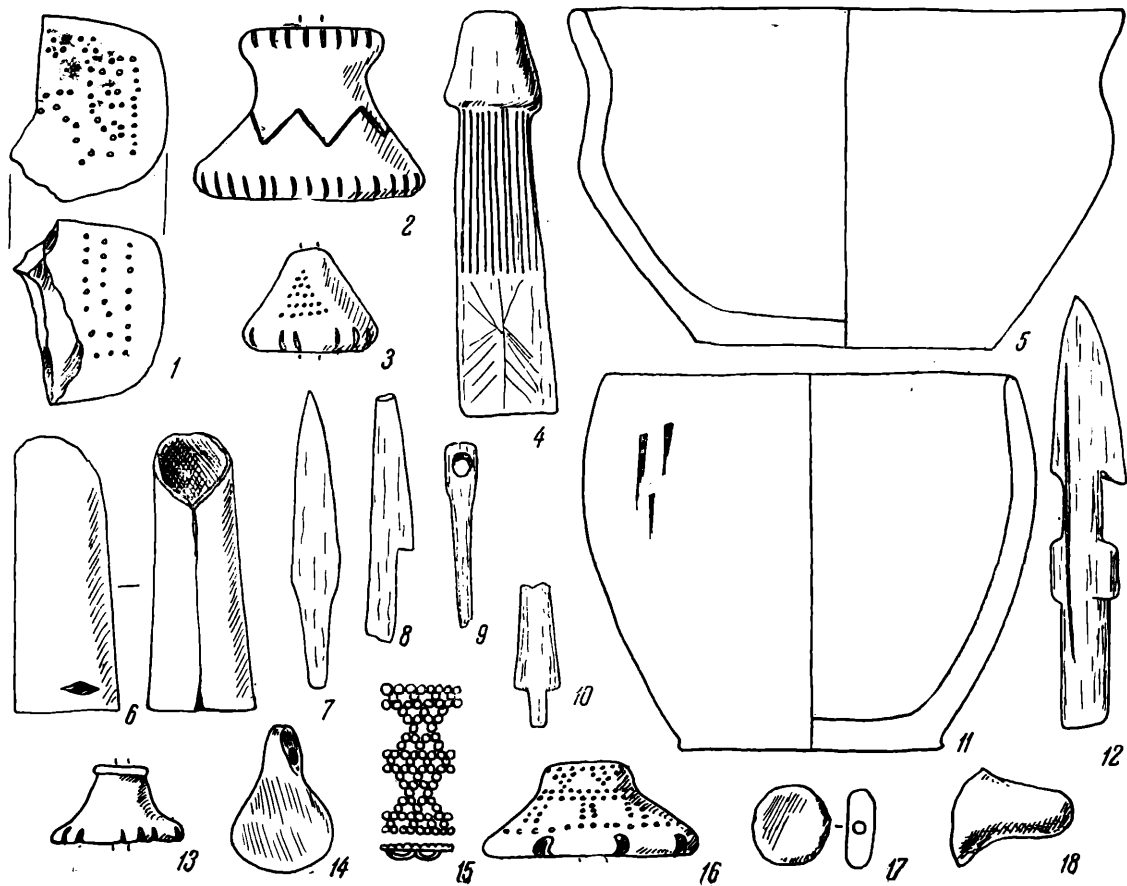
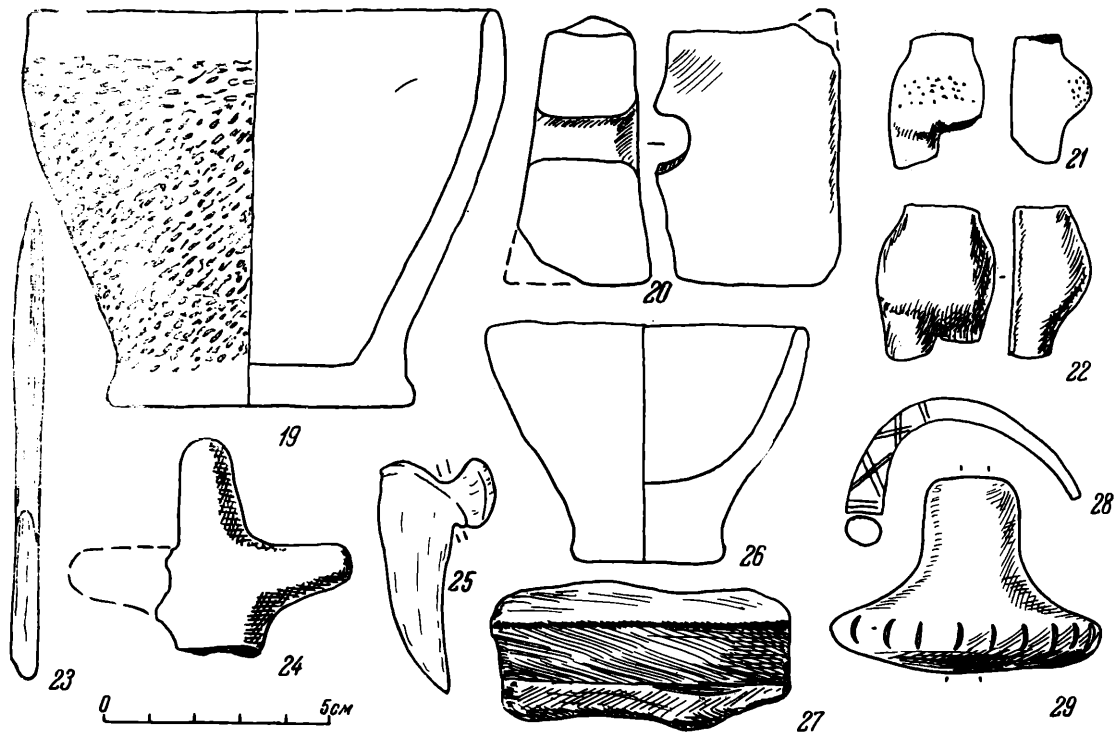

Рис. 36. Находки из сборов и раскопок на Успенском, Борисоглебском и Тучковском городищах

1 — глиняная плакетка; 2, 3, 13, 16, 29 — грузики дьякова типа; 4 — костяная ручка ножа; 5, 11, 19, 26 — сосуды; 6 — железная втулка маконечника копья; 7, 8, 10, 23 — костяные стрелы; 9 — костяная проколка; 12 — костяной гарпун; 14 — глиняная подвеска; 15 — бронзовое украшение; 17 — глиняная бусина; 18, 21, 22, 24 — обломки глиняных женских фигурок;

Рис. 36 (продолжение). Находки из сборов и раскопок на Успенском, Борисоглебском и Тучковском городищах
 20 — «рогатый кирпич»; 25 — подвеска из когтя медведя; 27 — глиняная литейная форма; 28 — бронзовый браслет. 1—6, 28 — Успенское городище, 7—27 — Борисоглебское городище; 29 — Тучковское городище

Успенском, Дьяковском, Огубском, Шуклинском городищах и на городище Кузнечики. Культовое значение этих фигурок, возможно, связано с развивающимся в это время в лесной зоне земледелием. Среди изделий из глины были и «рогатые кирпичи», известные из раскопок ранних поселений дьяковской и юхновской культур. На Борисоглебском городище наряду с обломками крупных «рогатых кирпичей» высотой до 20 см были и миниатюрные, высотой в 5,5 см (рис. 36, 20) и в 2,5 см. Из украшений найдены глиняные бусы шаровидной, овальной, дисковидной (рис. 36, 17) и цилиндрической форм и глиняная подвеска (рис. 36, 14). В верхнем слое были обломки больших шлакированных льячек, аналогичные которым найдены на Успенском городище, и обломок глиняной литейной формы, по-видимому, для отливки пластинчатого браслета (рис. 36, 27). Так же как и на Успенском городище, встретила глиняная плакетка-амулет с точечным орнаментом. Среди грузиков дьякова типа (рис. 36, 16) есть миниатюрный, высотой в 1,5 см (рис. 36, 13); довольно много найдено миниатюрных сосудов (рис. 36, 26); встречены и глиняные погремушки. К нижнему слою городища относятся два сосуда. Один с сетчатым орнаментом, со слегка суженной горловиной и почти прямым краем (рис. 36, 19); второй — грубый, лепной, верхняя треть тулова орнаментирована треугольниками вершинами вниз, нанесенными оттисками косопоставленной палочки (рис. 36, 11). В верхнем слое городища наряду с неорнаментированной и украшенной узорами грубой керамикой встречены лощеные сосуды, светлые и темные, и большая серия подлощенных сосудов.

Наиболее многочисленными изделиями из кости были проколки (рис. 36, 9), найдено несколько стругов из ребер крупного рогатого скота или лося, а также костяные наконечники стрел, широко распространенных в дьяковской культуре типов (рис. 36, 7, 10, 23), асимметричная стрела с шипом (рис. 36, 8), которая применялась при стрельбе из лука по рыбе. Обнаружен и костяной гарпун обычного типа с мутовкой (рис. 36, 12). Подобные гарпуны бытовали в лесной зоне Восточной Европы более тысячелетия и часто встречаются при раскопках в Подмоскowie. Интересны и два амулета. Один сделан из клыка кабана, а другой — из когтя медведя (рис. 36, 25). Эта находка говорит о широком распространении культа медведя в лесной полосе Восточной Европы. Среди изделий из бронзы Борисоглебского городища, представленных в большинстве случаев обломками вещей, встречена целая фигурная ажурная накладка, составленная из шариков ложной зерни (рис. 36, 15). Она напоминает бантикообразные накладки, выполненные в той же технике, изредка находимые на дьяковских поселениях первой половины I тысячелетия н. э. Изделия из железа тоже относительно редки, найдены лишь обойма поясной пряжки и два ножа.

При строительных работах на городище у с. Успенского на р. Москве³ культурный слой с площадки был счищен на склоны; мыс, на котором располагалось поселение, частично уничтожен. В 1964—1965 гг. при осмотре городища и его площадки и склонов, помимо большого количества керамики, найден обломок медного незамкнутого круглого в сечении браслета с утолщенными концами (рис. 36, 28). На них орнамент в виде поперечных нарезок и косых крестов, прочерченных сведенными линиями. Подобный целый браслет был обнаружен на этом поселении в 1954 г. А. В. Успенской и на основании прибалтийских аналогий датирован VI в.⁴ На склоне городища найдена глиняная плакетка, украшенная по лицевой и оборотной стороне точечным орнаментом (рис. 36, 1), подобная найденным прежде на

³ А. В. Успенская. Успенское городище. КСИИМК, вып. 68, 1957; Ю. А. Краснов, Н. А. Краснов. Обследование памятников дьяковской культуры в долине Москвы-реки. СА, 1963, № 1; Ю. А. Краснов. Раскопки на Успенском городище в 1961—62 гг. КСИИМК, вып. 102, 1964.

⁴ М. Х. Шмидельман. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, стр. 134, рис. 32, 8.

этом городище. Это предмет, несомненно, культового назначения и, по-видимому, носился на груди как амулет. В некоторых из них есть стверстия для шнура. Подобные плакетки известны с Дьяковского, Щербинского, Огубского, Старшего Каширского, Фроловского (расположенного в районе г. Гжатска), Палецкого и Борисоглебского городищ. Встречены они и на городище Кузнечики. Судя по заглаженности и подлощенности поверхности некоторых из этих предметов, думается, что они могут датироваться III—V вв. н. э. К поздним изделиям относятся ножи XII—XVI вв.; железный нож с горбатой спинкой и втулка от наконечника копья относятся к дьяковскому времени (рис. 36, б). Костяные изделия представлены преимущественно различной формы проколками, как с отверстием в головке, так и без него. Интересна костяная ручка ножа с грибовидным навершием (рис. 36, 4). Она украшена в нижней части елочным орнаментом, а в верхней части — продольными каннелюрами. Костяные рукоятки ножей с относительно массивными грибовидной формы навершиями широко распространены на поселениях раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. Они известны на Старшем Каширском, Щербинском, Дьяковском, Кропотовском, Прислонском, Кафтинском городищах, на городище Круглица и Блюдечко (г. Коломна), а также на поселении Веретье II. В более западных и южных городищах преимущественно были распространены ручки с грибовидным утонченным навершием. Такие найдены на Тушемлинском и Наквасинском городищах, на городище Кузина гора. Впрочем, на Щербинском и Мамоновом городищах Подмосковья встретились подобные костяные рукоятки. Время бытования обоих типов ручек ножей пока не может быть определено достаточно точно. На Успенском городище встретилась и большая глиняная льячка-тигель с массивной блоковидной ручкой. Этого типа льячки, обычно сильно шлакированные, известны в большом числе с Троицкого, Щербинского, Огубского и других городищ Москворечья и Оки, где они встречаются преимущественно в верхних слоях, которые могут быть датированы серединой I тысячелетия н. э. При сборах на Успенском городище найдено несколько грузиков дьякова типа, три из них — с орнаментом. На боковой поверхности одного — узор в виде прочерченной ломаной линии (рис. 36, 2), на другом изображен треугольник, образованный двумя десятками острых наколов (рис. 36, 3), на третьем — треугольники, вытянутые в линию. Интересен и лощеный горшок из глины желтого цвета (рис. 36, 5). Кроме того, встретилось несколько каменных точильных брусков, каменные и глиняные пряслица, несколько заготовок костяных и роговых орудий. Интересна и находка крупной синей бусины из непрозрачного стекла с кольцевыми белыми глазками. По мнению В. Б. Деопик, они датируются VI—IX вв.⁵

⁵ В. Б. Деопик. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. СА, 1961, № 3, стр. 202—232, рис. 5, 6.

И. Д. ЗИЛЬМАНОВИЧ

ГОНЧАРНЫЕ ПЕЧИ ЛУКИ-ВРУБЛЕВЕЦКОЙ¹

В 1956—1958 гг. при раскопках поселения черняховской культуры в Луке-Врублевецкой на Среднем Днестре, проводившихся Днестровско-Волынской экспедицией под руководством М. А. Тихановой, были обнаружены гончарные печи. На западной окраине древнего поселения, в урочище, известном у местного населения под именем «Гончары» (раскоп IV), под бесформенным развалом обмазки открылись остатки двух однотипных горнов (№ 1 и 2) и следы совершенно разрушенной третьей печи. Горны расположены на береговом склоне, на расстоянии около 2 м один от другого. Устья всех горнов обращены на юг, к реке. По своей конструкции печи относятся к двухъярусным горнам (с верхней обжигательной камерой и нижней отопительной), но верхние камеры печей не сохранились. Горн № 1 (рис. 37; рис. 38) лишь в северной части незначительно возвышается над уровнем материка (последний в древности был, видимо, несколько выше). Раскопками вскрыта нижняя, врезанная в материк отопительная часть горна. Остатки этой камеры подымались над уровнем нижнего пода на 80—90 см в северной и 36 см — в южной части, а затем сходили на нет. Восточная стена более скруглена. По середине горна стояла также вырезанная в материке стенка, не доходившая до устья горна и разделявшая камеру на два канала (длина стенки 2,3 м, ширина в основании 33—35 см, высота около 80—90 см). Видимо, еще в древности она была разрушена и больше не подновлялась. Общая длина горна по продольной оси пода около 3,4 м (со всем развалом до 4 м). Не вполне симметричный, почти овальный горн в наиболее широкой части достигал 2 м; ближе к устью расстояние между стенками уменьшалось до 1 м. Стены были обмазаны глиной и обожжены до серого цвета (толщина обмазки 2—2,5 см, материк прожжен на 5—6 см). Тонкий под сделан из той же обмазки. Гораздо более тщательно обмазана опорная перегородка (до 5—10 см у торцовой стены печи). К югу от горна материк понижается, образуя неглубокую припечную яму, заполненную золой. При разборке горна в развале и слое найдено незначительное количество керамических обломков. В гораздо большем числе они находились в яме к северо-западу от горна. Яма имеет неправильную форму и заполнена пережженной керамикой с большим количеством ошлакованных фрагментов.

Горн № 2 (рис. 37 и рис. 38) сохранился гораздо лучше. Он ориентирован почти так же, как и горн № 1, но с некоторым отклонением к западу. Уцелевшая полностью опорная стенка, функциональная роль которой здесь очевидна, разделяла топочную камеру на два несимметричных рукава. Массивная, с заметно суживающимся южным концом она достигала

¹ Доклад, прочитанный на Группе славяно-русской археологии ЛОИА 12 мая 1964 г.

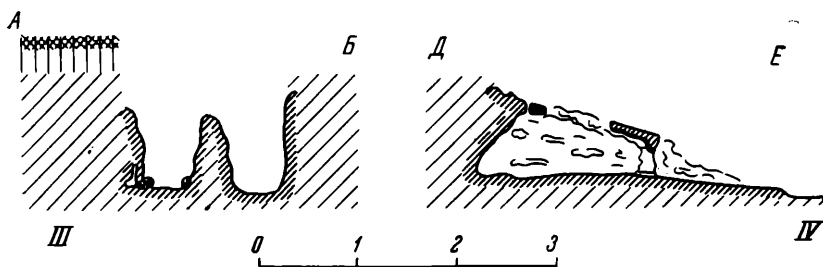
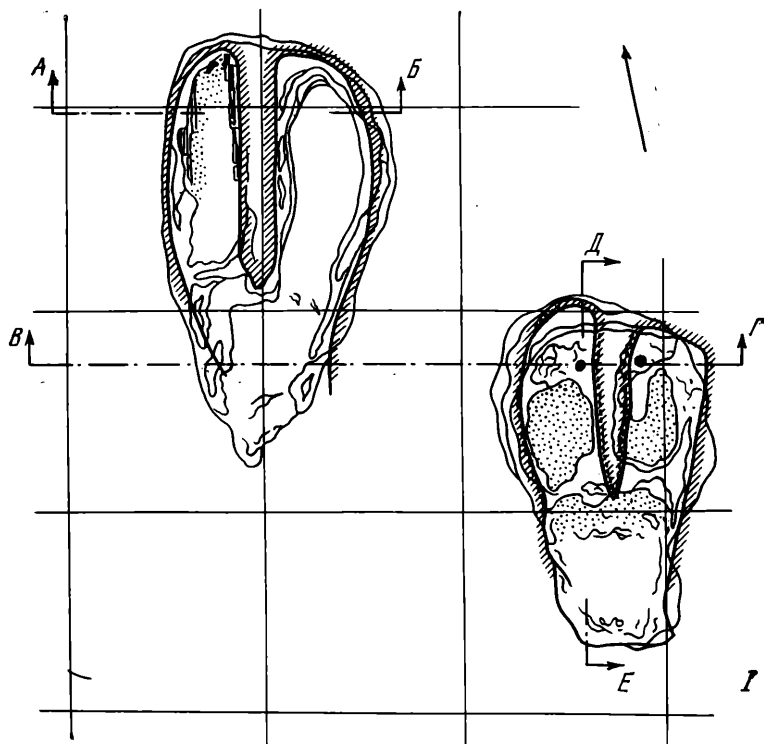

Рис. 37. Лука-Врублевская:

с — план участка раскопа IV с гончарными печами и разрезы печей № 1—2
 1 — обожженный материк; 2 — глиняная обмазка; 3 — остатки обугленного дерева; 4 — материк;
 5 — культурный и дерновой слой

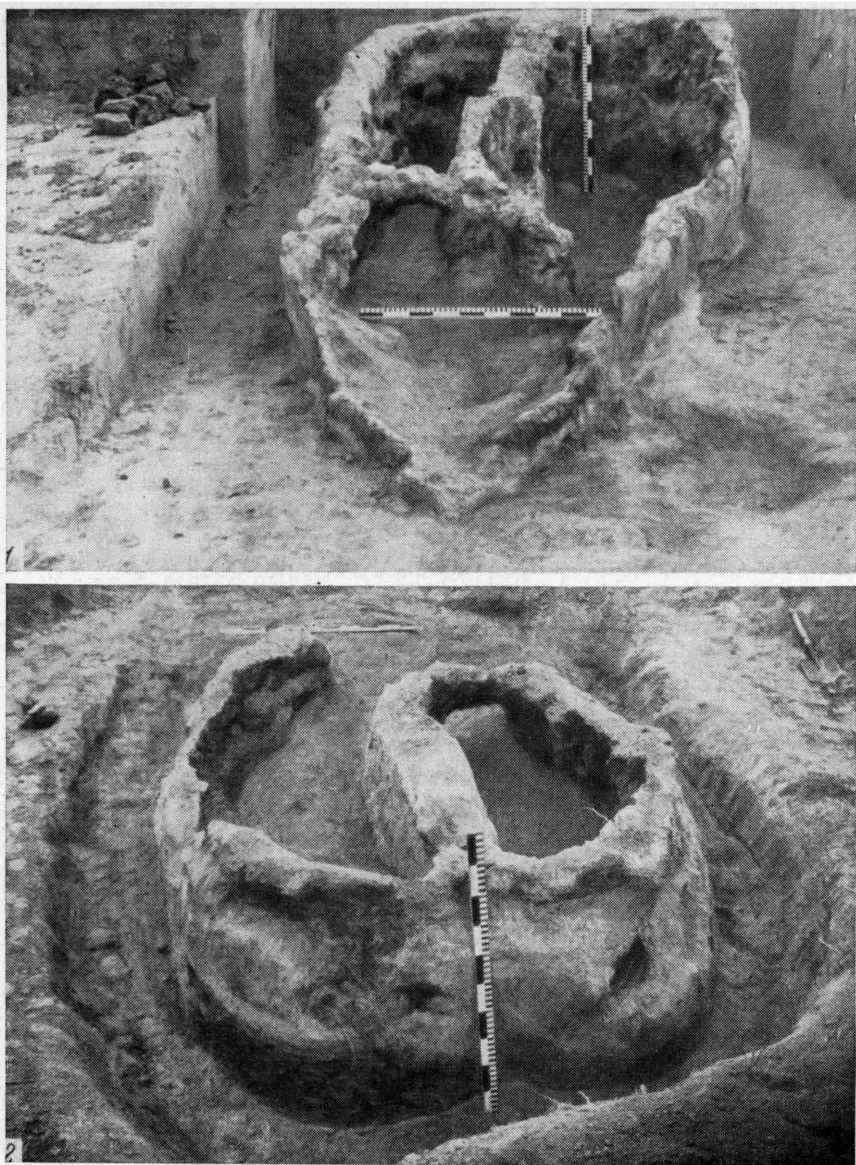

Рис. 38. Лука-Врублевская. Раскоп IV. Гончарные печи № 1 (а) и 2 (б)

в длину 1,9 м при высоте 70—50 см. На плоской горизонтальной поверхности перегородки (ширина стены у основания 56 см) в толстом слое обмазки лежали куски решетки — пода верхней (обжигательной) камеры. Обломки решетки как бы повисали над северо-западной частью нижней камеры; следы осевшей решетки и перекрытия были видны и на южном конце опорной стены. Толщина сохранившейся части решетки достигает 20 см. В ней по обе стороны массивной перегородки находились «продухи» — отверстия (4—5 см в диаметре), соединяющие верхнюю камеру с топкой. Длина горна по поду достигала 3 м, длина стен 2,2—2,4 м. При ширине торцовой стены в 1,7 м в средней части горн достигал в развале 2 м и сужался к устью до 1,2 м. Максимальная высота стен, т. е. высота топочной камеры от пода до решетки, равнялась 70 см, постепенно падая до 35 см в

южной части печи. В топочной камере горна № 2 оказалось два пода один над другим. На верхнем поду, как и в горне № 1, сохранились остатки обугленных дров. Под верхним подом оказалась сбитая из глины прослойка с пятнами угля и золы. На 20 см ниже упомянутого пода залегал более ранний под, также прожженный до серого цвета. Эта двуслойность особенно хорошо прослеживалась в восточной части отопительной камеры. Очевидно, первоначальная высота топочной камеры (от раннего пода) была равна приблизительно 90 см. Следы ремонта подтвердились и на обмазке из глины с глеем, покрывающей изнутри весь горн. На опорной стене хорошо сохранились два слоя обмазки с ошлакованными следами заглаживания глины пальцами. У торцовой стены толщина обмазки превысила 10 см. На нижнем поду было много углей, золы и несколько черепков черняховской керамики. Весь горн резко сполз — по склону к реке, к югу, и в этой своей части сохранился гораздо хуже.

Рядом с горном № 2 не обнаружено следов припечной ямы для закладки дров в топку. Возможно, что резкий, крутой склон берега давал возможность обойтись без ямы. К востоку от горна было неопределенной формы углубление, заполненное битой и деформированной при обжиге посудой. Скопления керамики были и позади горна, к северо-западу от него.

Таким образом, вскрытые раскопками горны представляют собою двухъярусные сооружения. Нижние топочные камеры, разделенные перегородкой, имели вид рукавов, устья которых направлены к реке. Решетка, являющаяся одновременно перекрытием для нижней камеры, служила подом для верхней. В материке обнаружены прожженные следы жердей, поддерживавших решетку при ее сооружении. Как в лучше сохранившемся горне № 2, так и в горне № 1, опорная перегородка не проходит через весь под, покрывая «среднюю ось» пода на $\frac{2}{3}$ в горне № 1 и около $\frac{1}{2}$ во втором горне. Южная часть горна служила устьем топки и каналом, ведущим из отопительной камеры в припечную яму, где работал гончар, закладывавший дрова в топку, следивший за режимом обжига и выгребавший золу. Длина этого канала около 0,9—1 м.

Учитывая размеры опорной стенки и форму всего сооружения, обжиговая камера горна № 2 должна была быть почти круглой в плане с внутренним диаметром около 1,6—1,8 м. Горн № 1 отличался более вытянутыми пропорциями. Овальная форма и большие размеры обоих горнов отмечены в статье М. А. Тихановой².

Обращает на себя внимание необычная высота нижних отопительных камер обоих горнов. Данных о форме перекрытия верхней камеры, очевидно, возвышавшейся над материком, раскопки не дали.

Принадлежность горнов к поселению черняховской культуры подтверждается прежде всего керамикой. Если нанести на план всего IV раскопа найденную здесь керамику III—IV вв., то вся она сосредоточится в определенных местах: наибольшее ее количество с многочисленными покоробленными и деформированными обломками — в районе горна № 2, в яме за горном № 1 и на предполагаемом месте разрушенного горна № 3. Ямы за горном № 1 и к востоку от горна № 2 были не припечными, а мусорными, куда выбрасывали брак гончарного производства и битую посуду (некоторое количество бракованной посуды находили и при раскопках прошлых лет). В районе горнов полностью отсутствует керамика других культур, известных на поселении. Недалеко от горна № 2 найдена бронзовая, с подвязным приемником фибула конца III в. н. э. Следует оговориться,

² М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 181.

Доклад о раскопках печей в Луке-Врублевецкой был прочитан М. А. Тихановой 4 апреля 1957 г. на секции славяно-русской археологии расширенного пленума ИИМК АН СССР.

что рассмотренные горны резко отличны от находившегося тут же, в 6 м к юго-востоку от горна № 2, древнерусского горна (№ 4).³

Сравнение горнов № 1 и 2 с керамическими горнами позднееримского времени подтверждает выше приведенную датировку и помогает реконструировать данные печи, так как подобного типа горны хорошо известны и в ряде других памятников.

В первой половине I тысячелетия н. э. в Европе широко распространяются небольшие двухъярусные горны вертикальной конструкции с круглой в плане обжигательной камерой, существовавшие параллельно с большими печами античных городов и колоний. Среди них различаются (главным образом особенностями строения опоры для обжигательной камеры) два устойчивых типа: горны с опорной стенкой, восходящие по своей конструкции к кельтским образцам, и горны более округлые в плане, у которых опорную решетку поддерживает центральный столб. Помимо двух главных типов, могли существовать также небольшие по размерам горны, не имеющие ни столбов, ни стенки.

Горны первого типа, к которым принадлежат и печи Луки-Врублевецкой, разнообразны по своей конструкции. Диаметр колеблется между 140 и 170 см (только в Альбе Юлии в Румынии диаметр обжигательной камеры равен 190 см). Высота отопительной камеры редко достигает 60 см. Обычной можно считать высоту стенки всего в 45 см. Поэтому казались неожиданными параметры печей Луки-Врублевецкой (диаметр горна № 1—1,90 м; № 2—1,6—1,8 м, высота 0,7—0,9 м). Продолжая сравнение лукинских горнов с другими известными горнами, следует указать, что обратившая на себя внимание удлиненная форма отопительной камеры (особенно горна № 1) также имеет параллели в других памятниках. Так, нижний под многих горнов Иголоми имеет тоже вытянутую форму⁴. Наряду с вышеописанными известны в Иголоми и горны со стенками, подобными стенкам горна № 2 Луки-Врублевецкой, в которых под-решетка отопительной камеры по диаметру равнялась длине стенки (есть и переходные типы). И двухканальные, и одноканальные рукава топки спускались наклонно в припечную яму. Видимо, особенностью рельефа Луки-Врублевецкой объясняется большая высота нижней камеры. У латенских горнов этот канал обычно короткий, что давало иногда возможность обойтись одним круглым перекрытием для верхней камеры и топки.

В Фанагории (горн IV в.) устье («praefurnium») оказалось замураванным в момент функционирования печи, чтобы в печи посуда остывала медленно и постепенно⁵. Объем топочной камеры горнов в Иголоми требовал, по подсчетам Л. Гаевского, 0,7—1,5 м³ дров⁶. Топили дубовыми дровами, дающими невысокое и сильное пламя (до 1300°). В камеры через устье закладывались длинные поленья: в Луке-Врублевецкой в западной части горна № 1 лежали дубовые плахи длиной около 1 м.

Верхняя обжигательная камера подобных горнов обычно плохо сохраняется, ее куполовидное перекрытие, за редким исключением, не доходит до нас. Судя по частично сохранившимся сводам горнов (Иголоми, Будеш-

³ И. Д. Зильманович. Древнерусская гончарная печь в с. Лука-Врублевецкая. «Тези доповіді Подільської історико-краєзнавчої конференції». Хмельницький, 1965, стр. 86, 87.

⁴ L. Gajewski. Produkcja pracowni garncarskich w Igołomi. Archeologia Polski, t. III, z. I. Wrocław, 1959, str. 110 и сл.; Idem. Wykopaliśka w Igołomi, pow. Proszowice, w 1961 roku. «Sprawozdania archeologiczne», XV. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963, str. 155—175; Idem. Z badań nad wyspecjalizowanym garncarstwem, okresu późnolateńskiego i rzymskiego w dorzeczu górnej Wisły. «Sprawozdania Archeologiczne», V. Wrocław — Kraków, 1959, str. 283, rys. 1.

⁵ В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные камеры по раскопкам Керчи и Фанагории 1929—1931 гг. ИГАИМК, вып. 80, М.—Л., 1934, стр. 83, и сл.

⁶ L. Gajewski. Produkcja pracowni..., str. 115, 116.

ты и др.⁷⁾), перекрытия имели форму усеченного конуса, как и в печах с центральным столбом, свод обязательно имел отверстие сверху для загрузки изделиями гончара.

Не пытаясь ответить сейчас на вопрос о происхождении данной группы печей, сознательно ограничивая работу только рассмотрением типов горнов, следует все же отметить некоторые любопытные явления. Это касается прежде всего распространения горнов с опорной стенкой и столбом на территории Средней Европы в III в., когда здесь появляются ремесленники-гончары, возрождающие некоторые кельтские традиции. В настоящее время на Верхней Висле раскопаны крупные гончарные «мастерские»⁸. Далее на восток, во Львовской области известны печи того же типа в Рипневе II⁹, в Гольни¹⁰. Еще юго-восточнее — Лука-Врублевецкая. И в то же время на соседней территории располагаются печи с центральным опорным столбом: в Неслухове Львовской области¹¹, в Лепесовке на Волини. В принципе им подобны горны восточного района черняховской культуры¹². Особенно много печей со столбом открыто на территории современной Молдавии и Румынии. Но здесь имеются горны и со стенкой, известные также и западнее — в Венгрии, Моравии, Словакии.

Несовпадение ареала горнов различной конструкции не случайно. Только в Румынии, на Правобережье и в Западной Украине имеются те и другие типы одновременно. Видимо, горны с центральным столбом совершенно иного происхождения и культурной принадлежности, чем горны кельтского типа, к которому относится и комплекс Луки-Врублевецкой. В настоящее время этот памятник является самым восточным пунктом Украины, где встречены подобные сооружения. Дальнейшее исследование всех материалов раскопок позволит более точно определить положение памятников типа Луки-Врублевецкой в черняховской культуре.

⁷ Э. А. Рикман. Раскопки у с. Будешты. «Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики». Кишинев, 1960, стр. 199, рис. 6—7.

⁸ L. Gajewski. Produkcja pracowni...; T. Reymann. Piece garncarskie fabryczne; osady w Tropiszowie z okresu gżómskiego. Z otchłani wieków, t. IX, z. 3—5. Kraków — Poznań, 1934, str. 50—65.

⁹ В. Д. Баран. Памятники черняховской культуры бассейна западного Буга. МИА, № 116, 1964, стр. 235—238.

¹⁰ B. Janusz. Przedhistoryczna pracownia garncarska w Hołyniu pod Kaluszem. Lwów, 1924.

¹¹ L. Kozłowski. Zarys pradziejów Polski południowo — wschodniej. Lwów, 1939, str. 98, 99, rys. 9.

¹² И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, стр. 154, 155, рис. 84.

К. В. КАСПАРОВА

МОГИЛЬНИК И ПОСЕЛЕНИЕ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ
У ДЕР. ОТВЕРЖИЧИ¹

В 1963 и 1965 гг. экспедицией Государственного Эрмитажа были продолжены раскопки на могильнике и поселении зарубинецкой культуры у дер. Отвержичи Столинского района Брестской области.

Исследование этих памятников начато Ю. В. Кухаренко в 1957 г. На могильнике им обнаружено 13 погребений, а на поселении раскопан небольшой участок². В 1963 и 1965 гг. нами на могильнике вскрыта площадь около 2400 м², на которой открыто еще 62 погребения. Из всех 75 погребений, вскрытых на могильнике, в 67 находились остатки трупосожжений — 49 ямных и 18 урновых. В восьми случаях костей не обнаружено. Это были кенотафы или погребения, в которых кости не сохранились. Обломков пережженных человеческих костей в погребениях немного. Почти во всех случаях они очищены от остатков погребального костра, следов которого нигде не обнаружено. Захоронения производились в округлых или удлиненных ямах глубиной 0,40—0,80 м от уровня современной поверхности. В древности места могил, по-видимому, отмечались каким-то образом, так как погребения никогда не перерезают друг друга. На дне заполнения погребальной ямы (погребение 51) рядом с костями и к западу от сосудов прослежена ямка диаметром 12 см с остатками негорелого дерева. Возможно, что в данном случае погребение было отмечено деревянным столбиком, что имело место и на других полесских могильниках зарубинецкой культуры (Велемичи I и II).

В ямных захоронениях обломки пережженных костей покойников ссыпались непосредственно на дно ямы, а сосуды ставились к востоку или северо-востоку от них. В погребениях 63 и 67 кости черепа лежали отдельно, между сосудами и остальными костями.

В урновых погребениях кости помещались в горшок, который часто сопровождали другие сосуды (погребение 25, 32, 34, 42, 57, 66). В четырех случаях урны были прикрыты сверху другими сосудами или их обломками (погребение 27, 29, 39, 42). Иногда урнами служили небольшие «хрпованные» горшки или кружки.

Урновые захоронения встречались на всей территории могильника, но большая часть их группировалась в его восточной стороне. Все детские погребения оказались урновыми³.

¹ Доклад, прочитанный на заседании секции раннего железного века Пленума Ин-та археологии АН СССР 18 апреля 1966 г.

² Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, вып. Д 1-29, 1961, стр. 26.

³ Антропологические определения произведены В. В. Гинабургом, за что приношу ему глубокую благодарность.

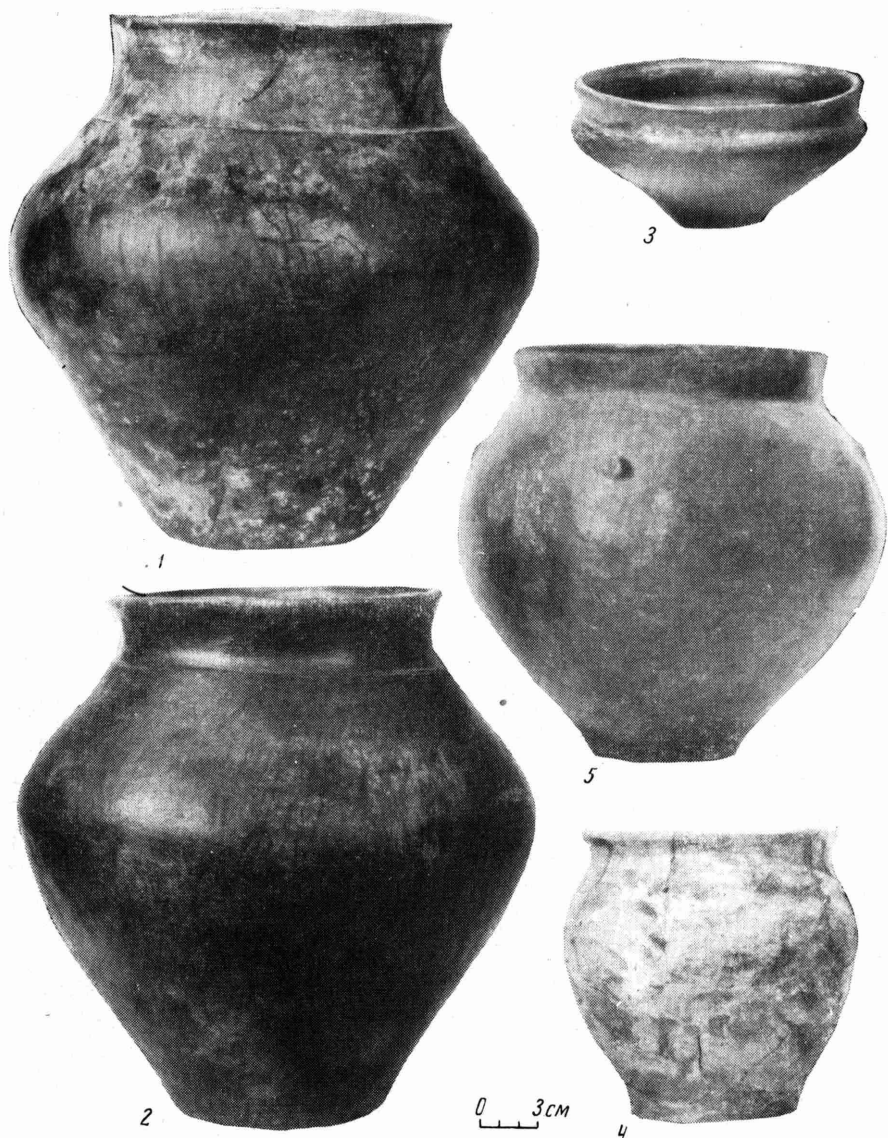

Рис. 39. Дер. Отвержици. Могильник. Глиняные сосуды из погребений
1 — погребение 61; 2 — погребение 74; 3 — погребение 17; 4 — погребение 42; 5 — погребение 21

Почти во всех погребениях находились глиняные лепные сосуды. Набор их — довольно типичный для полесских могильников: горшок, миска, кружка, а иногда и маленькая стопочка. Большинство сосудов лощеные.

Наиболее интересна группа керамики ранних форм. К ней относятся большие (до 35 см высотой) чернолощенные горшки с наклоненной внутрь горловиной, отделенной от выпуклого биконического тулова круговым уступом, «вазовидные» горшки (рис. 39, 1, 2). Максимальная ширина таких сосудов обычно не превышает высоту. В эту группу входят и горшки с выпуклым округлым туловом и прямым венчиком типа, указанного на рис. 39, 5. Этот экземпляр был, кроме того, украшен восьмью шишечками, идущими по плечикам. Для ранних погребений характерны также горшки с высоко приподнятыми плечиками и вытянутым туловом, «хруповатые» горшки (рис. 39, 4), горшки с бугристой поверхностью покрытой пальцевыми расчесами, миски на поддонах.

Раскопками 1965 г. впервые на полесском могильнике в погребении (вместе с горшками ранних форм) обнаружена темно-серая нелощеная миска с фацетованным венчиком и округлыми плечиками.

В позднюю группу керамики входят небольшие лощеные биконические горшки с резко отогнутым горлом, слабопрофилированные горшки и горшки, украшенные подковообразными напеками — «псевдоушками» или имитирующими их пролощенными линиями.

Миски делятся на низкие и глубокие, разных размеров. Кроме того, довольно много хорошо лощеных мисок с четко выраженными плечиками (рис. 39, 3). Все они встречаются в погребениях как раннего, так и позднего периодов.

Большую группу составляют кружки — 47 экземпляров. Почти все они лощеные, высотой от 5 до 10 см, с ленточной ручкой, которая начинается от края венчика. Изредка тулово кружки имеет ребро, а ручка икс-образную форму.

Многие погребения, кроме сосудов, сопровождалась металлическими вещами, главным образом фибулами. Всего на могильнике их найдено 30 экземпляров, в том числе 20 бронзовых и 10 железных. Часть фибул относится к среднелатенской схеме и датирует погребения I в. до н. э. Довольно много фибул зарубинецкого типа, среди которых имеются и самые ранние их варианты (рис. 40). Шесть фибул позднелатенской схемы «воинских» с прогнутой спинкой. Раскопками Ю. В. Кухаренко найдены бронзовая литая фибула провинциально-римского типа и бронзовая фибула с пластинчатой выгнутой спинкой и сплошным приемником⁴.

В погребении 17 найден бронзовый трехвитковый браслет из круглого в сечении стержня с расплюснутыми концами (рис. 40); в погребении 67 — маленький бронзовый пластинчатый браслет с заходящими концами.

Интересен богатый инвентарь погребения 54. Его сопровождали чернолощенные сосуды, горшок и миска, две бронзовые зарубинецкие фибулы и другие украшения, частично положенные в деревянный ящичек, от которого сохранился слой негорелого дерева — под вещами и на них. Здесь находились бронзовые спиральки, трубочки, черная стеклянная цилиндрическая бусинка, украшенная пояском из белого заглушенного стекла, и два экземпляра сложных подвесок. Каждая из них состоит из трех соединенных колечком цепочек с подвесками на концах. К одной подвешены две одинаковые трапециевидные подвески, орнаментированные продольными полосками, выдавленными с обратной стороны (рис. 40). На концах другой — две различные трапециевидные подвески больших размеров. Одна из них орнаментирована аналогично описанному выше, а вторая — выпуклыми поперечными полосками и пунсоном. Недалеко находилась еще одна крупная подвеска такой же формы, украшенная круглыми выпуклостями, окруженными пунсоном.

⁴ Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 26, табл. 10, 6, 16.

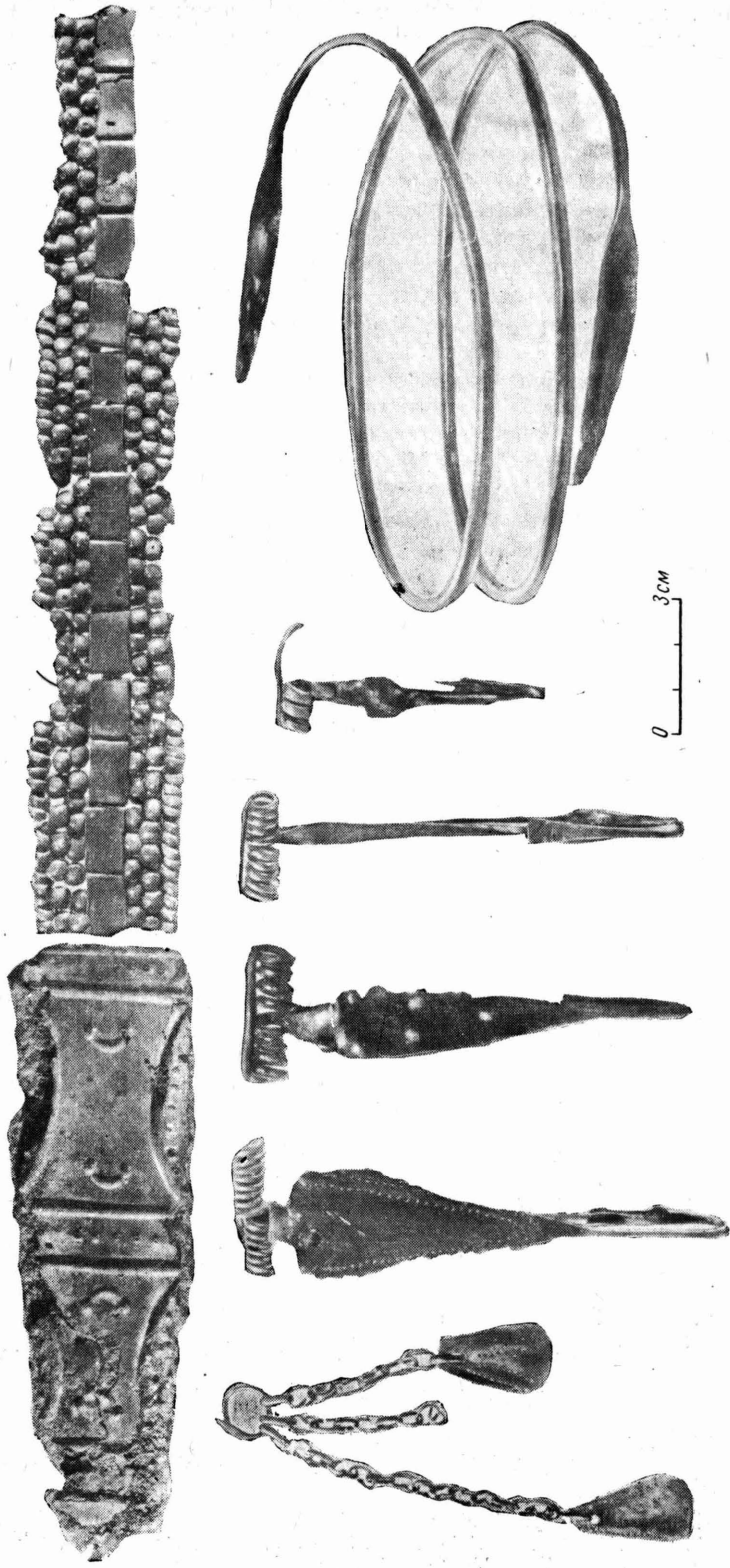

Рис. 40. Дер. Отвержичи. Могильник. Бронзовые украшения из погребений

Из погребения 31 происходит самая интересная находка, уникальная для памятников зарубинецкой культуры — это поясной набор, состоящий из куска кожаного пояса, украшенного бронзовыми пластинками и бляшечками, и пластинчатого поясного крючка с отломанным концом (рис. 40). Для закрепления пластинок и бляшек кожа пояса была прорезана насквозь в отверстия продеты их края и загнуты с обратной стороны. Затем эта сторона покрывалась вторым слоем кожи и оба слоя соединялись по краям плотно пригнанными друг к другу бронзовыми проволочными скрепами, имитирующими обмотку. Поясной крючок представляет собой железную пластину трапециевидной формы, покрытую бронзовым орнаментированным листом. В орнаментации сочетаются подковки с круглыми шишечками на концах, прямые и полукруглые валики и мелкие жемчужинки. Обратная сторона железной пластины покрыта отпечатками полотняной ткани. Здесь же были найдены железные обломки второй части поясного крючка с остатками стерженька и бронзовыми пластинками с шипами. Поясной крючок, близкий нашему, имеется в Лукашевском могильнике, в Молдавии. В описании материалов из Лукашевского могильника упоминается бронзовая накладная пластина из погребения № 10, которая на самом деле представляет собой не что иное, как пластинчатый поясной крючок⁵. Других аналогий на территории Советского Союза пока неизвестно. Во то же время подобные поясные крючки широко известны в Северной Германии, в могильниках ясторфской культуры. Они являются частью сложных поясных гарнитуров, так называемых голштинских поясов, исследованию которых посвящен ряд работ немецких археологов⁶. «Голштинские пояса» состоят из больших плоских пластинчатых крючков длиной от 8—12 см (у ранних вариантов) до 30—35 см (у развитых, более поздних) и пояса, который обычно также изготовлялся из кожи и украшался различными бронзовыми пластинками и заклепками.

Так, в ранней части могильника Хорнбек (Нижняя Эльба, округ Лауенбург), относящейся к середине II в. до н. э. — середине I в. до н. э., подобные пластинчатые поясные крючки имеются почти в каждом погребении⁷. И так же как и в Отвержичах, они известны только в женских погребениях.

Большие поясные крючки есть также в позднелатенских памятниках Паннонии (например, могильник Донья Ламинцы на р. Саве), но в целом они менее сходны с нашими, чем ясторфские⁸.

Наш экземпляр по форме и размерам близок ранним типам голштинских, а по орнаментации бронзовой пластины — их более развитым вариантам⁹.

Орнаментальный мотив — выпуклые подковки с шишечками на концах, — украшающий бронзовую пластину нашего крючка, известен на широкой территории, включающей и памятники ясторфской культуры, и кельтские области Средней Европы, и иллирийские памятники Паннонии. Но, кроме того, он очень характерен для бронзовых фибул и подвесок зарубинецких памятников Полесья.

⁵ Г. Ф. Федоров. Лукашевский могильник. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 54, рис. 18, 17; стр. 55, 56.

⁶ J. Mestorf. Die Holsteinische Gürtel. Mitt. der Anthrop. Ver. in Schleswig-Holstein, 10, 1897; G. Miller. Über swebische Gürtel. Mannus, 30, 1938; K. Huckle. Die Holsteiner Gürtel im nordöstlichen Teile ihres Verbreitungsgebietes. Offa, Bd. 19, 1962, S. 47—68, Abb. 1, 2; 4, 10; H. Hingst. Zur Typologie und Verbreitung der Holsteiner Gürtel. Offa, Bd. 19, 1962, S. 69—90, Abb. 1, 3, 4; 5, 1 u. a.

⁷ A. Rangs-Borchling. Das Urnenfräberfeld von Hornbekin Holstein Offa, Bd. 18, 1963, Taf. 15, 30, 77, 102 u. and.

⁸ C. Truhelka. Resultati prehistoričkog istraživanja u. Brosni — Gercegovini. «Glasnik Zemaljskog Muzeja u Bosni i Gercegovini», XIII. Sarajevo, 1901; str. 16—29, tabl. I—II.

⁹ H. Hingst. Op. cit., S. 71, Abb. 1; S. 77, Abb. 5.

Учитывая все изложенное, можно предположить, что поясной набор из Отвержицей был не импортирован, а изготовлен по образцу голштинских с типичной для местных жителей орнаментацией.

Во время раскопок могильника Отвержичи в толще песка, вне погребений, на глубине от 0,40 м до 1 м встречалось довольно много обломков глиняных лепных сосудов в основном тех же типов, что и найденные в погребениях.

В северо-западной части вскрытой площади могильника обнаружено углубление неправильной, прямоугольной в плане формы, вероятнее всего, представляющее собой остатки жилища полуземляночного типа. Оно вытянуто с северо-востока на юго-запад, имеет размеры 4,80×3,00 м и глубину 0,70 м от уровня современной поверхности. Углубление заполнено темным гумусированным песком с вкраплениями угля, золы, кусков обожженной глины и большим количеством обломков крупных глиняных сосудов. Контуры жилища начали появляться на глубине 0,30 м. Стенки его пологие, сохранились на высоту 0,40 м. Пол жилища представляет собой плотный желтый песок с темными пятнами угля и золы. Вдоль северо-западной стенки в полу прослежены три округлые ямки диаметром 0,07, 0,11 и 0,08 м, глубиной 0,6 и 0,08 м. В юго-восточной части жилища, в 0,5 м от стенки находились остатки глинобитной печи, от которой сохранилось скопление плотно слежавшейся красновато-коричневой пережженной глины и несколько небольших обожженных камней. Диаметр развала печи 0,65 м, толщина в центре достигла 0,35 м. Она была сооружена в неглубокой округлой ямке, дно которой представляло собой обожженный докрасна углистый песок. В верхнем слое обмазки найдено десять крупных обломков от трех грубых лепных сосудов с бугристой поверхностью. К югу от очага, на полу, у стенки жилища, находились обломки нелощеного горшка с ямочными зашипами по краю венчика и нижняя часть другого толстостенного сосуда. Здесь же лежал большой камень, местами обожженный. В заполнении жилища обнаружено 170 обломков лепных нелощеных и десять обломков лощеных сосудов. Нелощеная керамика представлена в основном сосудами больших размеров (диаметр днища 0,18—0,20 м, диаметр горла до 0,30 м) с шершавой и бугристой поверхностью. Довольно много сосудов с заглаженной поверхностью, среди которых есть орнаментированные пальцевыми зашипами, мелкими ямочками или насечками по краю венчика, а также с рельефным валиком с зашипами, расположенном на плечиках горшка. Кроме того, в заполнении жилища найдено два глиняных биконических пряслица и плоское глиняное грузило. Лощеная керамика представлена теми же типами, что и погребальные сосуды на могильнике.

Керамический комплекс жилища как по соотношению лощеной и нелощеной посуды, так и по типам керамики повторяет картину, известную нам по находкам вне погребений и характерную для зарубинецких селищ.

Предварительный анализ всех материалов могильника Отвержичи дает возможность датировать его I в. до н. э.— I в. н. э., выделяя два основных хронологических этапа.

Погребения раннего периода располагались в северо-восточной части могильника, а наиболее поздней являлась его юго-западная сторона. Здесь совершенно не встречались ранние формы сосудов. В то же время именно в юго-западных погребениях 3, 5, 10, 70 пережженные кости были перемешаны с золой и углем, а в погребениях 6 и 8 находились миски с наклоненными внутрь стенками, характерные для комплексов I в. н. э. Две самые поздние для нашего могильника фибулы, датированные I в. н. э., также происходят из этой части могильника (погребение 1 и разрушенное погребение).

Упомянутая выше группа сосудов ранних форм в керамическом комплексе могильника Отвержичи занимает значительное место, что очень важно при рассмотрении вопроса о происхождении полесских памятников и их хронологии. К ранним зарубинецким формам мы относим сосуды, имеющие

прямые аналогии в позднепоморских (подклешовых) могильниках Западной Белоруссии, Волыни и Польши. Так, горшки из погребений 17, 36, 41, 63 и других очень близки урнам из могильников в Головно¹⁰, Дрогичине, Тростянице¹¹, из могильников юго-западной Польши, Гжибув, Блоне¹², Трансбор¹³ и многих других. Вазовидные сосуды из погребений 61, 74 аналогичны урнам из польских могильников Парлин, Швартув¹⁴, Чехув¹⁵.

В нескольких погребениях сосуды этой группы были найдены в комплексах с фибулами I в. до н. э. и никогда не встречались с фибулами поздне-латенской схемы. Почти все урновые погребения относятся к раннему этапу существования могильника, в том числе и группа прикритых урновых погребений. Это вполне закономерно, учитывая, что подобный обряд в предшествующих подклешовых могильниках был ведущим.

Преимственность в развитии форм сосудов, в обряде погребения, наблюдаемая в материалах могильника Отвержичи, наряду с прочими общими элементами еще раз свидетельствует о генетической близости зарубинецкой и поморской культур.

В одном километре к северо-востоку от могильника, на той же песчаной возвышенности, расположено селище, одновременное могильнику. Нами вскрыта площадь 144 м² и обнаружен культурный слой, достигающий 0,75 м толщины. Это серый гумусированный песок, слабо насыщенный обломками керамики зарубинецкого типа и редкими костями животных. Найдено всего около 200 обломков лепных сосудов. Примерно 80% керамики представлено обломками нелощеной посуды, среди которой преобладают хрупчатые сосуды, очень толстостенные и большие по размеру (толщина стенок до 2,5 см, диаметр горла до 35 см). Хрупчатость поверхности сосудов различная: чаще крупная и реже мелкая, плотная. Некоторые сосуды в верхней и нижней части прикрывались лощением, а иногда по линии раздела шел рельефный валик с защипами. Довольно много толстостенной бугристой керамики с большой примесью в тесте крупнозернистого песка или шамота.

Значительное место занимают обломки сравнительно тонкостенных (1—1,5 см) сосудов с шершавой или заглаженной поверхностью. Изредка встречаются орнаментированные сосуды. Орнамент обычный для зарубинецкой керамики — защипы или насечки по краю венчика, редкие (часто сдвоенные) ямочки по плечикам, рельефный валик, иногда покрытый защипами или ямочками.

Оригинальной является елочная орнаментация на стенке у дна очень большого сосуда или миски, а на стенке другого — выпуклая шишка, от которой расходятся два валика с неровными защипами. Интересны также два обломка больших гладкостенных сосудов с резким ребром. Встречены на селище и обломки сосудов с пальцевыми и борозчатыми расчесами и крышки с односторонним лощением или совсем без него. Судя по одному из них, форма крышки была не круглая, как обычно, а овальная или неправильно-прямоугольная. Кроме керамики, в культурном слое обнаружены большие куски овальной или округлой формы, глиняный шарик, обломок каменного топора и обломок плоской глиняной поделки с большими отверстиями. На вскрытой площади обнаружены две ямы глубиной 0,82 и 0,75 м

¹⁰ Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., табл. 7, 7.

¹¹ В. Б. Никитина. Вновь открытые памятники поморской культуры. КСИА, вып. 102, 1964, стр. 45, рис. 15, 4.

¹² S. Nosek. Kultura grobón skrzynekowych w Polsce. Południowo — Zachodniej. Kraków, 1946, tabl. XI, 2, III, 8.

¹³ A. Kietlińska, R. Mikłaszewska. Cmentarysko grobów klozowych we wsi Transbor. Materiały Starożytne, t. IX, str. 308, tabl. XI, 8; XII, 15.

¹⁴ E. Petersen. Die Frühgermanische Kultur in Ostdeutschland und Polen. Berlin, 1929, Taf. 14, 0; 24, m; 28, f.

¹⁵ S. Nosek. Op. cit., tabl. XII, 1, 9.

от современной поверхности. Размеры ям $1,13 \times 1,15$ м и $1,10 \times 1,20$ м соответственно. Ямы заполнены темно-серым песком. В первой яме обнаружено всего четыре обломка лощеных и нелощеных сосудов, а во второй — 20 обломков хрупчатых, бугристых и заглаженных сосудов, а также чернолощенная керамика и обломки покрышек с нелощеной поверхностью. Здесь же было несколько кусков обожженной глиняной обмазки и кости животных.

Никаких жилых сооружений на вскрытой части селища не обнаружено. Нет также и датирующих вещей, но в целом найденная здесь керамика типична для селищ зарубинецкой культуры. Следует только отметить особенно большое количество очень крупных сосудов с хрупчатой поверхностью.

И. С. ВИНОКУР, Л. В. ВАКУЛЕНКО

КИСЕЛЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК I — II ВВ. Н. Э.¹

У с. Киселев Кицманского района Черновицкой области в урочище Мальярка в 1960—1961 гг. производились исследования поселения черняховской культуры². В 1962 г. примерно в 1,5 км к юго-западу от этого селища на территории современного с. Киселев (в урочище Оренда) при земляных работах были обнаружены древние погребения.

Урочище Оренда расположено на берегу искусственного колхозного пруда, для сооружения которого был перегорожен безымянный ручей, впадающий в р. Совицу (приток Прута). Этот возвышенный участок правого берега безымянного ручья и был местом древнего могильника. Погребения выявлены на глубине 1,3—1,5 м при рытье котлована под общественное здание. Из потревоженных пяти скелетов, обнаруженных на площади котлована, нам удалось исследовать пятое погребение. Это захоронение находилось на глубине 1,5 м. Скелет лежал в прямоугольной яме со скругленными углами головой на юго-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. У головы лежал серый гончарной работы кувшинчик с отбитой в древности ручкой (рис. 41, 1). При других разрушенных погребениях рабочими найдены сосуды и стеклянные бусы. Эти находки не сохранились. В одном из разрушенных захоронений обнаружен античный красноглиняный кубок и обломки бронзового сарматского зеркала. Эти предметы переданы нам строителями (рис. 41, 3; рис. 42, 1).

Заложенные раскопы примыкали к котловану здания, чтобы вскрыть по возможности большую площадь, находящуюся под могильником (рис. 43).

На глубине 1,1 м в северо-западной части раскопа обнаружено захоронение 6. Скелет лежал в неглубокой яме (0,35—0,40 м от древнего уровня) и был ориентирован головой на юг. Скелет мужской. Погребенный лежал в вытянутом положении. Руки вдоль туловища. У правой руки лежал железный нож с несколько изогнутым лезвием (рис. 42, 2). В тазовой кости при сочленении с крестцовой частью выявлен окислившийся деформированный железный наконечник стрелы.

Погребение 7 обнаружено на глубине 1,25 м. Скелет лежал в яме прямоугольной формы. Это был скелет мужчины, лежавший головой на юго-восток. Руки вытянуты. У правой руки (в районе кисти) лежал железный нож, несколько меньший, чем в погребении 6.

Погребение 8 находилось в прямоугольной яме 0,8×1,9 м. Скелет лежал головой на юго-восток. Руки вытянуты вдоль туловища. Это было захоро-

¹ Доклад на секции раннего железа Пленума Ин-та археологии АН СССР в апреле 1964 г.

² Б. А. Тимошук, И. С. Винокур. Памятники эпохи полей погребений на Буковине. КСИА, вып. 90, 1962, стр. 73.

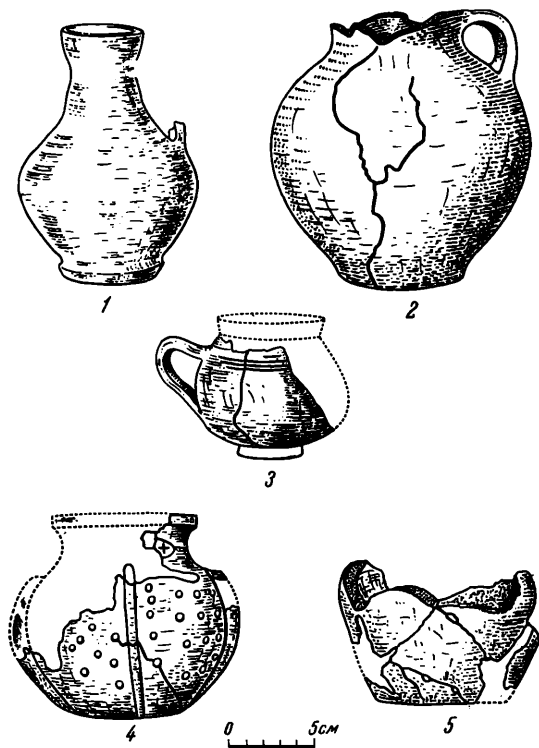

Рис. 41. Киселевский могильник. Керамика.
1, 3 — гончарные сосуды; 2, 4, 5 — лепные сосуды

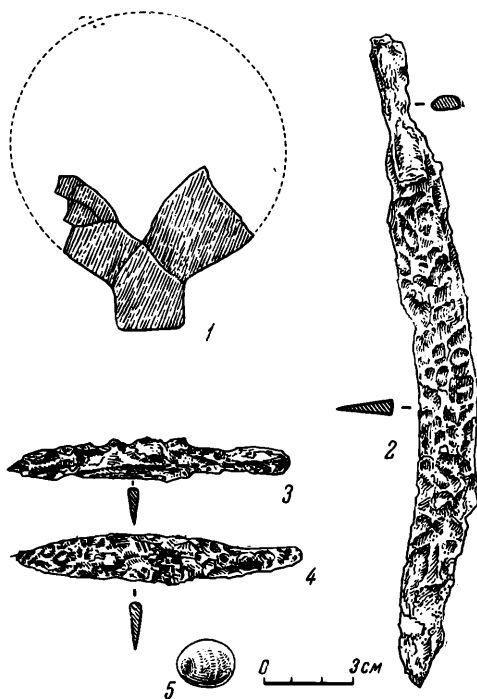
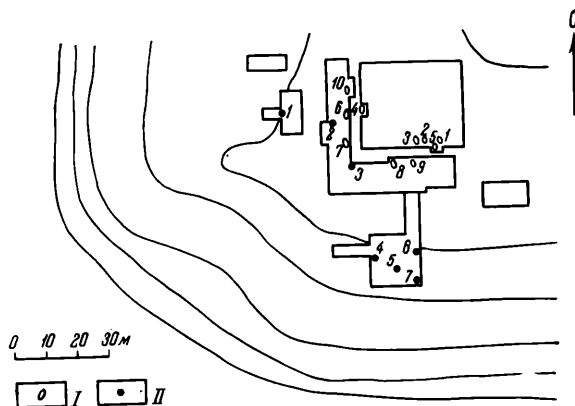

Рис. 42. Киселевский могильник. Вещи из погребений
1 — бронзовое зеркало; 2, 3, 4 — железные ножи; 5 — стеклянная бусина

Рис. 43. Киселевский могильник. План раскопа

I — погребения; II — ямы с захоронениями жертвенных животных и остатками огнищ

нение женщины. Слева, у головы погребенной, стоял раздавленный кувшин лепной работы (рис. 44, б).

Погребение 9 выявлено на глубине 1,3 м; в яме прямоугольной формы 1,3×2,5 м. На дне ямы (глубина 1,53 м от современного уровня) обнаружено парное захоронение. Тут головами на юго-восток лежали скелеты мужчины и женщины. У мужчины кисть левой руки находилась в районе таза, кисть правой — под тазом. У женщины обе кисти рук находились в районе бедер (ниже таза). С правой стороны (у головы женщины) находился лепной кувшин (рис. 44, а). У правой ноги женского скелета (у стопы) лежали кости животного и два небольших железных ножа. Неподалеку от кувшина найдена стеклянная круглая бусина (рис. 42, 5).

Погребение 10 выявлено на глубине 1,25 м. Скелет мужчины находился в прямоугольной яме и лежал головой на юго-восток. Руки вытянуты вдоль туловища (глубина ямы от современного уровня 1,35 м). У шейных позвонков найден окислившийся железный предмет, а у таза — кусочки железной пряжки (?). У правой руки, у запястья, лежало небольшое бронзовое колечко с остатками сильно окислившегося ножа (?).

Кроме погребений, на площади раскопа Киселевского могильника выявлено несколько ям с жертвенными захоронениями животных.

Яма 1 правильной округлой формы (1,6 м в диаметре); стенки и дно ее (глубина 2,1 м) обмазана глиной (рис. 43). В этой же яме обнаружен скелет животного из семейства кошачьих³, обращенный головой на юго-восток.

Яма 2 правильной округлой формы (1,7 м в диаметре), глубиной 2,3 м. Она содержала жертвенное захоронение молодой лошади. Скелет лежал головой на юг. Положение скелета показывает, что туша убитого животного была буквально втиснута в яму и поставлена. При расчистке обнаружилось, что задние и передние конечности оказались подогнутыми.

Яма 3 овальной в плане формы глубиной 1,7 м. В ней обнаружен слой древесного угля, золы (толщина слоя 0,20—0,25 м).

В ямах 4 и 5 на глубине 2—2,3 м найдены остатки древних кострищ, как и в яме 3. Ямы 4 и 5 содержали слой древесного угля, пережженной соломы и т. п. Толщина горелого слоя 0,17—0,22 м.

В ямах 6 и 7 на глубине 1,9 и 1,5 м обнаружены кости крупного рогатого скота, т. е. так же, очевидно, как и в ямах 1 и 2, остатки жертвоприношений.

Интересно, что ямы, обнаруженные на исследованной части могильника, расположены по краю территории могильника (рис. 43). Культовые ямы с жертвенными животными и остатками кострищ, очевидно, связаны с ритуальными захоронениями.

Киселевский могильник хорошо датируется красноглиняным кубком античной работы и обломками сарматского зеркала (рис. 41, 3; рис. 42, 1).

³ Определение кафедры зоологии Черновицкого Государственного университета.

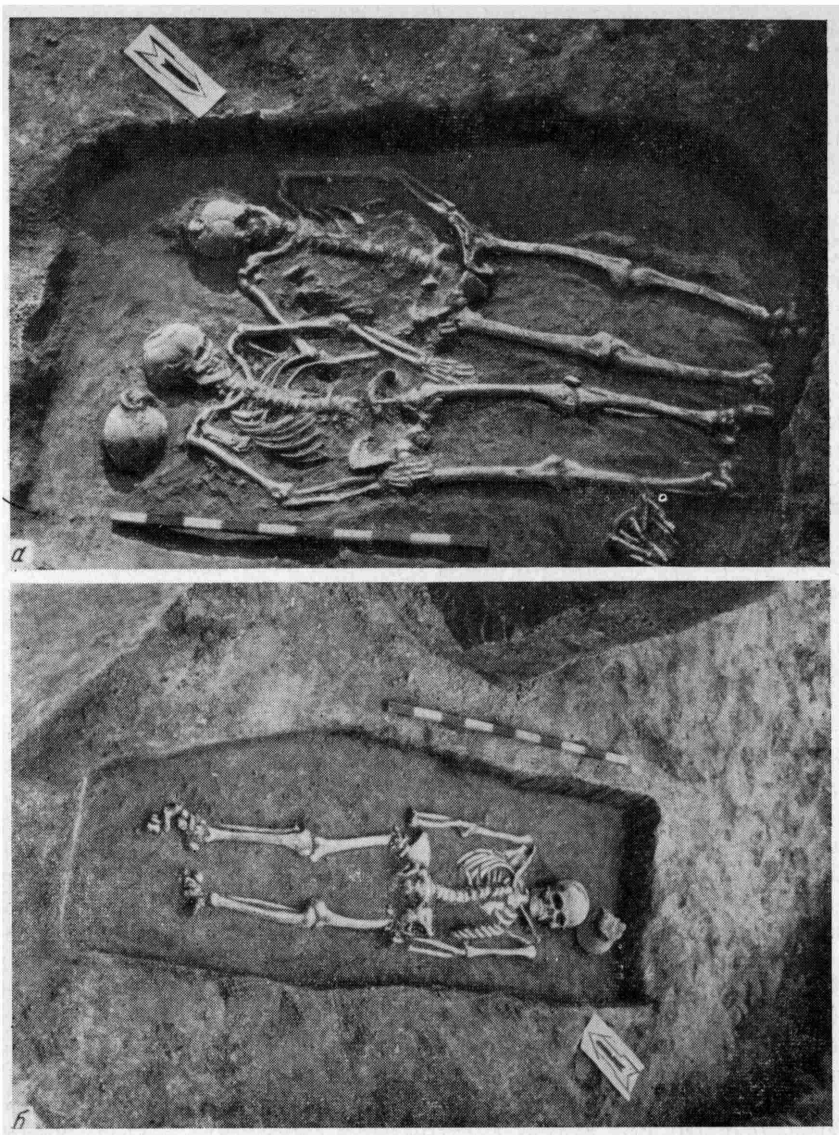

Рис. 44. Киселевский могильник :

а — погребение 9 (парное); б — погребение 8

I—II вв. н. э.⁴ Весь облик вещевого инвентаря, ритуал захоронений не оставляют сомнений в сарматской принадлежности могильника. Южная и юго-восточная ориентация погребенных характерны для сарматских могильников. На это указывали Г. Б. Федоров, А. И. Мелюкова, М. Ю. Смишко и другие исследователи⁵. Положение вместе с захоронениями ритуальной

⁴ Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952; М. П. Абрамова. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э.— I в. н. э. СА, 1961, № 1, стр. 103, 104.

⁵ Г. Б. Федоров. Малаештский могильник. МИА, № 82, 1960, стр. 257—283; А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51, 1953; М. Ю. Смишко. Сарматські поховання біля с. Острівець, Станіславської області. «Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині», вип. 4, Київ, 1962, стр. 56—58.

пищи с ножами, лепная сарматская керамика — все это типичные элементы сарматской культуры. Лепные из желтой и серой глины кувшины и курильница (рис. 41, 2, 4) находят аналогии в сарматских памятниках⁶. В частности кувшины, подобные киселевским, присутствуют в сарматских захоронениях Днестровско-Прутского междуречья (Малаешты, Боканы и др.)⁷. А курильница (рис. 41, 4) киселевского могильника находит аналогии в лепных сосудах с вертикальными и горизонтальными налепными валиками, происходящими из-за Дона⁸.

Культовые ямы Киселевского могильника с остатками жертвенных животных и кострищ находят непосредственные параллели в материалах малаештского некрополя в Молдавии. На южной и юго-восточной окраинах Малаештского могильника обнаружены две древние ямы, причем стенки одной из них так же, как и в Киселеве, обмазаны глиной⁹.

Захоронения животных, обнаруженные на Киселевском могильнике, связаны, очевидно, с определенным культом, характерным для сарматских племен.

Сарматы, оставившие Киселевский могильник, жили, очевидно, в среде местного земледельческого населения и сами были уже оседлыми. Подобные факты, когда сарматы, оседая на землю, смешивались с местным населением, известны и по результатам изучения памятников первой половины I тысячелетия н. э. в Молдавии (например, материалы Боканского поселения и грунтового могильника)¹⁰, по археологическим памятникам сарматской культуры восточной и центральной части Украины¹¹.

Материалы Киселевского могильника дают возможность четко размежевать сарматские древности от местных — черняховских. То же самое прослеживается по материалам могильника у с. Островец Ивано-Франковской области¹² и по памятникам, исследованным в с. Ленковцы Черновицкой области¹³.

По материалам Правобережной Украины, которыми мы располагаем, можно констатировать развитие черняховской культуры без заметного влияния со стороны сарматов. Имела место только инфильтрация сарматского населения на рубеже и в первые века н. э. из районов Причерноморья в сторону северо-запада (на территорию Северо-Западного Поднестровья и Прикарпатья).

В процессе своего продвижения сарматы утратили отдельные элементы своей культуры (курганные насыпи, деформация черепов и т. п.). Они постепенно и в некоторой части сливаются на Правобережье Украины с местным населением и, очевидно, воспринимают со временем местную культуру черняховских племен. Как верно отмечает М. П. Абрамова, постепенное (в направлении на запад) уменьшение в сарматских погребениях характерных черт своей культуры объясняется все большей удаленностью их от центра сарматской культуры и устойчивостью местных традиций¹⁴.

Сарматы появились на северо-западном Поднестровье уже в начале н. э. Это была, очевидно, какая-то группа племени языгов, которое первым из

⁶ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. МИА, № 89, 1960, стр. 328, табл. 21.

⁷ Там же.

⁸ М. П. Абрамова. Сарматские погребения Дона и Украины..., стр. 98, табл. 2, 5.

⁹ Г. Б. Федоров. Малаештский могильник, стр. 285.

¹⁰ Г. Б. Федоров. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии. «Известия Молдавского филиала АН СССР», № 4, 1956.

¹¹ М. П. Абрамова. Сарматские погребения Дона и Украины..., стр. 108.

¹² М. Ю. Смішко. Сарматські поховання біля с. Острівець..., стр. 59, табл. I.

¹³ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51, стр. 65—67.

¹⁴ М. П. Абрамова. Сарматские погребения Дона и Украины..., стр. 108.

сарматов передвинулось из причерноморских степей на запад¹⁵. После языгов на запад в I в. н. э. продвинулись и роксоланы¹⁶. Мы можем пока лишь предположительно говорить о деталях тех контактов, которые установились между местным населением первых веков н. э. и пришлыми сарматскими племенами. Но первые симптомы проникновения сарматов и оседания их на юго-западе Правобережья Украины по материалам могильников в Ленковцах, Островце и Киселеве можно считать установленными.

¹⁵ М. Ю. Смішко. Сарматські поховання біля с. Острівець..., стр. 70.

¹⁶ А. И. Мелюкова. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты. СА, 1962, № 1, стр. 208.

Н. А. БОГДАНОВА, И. И. ГУЩИНА

НОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ II — III ВВ. Н. Э. У С. СКАЛИСТОЕ
В КРЫМУ¹

В долине р. Альмы и ее притока р. Бодрак известны археологические памятники различных эпох, но больше всего могильники первых веков нашей эры.

Могильник Скалистое II², расположенный вправо от дороги, идущей от шоссе Севастополь — Симферополь к поселку Научный, был исследован в 1960 г.³ Он почти уничтожен во время строительства дороги и современными постройками. На небольшой площади, свободной от застроек, раскопками обнаружено 16 захоронений, однообразных по типу погребальных сооружений, ритуалу и инвентарю. Все могилы подбойные, имеют узкую, заполненную бутовым камнем входную яму, в юго-восточной стене которой сделан подбой, заложены вертикально стоящими каменными плитами. Дно подбойной камеры ниже дна входной ямы на 15—20 см. В подбое костяк, ориентированный головой на юго-запад. Погребенный лежал на спине, иногда одна или обе руки несколько согнуты в локтях и положены на тазовые кости. Ноги вытянуты, в одном случае скрещены в голенях. В двух могилах обнаружены остатки деревянной колоды, в восьми — следы темного тлена, возможно, от ткани, в которую обертывался покойник. На дне двух погребений прослежена меловая подсыпка. Заупокойная пища в виде части передней ноги барана была положена в головах погребенных в красноглиняной посуде. Ассортимент керамики однообразен и характерен для первых веков н. э.: красноглиняные тарелки с профилированными или округлыми стенками и одноручные кувшины. Остальной вещевой материал беден. На плечевых костях лежали бронзовые фибулы с подвижным приемником или коленчатой дужкой. В качестве застежек одежды иногда применялись большие круглые стеклянные бусы. В женских погребениях бусы (стеклянные с внутренней позолотой, плоскоовальные, янтарные, круглые сердоликовые) составляли ожерелья, а мелкий стеклянный или гешировый бисер был нашит на рукава и подол одежды. На костях рук и ног находились бронзовые браслеты из круглой в сечении проволоки, с гладкими или оформленными в виде змеиных головок концами. В двух погребениях обнаружены браслеты с тройными шишечками по ободу. В могиле 1 такой браслет был одет на правую ногу погребенного. На фалангах пальцев рук обна-

¹ Доклад, прочитанный на секции сессии Ин-та археологии АН СССР в 1961, 1964 гг.

² На территории села Скалистое в 1958—1960 гг. М. В. Веймарном был исследован большой могильник IV—IX вв. н. э. Скалистое I. Могильники Скалистое II, III, IV обнаружены археологическими исследованиями БИАМ и ГИМ в 1960, 1963 и 1964 гг.

³ Н. А. Богданова. Отчет о раскопках БИАМ и ГИМ у с. Озерное в Заветнос, в 1960 г. Архив ИА АН УССР, № 3445, 3446, 3447.

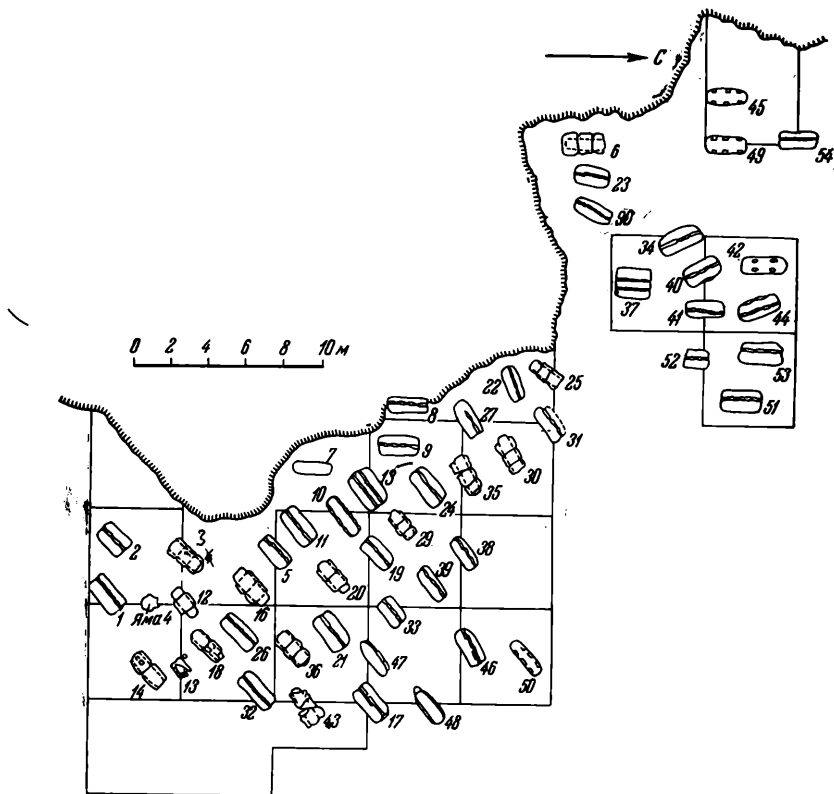

Рис. 45. Скалистое III. План раскопок могильника

ружены бронзовые перстни со стеклянными вставками. Небольшое зеркало-привеска характерное для инвентаря могильников первых веков нашей эры встречено только в одной могиле. В женских погребениях обнаружены глиняные пряслица, лежащие обычно у кисти правой руки. Могильник существовал, по-видимому, недолго — в пределах II в. н. э.⁴

Могильник Скалистое III был обнаружен при выборке глины в 30 м влево от дороги, ведущей в поселок Научный, на правом берегу р. Бодрак. Площадь, исследованная в 1964 г. (около 600 м²), составляет примерно 1/3 всей территории могильника, часть которой разрушена (рис. 45). Всего открыто 54 могилы, десять из них были ограблены в древности. Погребальные сооружения представлены четырьмя типами: 1 — подбойные (32), 2 — плитовые (4), 3 — грунтовые ямы, перекрытые каменными плитами (16), 4 — захоронения в амфоре. Подбойные могилы аналогичны погребениям могильника Скалистое II, иногда здесь встречаются могилы с двумя подбоями.

Разновидностью третьего типа являются грунтовые ямы, имеющие по длинным сторонам два-три каменных столба, которые служили упором для горизонтальных каменных плит. Такого рода сооружения нам известны только в этом могильнике. Преобладает юго-западная ориентировка погребенных (в том числе во всех могилах со столбами), два погребения с северной ориентировкой. Все погребенные лежат вытянуто на спине, изредка кисти рук положены на кости таза (в четырех случаях), в одном случае ноги скрещены в голених. Иногда прослеживались остатки темного тлена,

⁴ Н. А. Богданова. Отчет о раскопках могильников у с. Скалистое в 1964 г. Архив ИА АН УССР.

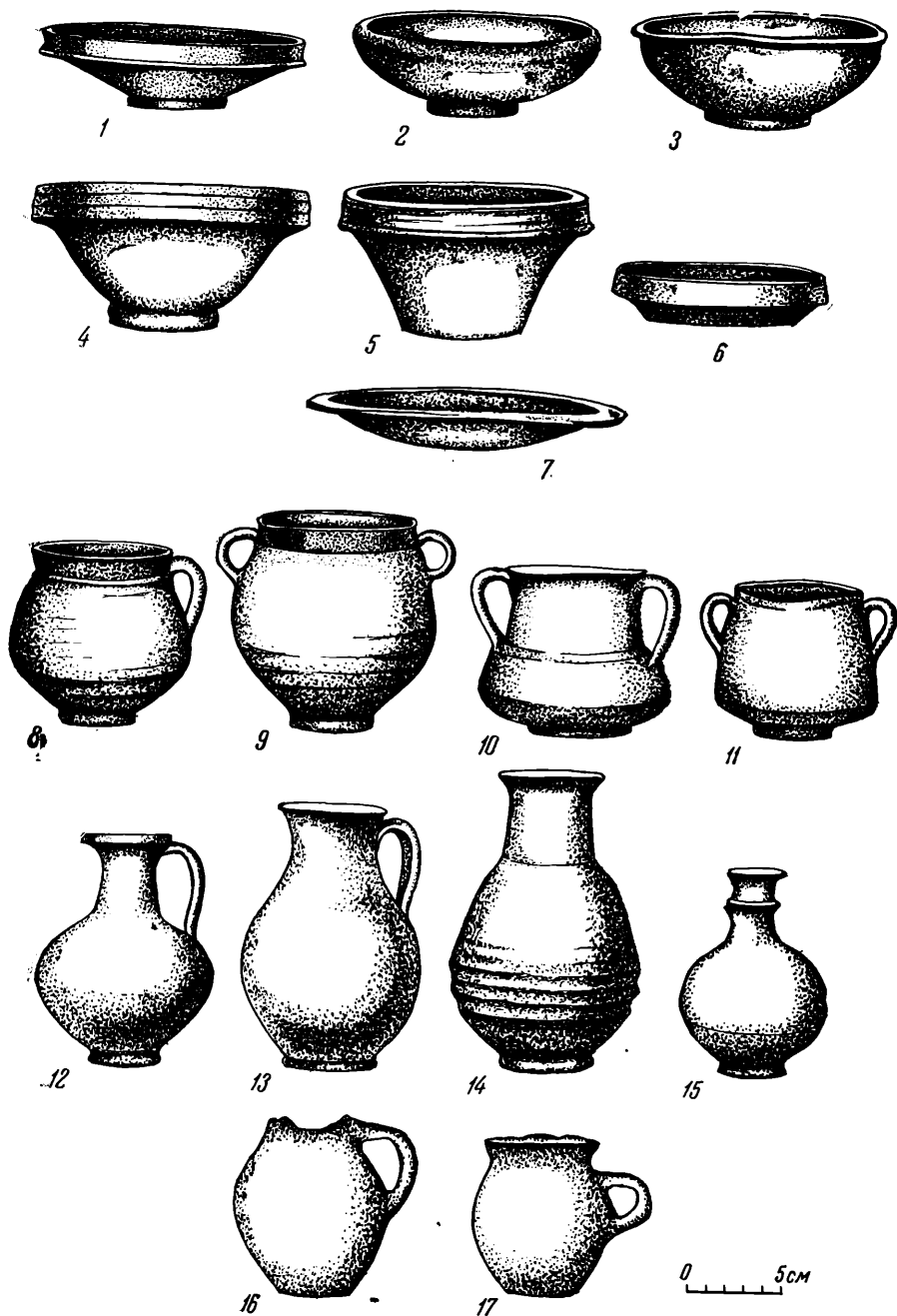

Рис. 46. Скалистое III. Типы керамики из могильника

1—15 — гончарные сосуды из погребений 25, 51, 43, 24, 11, 40, 48, 23, 12, 14, 16, 17, 9, 20, 7;
 16—17 — лепные сосуды из погребений 2, 52

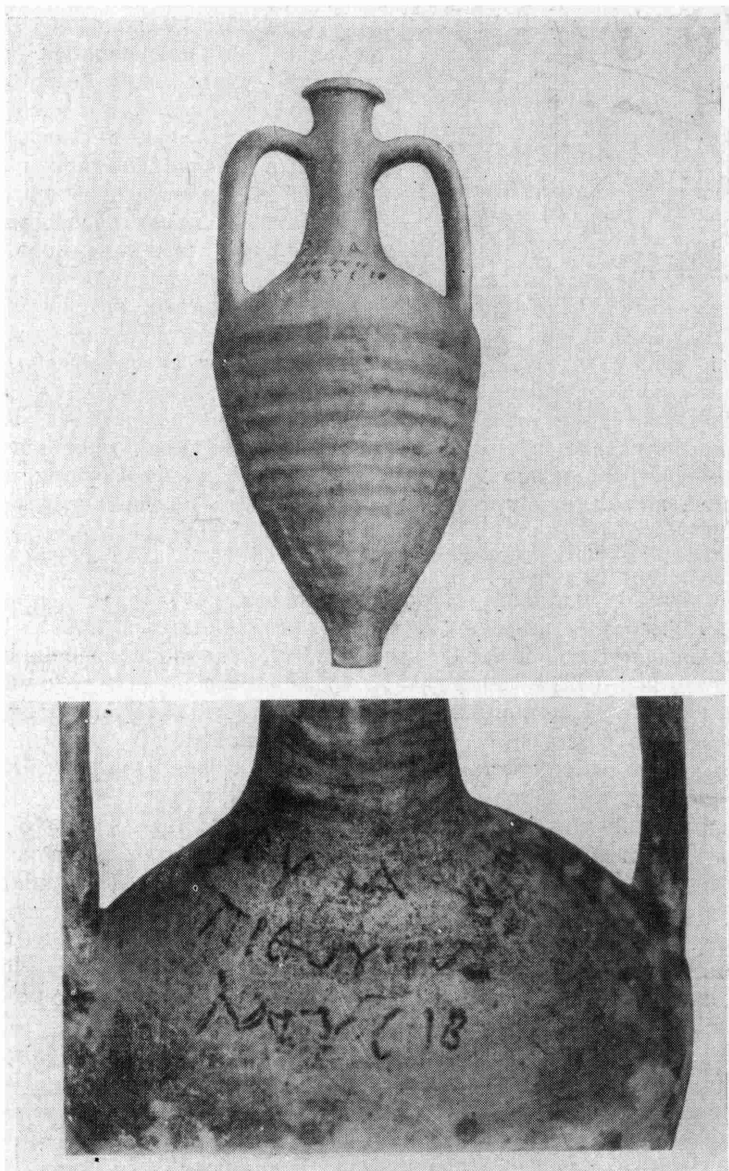

Рис. 47. Скалистое III. Светлоглиняная амфора из погребения 18

ΚΥΨΑΜΗ
 ΠΙΘΟΙ 19
 ΜΥΣΙΒ

Рис. 48. Прорись надписи на амфоре из погребения 18 (Скалистое III)

первых веков⁵. Он состоит из красноглиняной посуды: одноручных кувшинов, мисок или тарелок (рис. 45). Особенно много одноручных или, реже, двуручных небольших кубков на кольцевом поддоне, которые часто ставились в миску. Обычай ставить сосуд в миску характерен для меотских могильников Прикубанья и Подонья⁶. Всего найдено 73 сосуда, только один из них лепной стоял в ногах детского погребения. В могиле 18 у головы погребенного, в специальном подбое найдена двуручная светлоглиняная амфора, емкостью 5 л. На плече амфоры — трехстрочная греческая надпись, нанесенная красной краской. Часть надписи трудно разобрать. Читается: $\begin{matrix} \kappa\upsilon\psi\mu\alpha \dots \\ \pi\iota\theta\omicron\iota-19 \\ \mu\upsilon\sigma\iota\beta \end{matrix}$ (рис. 48).

Возможный перевод надписи: «Проба ... пифоса [№] 19 [содержит] кувшинов 12». Нумерация пифоса (№ 19) может свидетельствовать о большом винодельческом хозяйстве, с которым был связан погребенный, а количество кувшинов (12) — о принятой в хозяйстве за единицу измерения объема амфоры объем кувшина, примерная емкость которого равна 400 г.

В другой амфоре с коническим дном, обложенной со всех сторон и перекрытой каменными плитами, содержалось погребение ребенка в возрасте пяти-шести лет.

Неизменно в инвентаре каждой могилы были фибулы (рис. 49, 9—11). Преобладают небольшие бронзовые фибулы с коленчатой дужкой. Меньше фибул с подвижным приемником. В погребении 37 (1) была обнаружена фибула римского типа с круглым щитком, украшенным округлыми выступами, поверхность ее заполнена желтой и светло-зеленой эмалью (рис. 49, 2). Первые два типа фибул широко распространены в Северном Причерноморье, где они бытуют большой промежуток времени. Фибулы с коленчатой дужкой особенно известны в Крыму во II—III вв. н. э.

В нескольких погребениях Скалистинского могильника находились фибулы, протертые в бронзовое кольцо. Подобные фибулы известны в Чернореченском и Заветнинском могильниках. Фибулы с эмалью довольно редкая находка в Крымских могильниках. Они встречены в погребениях II—III вв. н. э. Чернореченского могильника⁷ и являются предметом западноевропейского импорта⁸.

Маленькие бронзовые зеркала-привески с четырехугольным ушком для подвешивания и с выпуклым орнаментом на оборотной стороне известны в синхронных могильниках Крыма и в сарматских комплексах Дона, Кубани

⁵ И. О. Богданова. Указ. соч., стр. 100, рис. 3.

⁶ Н. В. Анфимов. Тахтамукаевский могильник (погребения 10, 11, 19, 24, 47). Сборник материалов по археологии Адыгеи, т. II. Майкоп, 1961.

⁷ В. П. Бабенчиков. Чернореченский могильник. АП, УРСР т. 13, Київ, 1963.

⁸ E. Patek. Verbreitung und Herkunft der Römischen Fibeltypen von Pannonien. Dissertationen pannonicae. Ser. II. fasc. 199. Bd. XVI, 12, Budapest, 1942, S. 145.

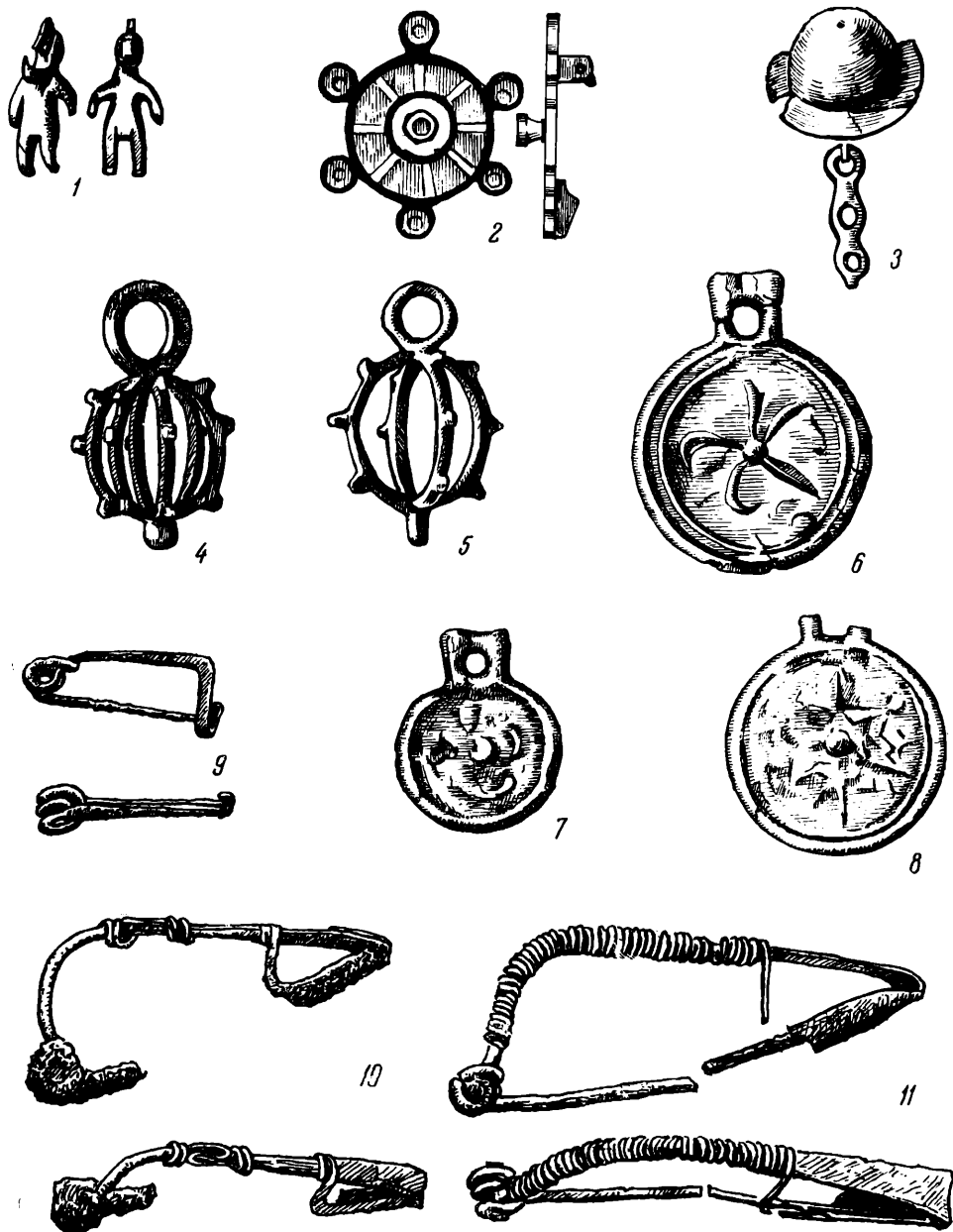

Рис. 49. Скалистое III. Бронзовые предметы из погребений

1 — антропоморфная привеска. Погребение 37 (11); 2 — фибула. Погребение 37 (1); 3 — колокольчик с костяным язычком. Погребение 52; 4—5 — ажурные привески. Погребение 52, 7; 6—8 — зеркала-привески. Погребение 36, 48, 37 (11); 9, 10, 11 — фибулы. Погребения 36, 21

и Нижней Волги со II в. н. э.⁹ В могильнике Скалистое III они были обнаружены в четырех погребениях (рис. 49, 6—8). В двух могилах зеркала лежали у локтевой кости со стороны груди и были прикреплены, по-видимому, к поясу. В могиле 37 (II) зеркало, возможно, лежало вместе с другими вещами в мешочке; у погребенного в могиле 48 — на локтевых костях. Во всех случаях зеркала были положены вверх орнаментом, состоящим из радиально расходящихся от центра лучей, концы которых закруглены или оформлены в виде «елочки».

Ритуальные зеркала-привески, по-видимому, можно связать с изображением солнечного диска. Положенные в темную могилу, они должны были олицетворять свет, жизнь. Не случайно орнаментальный мотив на зеркалах, как правило, состоит из солярных знаков: круг, свастика с закругленными концами — изображение движения солнца, расходящиеся радиально выпуклые линии — солнечные лучи. К ритуальным предметам можно отнести небольшие бронзовые антропоморфные фигурки, колокольчики с железным или костяным билом (рис. 49, 1, 3), ажурные бронзовые подвески овальной формы из круглой в сечении проволоки с тройными шишечками по ободу и с петелькой для подвешивания (рис. 49, 4—5). В могиле 48 петля заменена изображением полумесяца рогами вверх. Местоположение их в могиле, как и колокольчиков неопределенно.

Довольно многочисленны и разнообразны предметы украшения: браслеты, перстни, височные кольца, бусы.

Браслеты представлены четырьмя типами: 1 — круглопроволочные с заходящими друг за друга или перевитыми концами; 2 — с ровными или расширяющимися концами; 3 — круглопроволочные или пластинчатые в сечении браслеты с расплюснутыми и оформленными в виде змеиных головок концами; 4 — круглопроволочные с тремя рядами шишечек по ободу. Все четыре типа широко известны в синхронных памятниках Юго-Западного Крыма и Северного Причерноморья. Браслеты двух первых типов известны в этих районах с I в. до н. э., но особенно широко распространены в памятниках II—III вв. н. э. Браслеты с концами в виде змеиных головок часто встречаются в могильниках Крыма со II в. н. э. Особенно много их в могильнике у с. Заветное. По типу изображения они близки нашим¹⁰. Бронзовые перстни круглопроволочные, имеют круглый или овальный щиток с эмалевыми, стеклянными или сердоликовыми вставками. Два перстня украшены геммами с изображением человеческих фигур античного облика.

Височные кольца обнаружены в немногих погребениях. Интересны серебряные из перевитой жгутом проволоки височные кольца, один конец которых завернут в петлю, другой снабжен щитком для сердоликовой вставки. Аналогичные серьги встречены в могильнике II—III вв. у с. Черноречье¹¹. Довольно многочисленны бусы разнообразные по форме и размерам, служившие ожерельями, пуговицами, украшением рукавов и подолов одежды. Преобладают бусы стеклянные круглые с внутренней позолотой, крупные хрустальные и янтарные плоскоовальные, гешировые многогранные, бронзовые рифленые и сердоликовые.

Среди предметов домашнего обихода можно отметить глиняные биконические пряслица, на одном из которых (погребение 12) врезными линиями изображено животное, очевидно, лошадь.

Могильник Скалистое III прекратил свое существование, видимо, в III в. н. э.

⁹ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 36, 37, рис. VI.

¹⁰ Н. О. Богданова. Могильник I ст. до н. э.—III ст. н. э. біля с. Завітне Бахчисарайського р-ну. «Археологія», т. XV. Київ, 1963, рис. 4, 1—3; Н. А. Богданова, И. И. Гущина. Раскопки могильников первых веков нашей эры в Юго-Западном Крыму в 1960—1961 гг. СА, 1964, 1, стр. 327.

¹¹ В. П. Бабенчиков. Указ. соч., стр. 92, табл. II, 13—14.

Обнаружение на небольшой территории синхронных могильников свидетельствует о значительной заселенности этого района в первые века н. э. в отличие от последних веков до н. э.

Рассмотрение погребального обряда обоих могильников позволяет сделать некоторые выводы об этническом составе населения. Наличие большого количества подбойных сооружений, сходных по своему устройству с сарматскими, случаи погребения в деревянной колоде и наличие меловой подсыпки, преобладание южной (с отклонениями) ориентировки можно связать с сарматским погребальным обрядом. Такие черты, как положение рук на тазовых костях и ритуал скрещенных ног, возможно, заимствован у сарматов и меотов Прикубанья и Подонья. Все это может свидетельствовать о проникновении сарматского или меото-сарматского населения в Юго-Западный Крым.

III. ХРОНИКА

СЕКТОР СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

В 1965 г.

В 1965 г. сектор продолжал работу над проблемами эпохи раннего железа и раннего средневековья.

К. Ф. Смирнов защитил докторскую диссертацию по книге «Савроматы» и И. С. Каменецкий — кандидатскую по теме «Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э.».

Работа сотрудников сектора, как и в предыдущие годы, велась по нескольким направлениям: археология скифов и сарматов (О. Д. Дашевская, И. С. Каменецкий, П. Д. Либеров, А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко, А. П. Смирнов, К. Ф. Смирнов), археология полей погребений (В. В. Кропоткин, Ю. В. Кухаренко, Г. Ф. Никитина, Э. А. Сымонович), археология лесной полосы Восточной Европы (О. Н. Мельниковская, А. П. Смирнов), археология эпохи «великого переселения народов» (В. Б. Ковалевская, А. П. Смирнов), археология Средней Азии (Г. А. Брыкина).

А. И. Мелюкова в 1965 г. закончила работу над темой «Геты и скифы на Юго-Западе СССР и на территории Румынии и Болгарии», Ю. В. Кухаренко закончил работу над книгой «Археология Польши (общий обзор)», работу по выпускам САИ «Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.» и «Поясные наборы дружинников Евразии IV—VII вв.» завершили В. Г. Петренко и В. Б. Ковалевская. В том же году сотрудниками сектора начата разработка ряда новых тем: В. Г. Петренко «Украшения скифского периода степи и лесостепи», Г. Ф. Никитиной «Погребальный обряд Средней и Восточной Европы в I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э.», О. Н. Мельниковской «Юхновская культура» и А. П. Смирновым «Гунны в Европе». А. П. Смирнов совместно с Х. А. Моора приступили также к написанию «Археологии финно-угорских племен».

В соответствии с разрабатываемой тематикой на заседаниях сектора были прочитаны доклады.

Доклад Б. А. Шрамко «Плетение, прядение и ткачество у лесостепных племен скифского времени» (10 февраля) был посвящен рассмотрению и систематизации остатков продукции указанных производств и использовавшихся при этом орудий.

П. Д. Либеров в докладе «Памятники междуречья Дона и Северского Донца в эпоху раннего железа» (21 апреля) высказал мнение, что в междуречьи Дона и Северного Донца до III в. до н. э. жили сирматы, которых следует считать частью будин. Основным компонентом сложения культуры сирмат-будинов П. Д. Либеров считает абашевскую культуру.

Систематизации и уточнению датировок шлемов был посвящен доклад Е. В. Черненко «Шлемы скифского времени» (19 мая).

Вопрос о взаимоотношениях скифов и гетов, о границе между ними, об истории их взаимоотношений и взаимовлияний был освещен А. И. Мелюковой в докладе «Геты и скифы в Северо-Западном Причерноморье» (8 декабря).

В двух докладах «О населении Карпато-Днестровского района во II—I вв. до н. э.» М. А. Романовская поддержала точку зрения Г. Б. Федорова о гетской принадлежности населения этой территории, указав на культурные влияния со стороны северо-западных соседей, дала общую характеристику культуры типа Поянешты — Лукашевка.

В докладе «О язаматах» И. С. Каменецкий (3 февраля) высказал предположение о передвижении язамат с Черноморского побережья Кавказа на Нижний Дон и о меотской принадлежности этого племени.

Обзору существующих точек зрения по спорным вопросам черняховской культуры был посвящен доклад Э. А. Рикмана «Проблемы черняховской культуры Днестровско-Дунайского междуречья в исторической науке» (13 января).

Б. Э. Бабкин в докладе «Памятники пшеворской культуры на территории СССР» (28 апреля) дал общий обзор памятников и указал на имеющиеся связи пшеворской культуры с липецкой и черняховской.

Основные положения доклада Э. А. Сымоновича «Новые аспекты археологического изучения готской проблемы в Северном Причерноморье» (3 ноября) сводятся к двум тезисам. Черняховская культура не может считаться готской, так как возникновение ее памятников во II в. н. э. предшествует переселению готов. Памятники, расположенные на побережье между Днпром и Днестром, следует рассматривать также, как черняховские, но по ряду причин несколько отличающиеся от более северных.

Два доклада сделал Ю. А. Краснов. В первом — «О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы» (24 февраля) сделан вывод о возникновении пашенного земледелия на южных окраинах лесной зоны еще в эпоху поздней бронзы. Исчезая затем в Прибалтике и на юго-востоке лесной полосы, пашенное земледелие в первой половине I тысячелетия н. э. вновь распространяется в западной части рассматриваемой территории. Во втором докладе — «Локальные особенности животноводства у племен лесной полосы Восточной Европы в эпоху раннего железа» (10 ноября) — Ю. А. Краснов по остеологическим материалам наметил четыре района: I — Эстония и часть Северо-Запада РСФСР; II — Латвия, Литва, Средняя и Северная Белоруссия, запад Волго-Окского междуречья; III — Южная Белоруссия, Подесенье, часть Посеймья и бассейн верхней Оки; IV — Прикамье, Поветлужье, лесное Поволжье, восток Волго-Окского междуречья.

Доклад О. Н. Мельниковской «Моховское I городище» (24 марта) был посвящен памятнику раннего этапа милоградской культуры (VI—V вв. до н. э.). Подробно была освещена стратиграфия городища и относительная хронология обнаруженных на нем объектов.

Классификации керамики IX—X вв. посвящен был доклад Е. Н. Казакова «Керамика Танкеевского могильника» (15 декабря). Автор показал, что керамика могильника не имеет корней в именьковской культуре, бытовавшей в Среднем Поволжье в предшествующее время. Гончарные сосуды оказываются связанными с салтово-маяцкими, являясь звеном между последними и керамикой Волжской Болгарии домонгольского периода. Лепная керамика находит ближайшие аналогии на позднеломоватовских и позднеполомских памятниках Верхней Камы и Чепцы, из чего можно заключить, что население этих районов явилось одним из компонентов населения Волжской Болгарии.

В докладе «Производство и торговля народов Северного Кавказа в IV—IX вв. н. э.» В. Б. Ковалевская (31 марта), проанализировав находки бус и частей поясных наборов и, широко применив метод картографирования, выделила ряд местных типов указанных категорий вещей, производившихся на Северном Кавказе. Картографирование остальных типов позволило установить центры их производства и дало материал для изучения торговых связей с Закавказьем, Ближним Востоком и Византией.

О. Ю. Круг в докладе «Объективный анализ субъективной информации в археологии» (27 января) попыталась применить математические методы (ранговая корреляция) для обработки субъективных оценок, характеризующих состояние той или иной археологической проблемы. В качестве примера использовались оценки важности различных признаков светлоглиняных амфор с профилированными ручками.

Ряд заседаний был посвящен сообщениям об экспедиционных работах (О. Д. Дашевская, В. И. Козенкова, В. В. Кропоткин, П. Д. Либеров, А. И. Пузикова, Э. А. Рикман, А. П. Смирнов, П. Д. Степанов, Г. А. Федоров-Давыдов, Н. Л. Членова)¹ и обсуждению законченных работ (В. Б. Ковалевская — «Поясные наборы дружинников Евразии в IV—VII вв.», В. В. Кропоткин — «Экономические связи Восточной Европы с Римской империей и ранней Византией», Ю. В. Кухаренко — «Древнее Полесье», В. Г. Петренко — «Правобережье Среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э.», М. Х. Садыкова — «Сарматы в Башкирии»).

И. С. Каменецкий

¹ См. сборник «Археологические открытия в 1965 г.» М., 1966.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП — Археологічні пам'ятки
 АС — Археологический съезд
 АЛЮР — Археологическая летопись Южной России
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии
 ВЭИЭН — Вопросы этнической истории эстонского народа
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ИА — Институт археологии АН СССР
 ИАК — Известия археологической комиссии
 ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
 ИИМК — Институт истории материальной культуры
 ИТУАК — Известия Таврической Ученой архивной комиссии
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии
 КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры
 КСИЭ — Краткие сообщения института этнографии
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
 МАК — Материалы по археологии Кавказа
 МАПП — Материалы з археології Північного Причорномор'я
 МАР — Материалы по археологии России
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причорномор'я
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МИРМ — Музей истории и реконструкции Москвы
 ОАК — Отчет археологической комиссии
 ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа.
 ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 САИ — Свод археологических источников
 СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
 СКАЭ — Северо-Кавказская археологическая экспедиция
 СЭ — Советская этнография
 AUSAU — Archeologický ústav Slovenské akademie ved (SAU) Nitra
 ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
 RGK — Romischen Germanischen Kommission
 SCIV — Studii si cercetari de istorie veche

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Анна Васильевна Збруева (Б. Г. Тихонов, О. Н. Бадер)	3
Список печатных трудов А. В. Збруевой (составила Г. Е. Грюнберг)	6

I. Д О К Л А Д Ы И Д И С К У С С И И

М. Б. Щ у к и н. О трех датировках черняховской культуры	8
Н. К. К а ч а л о в а. О выделении полтавкинской культуры	14
Х. И. К р и с. Классификация таврских каменных ящиков	23
Ю. А. К р а с н о в. Локальные особенности животноводства в лесной полосе Восточной Европы в эпоху раннего железа	31
А. Н. М е л е н т ь е в. Некоторые детали конской упряжки киммерийского времени	38

II. П О Л Е В Ы Е И Л А Б О Р А Т О Р Н Ы Е И С С Л Е Д О В А Н И Я

А. Е. А л и х о в а. Среднеапочкинские курганы и поселение	45
А. Д. П р я х и н. Масловское поселение эпохи бронзы в черте г. Воронежа	49
Э. А. С ы м о н о в и ч. Новые находки эпохи бронзы на Тилигульском лимане	57
А. М. М а н д е л ь ш т а м. Новые погребения срубного типа в Южной Туркмении	61
Г. И. С м и р н о в а. Могильник культуры Ноа у с. Старые Бедражы в Молдавии	66
Э. С. Ш а р а ф у т д и н о в а. Раскопки на Кобяковском поселении эпохи поздней бронзы в 1962 г.	75
В. И. К о з е н к о в а. Исследование памятников раннего железного века у сел. Сержень-Юрт	82
И. Г. Р о з е н ф е л ь д т. Итоги раскопок Щербинского городища	90
А. Ф. Д у б ы н и н. Клад Щербинского городища	99
М. А. С а б у р о в а. Реконструкция женского убора по материалам клада Щербинского городища	105
Р. Л. Р о з е н ф е л ь д т. Археологические разведки в Подмосковье в 1964—1965 гг.	107
И. Д. З и л ь м а н о в и ч. Гончарные печи Луки-Врублевецкой	112
К. В. К а с п а р о в а. Могильник и поселение зарубинецкой культуры у дер. Отвержици	118
И. С. В и н о к у р, Л. В. В а к у л е н к о. Киселевский могильник I—II вв. н. э.	126
Н. А. Б о г д а н о в а, И. И. Г у щ и н а. Новые могильники II—III вв. н. э. у с. Скалистое в Крыму	132

III. Х Р О Н И К А

Сектор скифо-сарматской археологии в 1965 г. (И. С. Каменецкий)	140
Список сокращений	143

Археологические памятники эпохи бронзы и раннего железа на территории Восточной Европы КСИА, № 112

Утверждено к печати Институтом археологии АН СССР

Ведущий редактор А. А. Бобринский. Редактор издательства Г. В. Моисеенко.
Технический редактор Н. Ф. Егорова.

Сдано в набор 7/II 1967 г. Подписано к печати 27/III 1967 г. Формат 70×108^{1/16} Бумага № 2
Усл. печ. л. 12,8. Уч.-изд. л. 11,8 Тираж 2100 экз. Т-10260. Тип. зак. 2338. Цена 71 коп.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсоенский пер, 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99. Шубинский пер., 10